

С. 2360

Л. Ө. Снегиревъ. — Судебныя Драны.

Кав. 1930г. - № 4988.

Съ полными рѣчами Н. П. КАРАБЧЕВСКАГО и Сенатора А. Ө. КОНИ.

ПРОВЕРКА 2007

РОМАНЪ КОЖЕВНИКА

(Дѣло Бизуара съ Фелисатой Матвѣ)

2857 кав

Сергиевъ Посадъ

2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

1895.

(335)

Настоящая книжка была приготовлена къ выпуску въ свѣтъ, когда послѣдовало кассационное разсмотрѣніе дѣла Палемъ.

Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ не только оправдательный приговоръ присяжныхъ, но и самое преданіе суду Палемъ, какъ преждевременное.

Старыя язвы нашего новаго суда:—недостатки предварительнаго слѣдствія и чисто формальное отношеніе къ слѣдственнымъ производствамъ обвинительныхъ камеръ — „подписано и съ плечъ долой“ — недостатки, обнаружившіяся еще при первыхъ шагахъ гласнаго суда, — къ сожалѣнію повторяются и нынѣ, какъ это воочію видно изъ дѣла Палемъ ¹⁾.

1) Впервые наглядно *предвзятость* предварительныхъ слѣдствій обнаружилась по громкому дѣлу Мавры Волоховой, разбивавшемуся въ 1867 году въ московскомъ окружномъ судѣ. Благодаря этой предвзятости послѣдовала непоправимая судебная ошибка: *намѣченная* слѣдователемъ убійца, жена убитаго, была оправдана, несмотря на вѣскость обвинительныхъ доводовъ г. Громницкаго, а дѣйствительный убійца такъ и не былъ обнаруженъ. Нынѣ, почти чрезъ тридцать лѣтъ, наши слѣдственные порядки не только не улучшились, но злоупотребленія этими порядками слѣдственной властью вызываютъ постоянныя и справедливыя нареканія. Такъ, напр., Жур. Мин. Юст. (1894, № 2), органъ Министерства Юстиціи, характеризуя по вопіющему дѣлу прис. повѣр. Степанова современные порядки предварительныхъ слѣдствій, съ прискорбіемъ указываетъ на укоренившуюся въ послѣднее время односторонность злоупотребленія, благодаря которой доводы обвиняемаго оставляются безъ провѣрки, отчего случается неправильное преданіе суду невинныхъ. Также по прихоти прокурора и безхарактерности слѣдователей напрасно заключаютъ обвиняемыхъ въ одиночное заключеніе. Въ основаніе такихъ злоупотребленій лежитъ существующій на практикѣ „безчеловѣчный взглядъ, что — на судъ могутъ-де оправдать, а онъ посидитъ“.

Судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе, нагромоздилъ его такими доказательствами, которыя вовсе не нужны были для дѣла и въ тоже время оставилъ безъ изслѣдованія то, что было необходимо (изслѣдованіе психическаго состоянія подсудимой), вѣдствіе чего самая постановка обвиненія и преданіе суду Ольги Палемъ является преждевременнымъ. Обвинительная же камера, Судебная Палата своевременно не исправила эти промахи предварительнаго слѣдствія.

Сенаторъ А. О. Кони, дававшій заключеніе по этому дѣлу, между прочимъ, замѣтилъ, что если въ старое время существовала поговорка: *не бойся суда, а бойся судьи*, то при новомъ судѣ, когда слѣдователи будутъ позволять себѣ самыя простыя дѣла затягивать на цѣлые мѣсяцы и ради „празднаго любопытства“ привлечь къ слѣдствію лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ событію преступленія, производя у нихъ грубые обыски, то явится новая поговорка: *не бойся судьи*, т. е., суда присяжныхъ, *а бойся суда*, т. е., судебной власти.

Хорошо, конечно, что съ высоты сенатской трибуны раздалось такое вѣское слово о непорядкахъ судебныхъ дѣятелей, угрожающихъ спокойному существованію cadaго; при чемъ публика узнала отъ чего происходятъ такіе и подобныя промахи, а также, что эти промахи въ установленные сроки могутъ быть исправлены. Но нельзя забывать, что эти исправленія, хотя бы и въ интересахъ правильнаго отправленія правосудія, дабы на будущее время обвинительныя камеры были на стражѣ правильнаго производства предварительнаго слѣдствія, — задѣваютъ прежде всего существенные, личные интересы живыхъ людей. Тяжелое впечатлѣніе производитъ на всѣхъ то обстоятельство, что Палемъ, которую судили и признали невиновной, по тому же дѣлу, *не по ея уже винѣ*, снова берутъ подъ слѣдствіе, заключаютъ подъ стражу для

пресѣченія ей способовъ уклоненія отъ новаго, можетъ быть оправдательнаго приговора, такъ какъ преступленіе Палемъ и ея отношенія къ покойному Довнару, вызвавшія это преступленіе, съ полнымъ безпристрастіемъ и полнотою, по словамъ самаго-же обвинителя ¹⁾, выяснились на судѣ присяжныхъ и едва ли что либо новое дастъ намъ вновь начавшееся предварительное слѣдствіе....

При краткомъ кассационномъ производствѣ я помѣщаю полныя рѣчи сенатора А. Ѳ. Кони и защитника Ольги Палемъ, Н. П. Карабчевскаго. Послѣдній въ своей рѣчи выдвинулъ въ Сенатѣ на очередь крайне существенный процессуальный вопросъ, составляющій злобу дня. Какъ извѣстно, французскій уголовный процессъ, послужившій прототипомъ нашему процессу, въ худшей его части, въ инквизиціонномъ предварительномъ производствѣ, гдѣ обвиняемый, строго говоря, лишень права самозащиты и самооправданія, — *не знаетъ вовсе кассаций оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ*. Если даже прокуроръ находитъ, что при поставленіи приговора были допущены тѣ или другія нарушенія, онъ можетъ жаловаться Кассационному Суду, но жалоба эта, по своимъ послѣдствіямъ, не касаясь вовсе личности разъ оправданнаго, имѣетъ характеръ академическій. Это называется кассациею *во имя закона*, въ интересахъ будущихъ дѣлъ подобной же категоріи, когда имѣется въ виду истолковать процессуальное нарушеніе въ интересахъ устраненія подобнаго же нарушенія впредь. Нашъ уголовный процессъ, къ сожалѣнію, не ограждаетъ до такой степени ясно и категорично личность подсудимаго. Поэтому у насъ и возможны такія печальныя явленія, какія обнаружались въ процессѣ Палемъ, гдѣ дѣло кассировано не въ ин-

¹⁾ См. рѣчь товар. прокур. Башилова, стр. 47.

тересахъ подсудимой, не въ предѣлахъ возстановленія ея нарушенныхъ правъ, на осуществленіе которыхъ она настаивала и въ законномъ осуществленіи которыхъ ей тѣмъ не менѣе было отказано,—а въ интересахъ противниковъ, во имя отвлеченнаго правосудія, или какъ выразился сенаторъ А. Ѳ. Кони, въ интересахъ правильнаго правосудія вообще. „Такъ какъ это должно настойчиво указать обвинительнымъ камерамъ—говорилъ онъ—ихъ обязанность быть на стражѣ правильнаго производства предварительнаго слѣдствія и разрѣшить окончательно роковой судебной вопросъ: *et quis custodit custodes ipsos*“.

Такимъ образомъ въ русской уголовной лѣтописи дѣло Палемъ навсегда останется поучительнымъ примѣромъ того, какъ отъ неправильнаго направленія дѣла съ первыхъ его шаговъ важнѣйшіе интересы людей попираются самымъ безцеремоннымъ образомъ и ни какія въ сущности кассациіи не могутъ исправить этого печальнаго факта. Только коренная реформа слѣдственной части и огражденіе оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ въ интересамъ подсудимыхъ, какъ приговоровъ неприкосновенныхъ, избавить правосудіе отъ повторенія дѣлъ подобныхъ Палемъ.

Леонтій СНЕГИРЕВЪ.

Сергіевъ Посадъ.

4 Апрѣля 1895 г.

ОТГОЛОСКИ ПЕЧАТИ.

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

Въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ почти всегда можно отыскать дѣйствительную правду, расходящуюся съ правдою формальной.

(А. Кони).

Оправдательный приговоръ Ольги Палемъ вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати нападки на гласный судъ, на непригодность суда присяжныхъ, потерявшаго будто бы совѣсть, узаконяющаго даже право на убійство, обсуждающихъ дѣла болѣе по влеченію сердца, нежели разсудка, и т. п. нареканий.

Прежде изложенія хода самаго процесса, считаю нужнымъ остановиться нѣсколько на этихъ отголоскахъ печати.

Застрѣльщикомъ выступилъ издатель «Нов. Вр.». Въ своихъ «Маленькихъ письмахъ» (№ 6817) г. Суворинъ высказываетъ рѣзкія замѣчанія по адресу присяжныхъ. «Они подтвердили смертный приговоръ, произнесенный и исполненный г-жею Палемъ надъ студентомъ Довнаръ...»

— Сударыня, разрѣшаемъ вамъ убить своего любовника, если онъ на васъ не женится, — таковъ, по толкованію автора — смыслъ приговора присяжныхъ.

«Нѣсколько дней въ сущности, по его мнѣнію, присяжные разрѣшали, будто бы, вопросъ не «о виновности» Палемъ въ убійствѣ Довнаръ, а о томъ только, кто изъ нихъ симпатичнѣй, Довнаръ или Палемъ. И для этого выливалось нѣсколько ушатовъ грязи на убійцу и нѣсколько ведеръ на убитаго. И къ чему все это? Разъ.

убійство совершено, кто убилъ тотъ и виновенъ. Можно признавать смягчающія обстоятельства, опредѣлять степень наказанія, но люди не имѣютъ права вполнѣ оправдывать убійцу, говорить, что онъ не виновенъ. Если убійца не виновенъ, то убійство позволительно. А если оно позволительно, то исповѣдуются уже не христіанская, не гуманитарная, не человѣческая нравственность, а просто господство звѣринаго инстинкта, право слѣпой страсти, право ненависти и вражды, царство чертveroногихъ, у которыхъ нѣтъ суда и гдѣ, увидѣвъ самку, которая загрызла самца, говорите: «она невиновна».

На всѣ эти разсужденія слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что отвѣтъ присяжныхъ имѣлъ и имѣеть одинъ только смыслъ, что Палемъ, хотя и убила Довнара, но по обстоятельствамъ дѣла ей нельзя вѣнчать это дѣяніе въ преступленіе; у нея не было намѣренія, злой воли убить Довнара, при наличности которой только и возможно было обвинить ее.

Насъ хотять увѣрить, что во имя христіанской, гуманитарной, человѣческой нравственности люди не имѣютъ права оправдывать убійцу, хотя бы и случайнаго. Кто убилъ, тотъ и виновенъ. Но разсуждая такъ, мы мало-по-малу дѣйствительно спустимся снова въ царство четвероногихъ, къ тому дикому состоянію, когда вмѣсто правосудія господствовала месть, око за око и зубъ за зубъ; то языческое міровоззрѣніе, отъ котораго и чрезъ 2000 лѣтъ по принятіи христіанства, какъ видно, мы еще не можемъ отрѣшиться: нѣтъ, нѣтъ, да и заговорить въ насъ звѣрь!..

Взглядъ г. Суворина на задачи правосудія — взглядъ довольно обиходный?

— «Къ чему, зачѣмъ вся эта излишняя процедура, допросъ свидѣтелей, чтеніе разнаго рода документовъ, писемъ, длинныя рѣчи и проч., — вторить обыкновенно заблуждающаяся публика, — когда убійство на лицо и ви-

новникъ убійства въ рукахъ суда! Слѣдуетъ примѣнить только законъ къ совершенному дѣянію».

Подобные возгласы — это все остатки того недоброй памяти воззрѣнія, которое господствовало еще такъ недавно на задачи юстиціи. *Fiat justitia, perreat mundus!* Пусть погибнетъ міръ, но да здравствуетъ правосудіе, мечъ закона. Для подобной юстиціи сознание подсудимаго въ своей виновности считалось самымъ лучшимъ доказательствомъ и не требовало даже судебной провѣрки. *Извѣстное количество свидѣтелей* рѣшало участь подсудимаго: есть это количество — обвиняемый правъ; нѣтъ его — онъ виновенъ, и т. п. доказательства. Теперь юстиція не имѣетъ уже права руководствоваться подобными приѣмами въ отысканіи судебной истины. Нынѣ доказательства, представляемые на судъ, даже коронными судьями, не говоря уже о судѣ присяжныхъ, оцѣниваются *по внутренней ихъ достовѣрности*, а не по формальной... Сознанію подсудимаго вѣрять на столько, на сколько оно согласно съ обстановкой дѣла; достовѣрность свидѣтельскихъ показаній оцѣнивается не *по количеству*, а по ихъ *качеству, внутренней правдѣ*. Судъ можетъ отбросить, какъ негодный судебный матеріалъ, цѣлый рядъ свидѣтелей, повидимому, съ внѣшней стороны вполне достовѣрный, и дать вѣру только одному, захудалому свидѣтельскому показанію, ради его внутренней, житейской правды. Вотъ почему, чтобы добиться истины, вскрыть въ дѣлѣ житейскую правду, внутреннюю достовѣрность приходится суду входить въ мельчайшія изысканія дѣла, провѣрять массу документовъ, заниматься *характеристикой* личностей, прикосновенныхъ къ дѣлу, характеристикой, благодаря которой только и бываетъ иногда возможно добиться судебной правды *)).

*) О необходимости „характеристикъ“ при производствѣ уголовныхъ слѣдствій, см. П. Н. Обнинскаго — „Законъ и жизнь“. М. 1890 г.

Всего этого не понимает толпа, которой вторять и близорукіе критики гласнаго суда, провозглашающіе, не мудрствуя лукаво, подобную провѣрку «выливаніемъ нѣсколькихъ ушатовъ самой мерзкой грязи на убійцу и нѣсколькихъ ведеръ на убитаго».

Еще въ болѣе грубой, примитивной формѣ воюютъ съ гласнымъ судомъ, судомъ присяжныхъ, на страницахъ «Моск. Вѣд.» Для публицистовъ этой газеты, гласный судъ, все еще:

„Чудище обло, озорно, стозѣвно и лайя!“

Судъ же присяжныхъ—это судъ *двѣнадцати незнакомцевъ*, вѣроятно въ томъ остроумномъ предположеніи, что судить правильно могутъ только судьи, хорошо знакомые между собою, находящіеся чуть не въ кумовствѣ, стѣвшіе, бесѣдуя и знакомясь,—по русской пословицѣ,—чуть не пудъ соли.

Нѣкій г. Букѣвскій изъ оправданія присяжными убійцы Довнара *«логически»* (курсивъ нашъ) дѣлаетъ выводъ—«стало быть убивать можно». Но такъ какъ вся логика подобныхъ господъ сводится обыкновенно къ подтасовкѣ фактовъ, къ освященію ихъ по своему произволу, то имъ можно сказать только:

А вы, друзья, какъ не садитесь,
Все въ музыканты не годитесь!

Не смотря на всѣ инсинуаціи, судъ присяжныхъ, по выраженію комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, все же останется «судомъ жизненнымъ, имѣющимъ облагораживающее вліяніе на народную нравственность. Онъ служилъ и служить проводникомъ народнаго правосознанія» *).

Другой сотрудникъ той-же газеты, г. Ю. Н., изучивъ, по его словамъ, «очень внимательно» дѣло Палемъ, при-

*) Жур. Мин. Юст. Февраль, 1895, стр. 47 и 51.

шелъ къ тѣмъ выводамъ, что присяжные не имѣли права оправдывать «завѣдомо виновную, ибо Палемъ въ свое оправданіе только чернила Довнара, выставляя его дурнымъ челоуѣкомъ: но вѣдь *чужими грѣхами святъ не будешь*. Пружинами этого дѣла являются низменныя и грязныя страсти». «Но если бы—продолжаетъ г. Ю. Н.—разбиралось не грязное дѣло объ убійствѣ Ольгою Палемъ своего любовника, а дѣло о венеціанскомъ маврѣ Отелло, или о Львѣ Красновѣ (*Грѣхъ да бѣда* Островскаго), или объ Ананіи Яковлевѣ (*Горькая судьбина* Писемскаго),—если бы вся подкладка этихъ дѣлъ была бы обнаружена съ такою же ясностью, какъ она обнаружена въ трагедіи Шекспира или въ драмахъ Островскаго и Писемскаго,—взглядъ суда на преступленіе упомянутыхъ лицъ не могъ бы измѣниться. Нельзя было бы присяжнымъ отвѣтить, что Отелло, Красновъ, Ананій—*не виновны*. Всѣ они виновны, а мысль и чувства всенародныя объясняютъ намъ устами старика Архипа (*Грѣхъ да бѣда*) почему и какъ виновны. «А ты гордый, самовольный челоуѣкъ,—говоритъ Архипъ убійцѣ Краснову, — своимъ судомъ судить задумалъ! Не захотѣлъ ты дожидаться милосерднаго суда Божія, *такъ иди жь теперь самъ на судъ челоуѣчскій*».

Но между приведенными примѣрами и дѣломъ Ольги Палемъ нѣтъ никакого сопоставленія. Убійство, какъ и всякое другое преступленіе, наказуемо лишь подъ условіемъ вмѣняемости. Отелло, Красновъ, Ананій *сознательно* совершали убійство и оно вмѣнено имъ въ наказаніе. Шарлотта Корде, желая спасти отечество отъ тирана (вотъ мотивъ преступленія), сознательно убила Марата. Она была казнена. Такой *сознательности* не нашли присяжные въ дѣйствіяхъ Палемъ и могли вынести только отрицательный отвѣтъ на поставленные имъ судомъ вопросы о виновности ея въ убійствѣ Довнара. Тутъ не было и не могло быть ни разрѣшеніе права на убійство, ни обсужденіе дѣла болѣе по влеченію сердца, нежели разсудка. Напро-

тивъ, всякій признаетъ при внимательномъ, безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, что присяжные по совѣсти и силѣ разумѣнія исполнили свой тяжелый долгъ и иного приговора при данной обстановкѣ вынести не могли.

И дѣйствительно, въ дѣлѣ убійства студента Довнара предъ судомъ присяжныхъ, какъ увидитъ читатель, подсудимая предстала въ трехъ, совершенно разныхъ, противоположныхъ, взаимно исключающихъ одна другою Ольги Палемъ.

Если вѣрить обвиненію, то Палемъ глубоко порочная женщина, павшая разъ и навсегда, это домашняя мегера, хитрая, хищная, крайняя эгоистка, жестокая, злонамѣренная, беспощадная. Она совратила и развратила подростка (хорошъ подростокъ, которому въ годъ смерти было 26 лѣтъ), подвергла его нравственному гипнозу своей животной воли, избрала его жертвою своего искушенія и встрѣтивъ съ его стороны глухой, но несокрушимый отпоръ, предательски доканала юношу, заманивъ его въ ловушку.

Совсѣмъ другой рисуется Палемъ предъ судомъ присяжныхъ и публикою послѣ допроса свидѣтелей и прочтенія письменныхъ документовъ.

Здѣсь Палемъ прежде всего представляется женщиною любящей до самозабвенія Довнара. Въ отношеніи къ ней послѣдняго, а особенно его матери, вошло много элементовъ странныхъ, не симпатичныхъ, не совсѣмъ даже чисто-плотныхъ. Съ Палемъ сближались, за нею ухаживали, ее обнадеживали, про ея прошлое хорошо знали, прошлое вовсе ужъ не такое грязное, какъ представляло его обвиненіе и со словъ его, усиливая краски, и нѣкоторые газетные отзывы. На Палемъ возлагали разные услуги и порученія. Этого мало. Черезъ нея получали даже «воспособленія» отъ ея «друга», не покидавшего ее ни въ дни радости, ни въ дни страшнаго горя. За тѣмъ ее грубо, безчеловѣчно выбросили за бортъ...

Наконецъ въ рѣчи защитника, на основаніи всѣхъ данныхъ предварительнаго и судебного производства, Палемъ рисуется уже какъ роковая и несчастная жертва роковыхъ, несчастныхъ условій и обстоятельствъ. Предъ судомъ присяжныхъ встала не женщина съ злой волею, а какая-то тѣнь, жалкій призракъ, на-всегда изломанный и раздавленный; неизлечимое, разстроенное существо, которое живетъ истериками и отдыхаетъ обмороками; разлагающійся трупъ, убившій безсознательно, печально, своего убійцу.

Житейская правда, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, расходясь съ правдою формальною раздѣлила взглядъ защиты—и оправдала Палемъ, считая невозможнымъ вмѣнить ей въ преступленіе убійство Довнара. Не даромъ нынѣ, послѣ всесторонняго выясненія дѣла, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, прокуратура, въ числѣ существенныхъ поводовъ къ отмѣнѣ приговора присяжныхъ въ своей кассационной жалобѣ, между прочимъ, указываетъ на то, что со стороны суда не было разъяснено присяжнымъ, что они, разъ убѣдившись, что нѣтъ въ дѣлѣ не только предумышленнаго убійства, но и убійства въ раздраженіи, что поддерживалъ гражданскій истецъ, могли требовать постановки вопроса, измѣняющаго самую квалификацію преступнаго дѣянія въ данномъ случаѣ,—вопроса о виновности Палемъ *только въ нанесеніи тяжкихъ ранъ, послѣдствіемъ которыхъ явилась смерть.* Какъ далеко это соображеніе отъ первоначальнаго, съ такою настойчивостью поддерживаемаго на судѣ обвиненія въ предумышленномъ убійствѣ!...

Отвѣтъ присяжныхъ *станетъ приговоромъ*, т. е., правильнымъ, справедливымъ, неприкосновеннымъ рѣшеніемъ, если сенатъ найдетъ, что при производствѣ дѣла на судѣ не были нарушены существенныя формы и обряды судопроизводства, не нарушенъ законъ.

При изложеніи процесса мы воспользовались всѣмъ, что

говорилось и печаталось за и противъ Палемъ. Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Карабчевскаго, просмотрѣнная имъ, печатается всецѣло. Эта образцовая рѣчь по формѣ и по содержанию въ такомъ щекотливомъ, очень сложномъ, очень тонкомъ и спорномъ дѣлѣ, какъ дѣло Ольги Палемъ, гдѣ «много мѣста для житейской и нравственной оцѣнки подробностей, для психологическаго анализа характеровъ, лицъ и положеній», какъ справедливо заявилъ и защитникъ. Въ рѣчи его нѣтъ ничего лишняго: все направлено къ тому, чтобы убѣдить судъ въ случайномъ, безсознательномъ убійствѣ Ольгою Палемъ студента Довнара. Задача эта выполнена защитникомъ блестяще и въ высшей степени добросовѣстно.

Л. С.

ДѢЛО ОЛЬГИ ПАЛЕМЪ.

С.-Петербургъ, 1894 г.

До суда.

1.

Въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, у Чернышева моста, находится гостинница «Европа». Вечеромъ 16 мая 1894 г. около 11 часовъ вечера въ эту гостинницу пришелъ студентъ института путей сообщенія и потребовалъ комнату получше. Коридорный показалъ ему № 21. Оставивъ номеръ за собою, студентъ пошелъ за ожидавшею его на подъѣздѣ дамою, лицо которой было покрыто густою черной вуалью. Пришедшіе поужинали и заперлись въ номеръ, гдѣ вскорѣ все затихло.

Утромъ, 17-го мая, коридорный по звонку вошелъ въ номеръ и по приказанію студента подалъ чай, и по уходѣ его номеръ вновь былъ запертъ изнутри. До часу пополудни изъ номера не было слышно никакого шума, а затѣмъ раздались одинъ за другимъ два выстрѣла, потомъ щелкнулъ замокъ двери—и изъ номера выбѣжала женщина, окровавленная, съ крикомъ:—«Спасите, я совершила преступленіе и себя ранила, скорѣе доктора и полицію, я доктору все разъясню». Затѣмъ она упала на полъ и все молила позвать поскорѣе доктора, повторяя: «я убила его и себя».

Прибѣжавшая на крикъ прислуга нашла въ номерѣ безъ признаковъ жизни студента, плавающимъ въ лужѣ крови, тутъ же на креслѣ валялся револьверъ съ тремя заряженными патронами и двумя пустыми гильзами.

Преступница была страшно взволнована. Съ помощью суетившейся въ корридорѣ прислуги она сѣла на стулъ и все говорила:

— «Тутъ никто не виноватъ, рано или поздно такъ должно было случиться».

Когда явился докторъ Зельгеймъ, то принужденъ былъ дать раненой свою визитную карточку, такъ какъ она не вѣрила, что онъ докторъ. По осмотрѣ ея раны докторъ сказалъ (рана была на лѣвой сторонѣ груди) ей, что она можетъ скоро умереть, почему, если у нея есть на душѣ что-либо, то пусть скажетъ. Неизвѣстная объяснила, что она изъ Симферополя, зовутъ ее Ольгою Палемъ, что ни документовъ, ни денегъ она не имѣетъ и что родителямъ ея давать знать не нужно, а надо телеграфировать въ Москву, въ «Лоскутную» гостиницу, или, чрезъ Владимира Абрамовича, нѣкому Василию Кандинскому, въ немедленномъ приѣздѣ котораго она и выражаетъ увѣренность.

На дальнѣйшіе вопросы Зельгейма Палемъ объяснила, что убитый, «студентъ Довнаръ, жилъ съ нею и оказался самымъ низкимъ, сквернымъ человѣкомъ». Она съ большимъ негодованіемъ и злостью бранила его: по ея словамъ, она на-поваль застрѣлила Довнара за то, что онъ назвалъ ее самымъ дурнымъ словомъ, потомъ она уже выстрѣлила въ себя.

Войдя въ номеръ, докторъ увидѣлъ, что убитый Довнаръ лежитъ въ лужѣ крови, а на креслѣ, возлѣ двери, брошенъ револьверъ, въ которомъ было три заряженныхъ патрона и двѣ разряженныя гильзы.

При входѣ полицейскаго пристава Хоменко, Палемъ, принимая его, повидимому, за доктора, сказала:

— «Слава Богу, что пришелъ докторъ. Я могу сказать,

что убила подлеца, котораго я содержала, помѣстила въ институтъ, любила больше всего на свѣтѣ, отдала ему свою честь, свою жизнь, а онъ — подлець! Фамилія его Довнаръ, жилъ онъ въ Демидовскомъ переулкѣ, № 4, а я—въ Пале-Роялѣ».

На вопросъ Хоменко, какъ случилось, что она убила? Палемъ отвѣчала:

— «Я хотѣла давно себя убить, но боялась Бога и надѣялась на исправленіе Довнара. Сегодня же онъ назвалъ меня незаслуженно такимъ позорнымъ именемъ, что я, не разбирая куда, не желая его убить, выстрѣлила въ него, при чемъ онъ моментально упалъ, тогда я, желая умереть, выстрѣлила и въ себя».

Ольга Палемъ отвезена была въ Маріинскую больницу. При ней найдена была коробка и 4 патрона, кожаный бумажникъ съ 9 р. 60 к. и нѣсколько почтовыхъ марокъ. Въ больницу привезена она была въ тяжеломъ и возбужденномъ состояніи и все спрашивала: «скоро - ли она умереть». Она жаловалась на судьбу и все окружающее.

— Мнѣ пришлось, — говорила она, — убить любимаго человѣка, хотя онъ и оказался дурнымъ, дурно со мною обращался и выманивалъ у меня послѣднія деньги.

Осмотромъ трупа убитаго Довнара установлено, что почти на границѣ шеи и волосистой части головы на полвершка ниже затылочнаго бугра, нѣсколько вправо отъ срединной линіи тѣла, имѣется пулевое отверстіе, діаметромъ въ одинъ сантиметръ. Смерть послѣдовала отъ условно смертельной раны, нанесенной сзади на довольно близкомъ разстояніи, приблизительно на одинъ вершокъ отъ головы.

II.

Убіеніе Александра Довнаръ вызвало большую сенсацію въ обществѣ. Убіеніемъ являлась женщина, которой

покойной былъ близкимъ челоѡкомъ. Преступленіе, какъ предполагали, имѣло несомнѣнно романическую подкладку. Оно дало поводъ къ разнымъ догадкамъ, толкамъ, спорамъ. Рядомъ съ обвинителями убійцы выступили добровольные ея защитники или вѣрнѣе защитницы, писавшіе по этому поводу горячія письма въ газеты.

Одно время думали, что Палемъ умереть отъ нанесенной ею себѣ раны: пуля, задѣвъ легкія, застряла въ спинѣ. Но операція окончилась счастливо, пуля извлечена и Палемъ возвращена къ жизни. Впрочемъ, нанесенная ею рана принадлежитъ къ числу тяжкихъ и должна вызывать собою хроническое страданіе легкихъ.

III.

Исторія знакомства Палемъ съ Довнаръ въ Одессѣ изложена въ обвинительномъ актѣ довольно подробно.

Фатальная случайность столкнула Палемъ съ семьей Довнаръ, жившей съ нею на одномъ дворѣ. Ольга Палемъ, подъ фамиліей Поповой, занимала красивую квартиру, и съ своего балкона часто заговаривала съ меньшимъ сыномъ Довнаръ, которому дарила иногда и игрушки, и лакомства.

Не зная предосудительныхъ похожденій молодой женщины, мать Довнара не протестовала, когда сынъ ея, Александръ Довнаръ, зашелъ къ Ольгѣ Васильевнѣ Палемъ поблагодарить за вниманіе къ брату.

Съ этого и началось знакомство. Потомъ молодой челоѡкъ сталъ сопровождать свою новую знакомую, когда она каталась верхомъ, заходилъ къ ней на чашку чаю, и тамъ, слушая рассказы о горькой судьбѣ ея, въ концѣ-концовъ увлекся молодою собесѣдницей.

А она ему рассказывала сказки, что она дочь Магометанки, изъ древней дворянской крымской семьи, что ея мать была похищена богачемъ евреемъ Палемъ. Отъ по-

слѣдняго та будто бы бѣжала къ миллионеру Василю Павловичу Попову, извѣстному въ Крыму, который и былъ ей отцомъ. При этомъ Ольга Палемъ не жалѣла красокъ на детали, рассказывая о жизни своей матери, и увѣряла что сама привыкла въ дѣтствѣ къ роскоши въ домѣ Попова. Она даже увѣряла при началѣ знакомства, что сама она замужемъ, но разошлась съ мужемъ и получаетъ отъ него большія средства.

На спросъ Палемъ, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ Кандинскому, она объяснила, что ни въ какихъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ не состояла. Г. Кандинскій былъ ей вмѣсто отца, обращался съ нею какъ съ дочерью, потому что она, принявъ въ четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ православіе, должна была отречься отъ родителей.

IV.

Знакомство и связь Палемъ съ Довнаромъ продолжались. Со стороны Довнара въ этой связи не было любви въ высокомъ значеніи этого слова. Была лишь страсть къ красивой женщинѣ, въ концѣ концовъ надоѣвшей обладателю.

А сама Ольга Палемъ, любила ли она Довнара?... Этотъ вопросъ является пока загадкой. Сама Палемъ говоритъ, что она любила покойнаго безъ памяти, отдала ему жизнь и честь.

Въ Одессѣ, по словамъ матери Довнаръ, Палемъ неоднократно дѣлала Довнару сцены ревности и однажды на каткѣ направила въ него револьверъ, который однимъ изъ товарищей Довнара былъ у нея отнять и переданъ Довнару. Когда послѣдній пріѣхалъ домой, то за нимъ слѣдомъ въ квартиру ворвалась Палемъ и, упавъ передъ его матерью на колѣни, говорила, что не будетъ требовать отъ Довнара ни брака, ни средствъ къ жизни, а желаетъ

только любви «Саши». Мать Довнара попросила ее удалиться.

По показанію свидѣтеля Шелейко, Палемъ дѣлала Довнару скандалы, когда онъ не оставался у ней на долгое время. При одномъ скандалѣ она схватила ножъ, крича, что зарѣжется. Шелейко хотѣлъ отнять у нея ножъ, но безуспѣшно, при этомъ онъ порѣзалъ себѣ пальцы; Палемъ потомъ сама бросила ножъ, говоря, что изъ за такого дурака, какъ Довнаръ, рѣзаться не стоитъ.

У.

Въ 1891 г. мы застаемъ Довнаръ и Палемъ уже въ Петербургѣ. Сначала пріѣхалъ Довнаръ, а вслѣдъ за нимъ и Палемъ. 1-го сентября онъ поступилъ въ медицинскую академію, но затѣмъ передумалъ относительно образованія и въ сентябрѣ 1892 года, въ числѣ 70, получившихъ высшіе баллы на конкурсномъ экзаменѣ, былъ принятъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія.

Студентъ Милицеръ, зайдя какъ-то на квартиру Довнара и не заставъ его дома, встрѣтилъ тамъ Палемъ и съ этихъ поръ познакомился съ нею. Она рассказала ему свое прошлое, и изъ словъ ея видно, что она, по происхожденію, — татарская княжна, была замужемъ за Кандинскимъ, но бракъ ихъ разстроился, такъ-какъ оказалось, что въ дѣлѣ о разводѣ съ своею первою женою онъ принялъ вину на себя. Потомъ она стала жаловаться на грубое обращеніе съ ней Довнара и въ заключеніе просила помочь ей устроить бракъ съ Довнаромъ, но Милицеръ отказался.

По субботамъ къ Довнару приходилъ ночевать и проводилъ воскресенье учившійся въ Петербургѣ малолѣтній братъ его Викторъ, который рассказываетъ, что Палемъ къ брату его Алексеандру относилась не хорошо, постоянно кричала на него, ругала когда онъ долго ходилъ за газе-

той и дѣлала скандалы, когда онъ засиживался у товарищей, съ которыми готовился къ экзамену. Во время этихъ экзаменовъ Милицеръ разъ 5 или 6 заходилъ къ Довнару и всякій разъ слышалъ какъ Палемъ бранила его; отъ этихъ ссоръ Довнаръ, самъ никогда не оскорблявшій Палемъ, иногда убѣгалъ въ гостинницу, Палемъ ѣздила туда за нимъ и со скандаломъ привозила его домой. На совѣты разойтись Довнаръ отвѣчалъ, что боится жалобы Палемъ по начальству.

Осенью 1893 г. пріѣхала изъ Одессы мать Довнара, по второму мужу Шмидтъ и остановилась въ ихъ квартирѣ въ домѣ Ратькова-Рожнова, у Кокушкина моста. Она замѣтила Довнару, что у него не хорошій видъ, а бывшая въ комнатѣ Палемъ возразила, что видъ у него хорошій; на вопросъ г-жи Шмидтъ: «что это значить»? Палемъ сказала, что Довнаръ принадлежитъ ей, и если она захочетъ, то онъ броситъ институтъ и уѣдетъ съ нею за границу; потомъ она съ крикомъ схватила подсвѣчникъ и хотѣла наносить имъ удары Довнару и себѣ.

Вскорѣ послѣ этой сцены Довнаръ заболѣлъ тифомъ и его отправили въ Александровскую больницу. Туда являлась Палемъ, дѣлала сцены матери Довнаръ и кричала: «ты всетаки будешь моимъ», «не дамъ я тебя», давая при этомъ понять, что готова на всякія крайности. Вслѣдствіе этого швейцару больницы было запрещено пускать ее.

Въ бытность Довнара въ больницѣ, Милицеръ встрѣтилъ Палемъ на улицѣ и упрекалъ ее за то, что она, наговоривъ столько ему о своей любви къ Довнару, старалась вредить ему. Палемъ отвѣтила, что ненавидитъ Довнара, что ей нужна только его фамилія, а не онъ самъ, и кончила словами: «пусть женится, а потомъ убирается къ чорту».

Но Довнаръ и не думалъ жениться, хотя очень часто выдавалъ Палемъ за свою жену. Онъ даже письма, въ

ея отсутствіе, адресовалъ на имя Ольги Васильевны Довнаръ. Все это страшно запутывало отношенія и, въ концѣ концовъ, создало настоящій адъ, въ которомъ заживо кипѣли и Довнаръ, и Палемъ, въ силу рокового непониманія своихъ взаимныхъ отношеній, на которыя Довнаръ, видимо, смотрѣлъ гораздо легче, чѣмъ Палемъ. Первый, смотрѣла на эти отношенія, какъ на временныя и скоропреходящія, онъ склоненъ былъ «срывать цвѣты удовольствія», гдѣ они попадались ему, а она уже подумывала, можетъ быть, о плодахъ.

VI.

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, Довнаръ рѣшилъ разстаться съ Палемъ. Въ декабрѣ 1893 года онъ подалъ прошеніе петербургскому градоначальнику, прося объ удаленіи ее изъ его квартиры и о принятіи мѣръ къ охраненію его имущества и бумагъ. Просьба его была уважена, и когда въ присутствіи командированнаго для этой цѣли чина полиціи производилась разборка имущества, то Палемъ все что могла брала себѣ, и Довнаръ безпрекословно уступалъ этой женщинѣ. Уступчивость его поражала присутствующихъ; что же касается Палемъ, то она была страшно возбуждена и говорила что никогда не проститъ ему этого поступка и не забудетъ его. Довнаръ же разказалъ, что прожилъ съ ней три года въ страшныхъ мученіяхъ, проживъ до пяти тысячъ въ годъ и расходится, желая найти спокойствіе и поправить свое матеріальное положеніе.

Къ несчастію попытка Довнара сдѣлать рѣшительный шагъ не повела къ желаному исходу. Палемъ жаловалась правителю канцеляріи института путей сообщенія на Довнаръ. Послѣ рѣзкой ссоры, при чемъ Палемъ бранила не только Довнара, но и его мать, они помирились и тутъ-же въ канцеляріи выдали другъ другу росписки, въ

которыхъ Довнаръ обѣщаль «не покидать Палемъ и жить съ нею въ одной квартирѣ, если она не будетъ жаловаться по начальству и требовать насильственного брака, а Палемъ, что она такому обѣщанію подчиняется».

Вскорѣ послѣ этого Довнаръ уѣхаль съ матерью въ отпускъ въ Одессу.

VII.

По пріѣздѣ въ Одессу г-жа Шмидтъ пошла въ станціонную уборную. Здѣсь Палемъ, неожиданно явившаяся, и какъ оказалось пріѣхавшая въ одномъ съ ними поѣздѣ, подбѣжала къ Шмидтъ и сказала:

— «Прощай, вѣдьма, будешь всю жизнь помнить меня. Твоя любовь погубить Сашу».

Въ Одессѣ возобновились сцены ревности. Материнскій, товарищъ Довнара, утверждаетъ, что въ этотъ пріѣздъ сожительство съ Палемъ измучило Довнара физически и нравственно.

VIII.

Въ Петербургѣ въ началѣ 1894 года и до роковой развязки Палемъ не переставала преслѣдовать Довнаръ. Она жаловалась на Довнара по начальству, требуя, чтобы Довнаръ возстановилъ ея репутацію, далъ ей свою фамилію. Просьба эта оставлена была безъ послѣдствій.

Въ февралѣ Палемъ представила петербургскому градоначальнику письма Довнара за два года, прося сохранить ихъ, такъ какъ она собирается возбудить противъ Довнара дѣло.

Кромѣ того со дня разрыва съ Довнаромъ, она его осаждала письмами, посылаемыми и по почтѣ, и съ посыльными. Она продолжала жаловаться на молодаго чловека его товарищамъ и одному изъ нихъ Панову какъ-то

сказала: „живой или мертвый, а Довнаръ будетъ мой». Тотъ обратилъ вниманіе на эту угрозу и передалъ ее Довнару, который только расмѣялся, промолвивъ:— «Жидовка эта способна лишь на кляузы, комедіи, притворство и ложь».

Наканунѣ катастрофы, 16-го мая Довнаръ, въ веселомъ и шутливомъ настроеніи духа, зашелъ къ своему товарищу Панову, которому, между прочимъ, сказалъ, что вечеромъ долженъ увидѣться съ Ольгою Палемъ и читалъ Панову письмо, въ которомъ она сообщала, что у нея чахотка и она съ гвардейскимъ поручикомъ Лопатинымъ уѣзжаетъ въ Италію, почему и проситъ Довнара придти проститься съ нею въ послѣдній разъ. Пановъ убѣждалъ Довнара не ходить, но тотъ отвѣтилъ, что было бы съ одной стороны черезчуръ жестоко не проститься съ женщиной, съ которой былъ такъ долго въ близкихъ отношеніяхъ, а съ другой—онъ окончательно могъ ⁴⁰оправдаться предъ начальствомъ поступкомъ Палемъ, которая бросила его и уѣхала съ офицеромъ.

Около 7 час. вечера Довнаръ ушелъ и его свидѣтель болѣе не видѣлъ и лишь черезъ день прочиталъ въ газетахъ объ убійствѣ.

IX.

Такимъ представляется дѣло по обвинительному акту. Палемъ хотѣла получить имя честной женщины, этотъ драгоценный подарокъ, которой не разъ обѣщаль ей Довнаръ. Но онъ не исполнилъ этого обѣщанія, а за тѣмъ разочаровалъ ее и въ своей любви... Онъ шутилъ и... дошутился до роковой развязки, задолго задуманной, подготовленной и хладнокровно приведенной въ исполненіе обвиняемой. И, дѣйствительно, выходитъ какъ будто такъ: Палемъ заранѣе покупаетъ револьверъ, вызываетъ Довнара на послѣнее свиданіе, ложно сообщивъ ему что

уѣзжаетъ за границу. Въ найденныхъ у Довнара письмахъ и въ разговорахъ съ его пріятелями она уже намекала на то, что убьетъ его... Приблизительно за недѣлю до убійства, Палемъ посѣтила нѣкую Бутковскую, къ которой обращалась ранѣе съ просьбою убѣдить Довнара жениться на ней. Подсудимая сказала, что зашла проститься, такъ какъ уѣзжаетъ на островъ Мадеру. Разговоръ зашелъ объ убійствѣ любимаго человѣка и самоубійствѣ. Бутковская сказала, что скорѣе рѣшилась бы на самоубійство, чѣмъ на убійство, но изъ гордости не допускаетъ и самоубійства по безнадежной любви. На это Палемъ ничего не сказала, а прощаясь, поцѣловала Бутковскую и пожала ей руку, сказавъ: «не поминайте меня лихомъ, пожалѣйте меня, мы, вѣроятно, больше не встрѣтимся».

Ольга Палемъ предстала передъ судомъ присяжныхъ по обвиненію въ заранѣе обдуманномъ убійствѣ студента Довнара.

На судѣ.

1.

14 февраля 1895 года уже къ 9-ти часамъ обширный корридоръ, ведущій въ уголовное отдѣленіе окружнаго суда, гдѣ назначено къ слушанію дѣло Палемъ, переполненъ публикою. Особенно много дамъ. Къ 11 часамъ зала засѣданій биткомъ набита. За недостаткомъ мѣста многимъ и внизу и на хорахъ приходится все время стоять. За столомъ защиты помѣщается присяжный повѣренный *Карабчевскій* вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, *Добровольскимъ*. Гражданскій истецъ въ дѣлѣ, присяжный повѣренный *Рейнботъ*, со стороны матери убитаго Довнара, г-жи Шмидтъ.

Вводятъ подсудимую. Въ глубокомъ траурѣ съ чернымъ кепомъ, спускавшимся на лицо, она не плала, а какъ то безпомощно тащилась, постоянно оступаясь, почти падая, судорожно вздрагивая плечами, поддерживаемая подъ руки двумя жандармами. Впереди шель судебный приставъ, позади—два жандарма съ саблями на-голо. Съ трудомъ проташившись 30 или 40 шаговъ, отдѣлившихъ двери отъ скамьи подсудимыхъ, она, рыдая, опустилась на стулъ возлѣ рѣшетки. Ей дали воды. Подошелъ къ ней г. Карачевскій и сказалъ нѣсколько успокоительныхъ словъ. Но она продолжала судорожно вздрагивать и рыдать.

Входитъ судъ.

Подсудимую просятъ занять также свое мѣсто. Но такъ какъ сама она идти не могла, ее снова взяли подъ руки сторожъ и усадилъ на скамью подсудимыхъ.

Рыданія ея усиливаются.

Встаетъ защитникъ и заявляетъ суду, что третьяго дня получена телеграмма о смерти отца Палемъ и что подсудимая только сегодня, передъ засѣданіемъ, объ этомъ узнала. Защитникъ проситъ отложить слушаніе настоящаго дѣла, такъ какъ присутствовать на немъ подсудимой положительно не подъ силу.

Врачъ окружнаго суда, г. Гриневъ, подтверждаетъ, что подсудимая находится въ состояніи «страшнаго возбужденія».

Дѣло откладываютъ до завтра, присяжныхъ засѣдателей отпускаютъ по домамъ.

Подсудимая почти выносятся сторожами изъ залы суда.

— Какъ эту несчастную будутъ завтра судить!—воскликаетъ очевидецъ *), заканчивая хронику о первомъ днѣ засѣданія по дѣлу Ольги Палемъ.

*) Репортеръ „Нов. Вр.“.

II.

Вопреки ожиданіямъ засѣданіе на другой день, 15-го февраля, не только состоялось, но и подсудимая выглядитъ гораздо здоровѣе. Она ведетъ себя довольно спокойно и сдержанно.

Предсѣдательствуетъ, предсѣдатель окружнаго суда, *Н. Д. Чаплинъ*; обвиненіе поддерживаетъ товарищъ прокурора *Башиловъ*.

Предсѣдатель замѣчаетъ, что по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ видно, что Палемъ родилась въ 1865 году, слѣдовательно ей 30 лѣтъ.

Подсудимая энергично протестуетъ, заявляя, что она родилась въ 1870 году.

Приступаютъ къ формированію состава присяжныхъ. Въ составъ суда присяжныхъ вошелъ все чиновный народъ, есть нѣсколько штатскихъ генераловъ и два профессора Петербургскаго университета: гражданскаго права—*Н. Л. Дювернуа* и филологъ—*Зелинскій*.

Всѣхъ свидѣтелей вызвано 92 человекъ, изъ которыхъ не явилось 28, въ числѣ ихъ отецъ подсудимой и полковникъ Поповъ (крестный ея отецъ)—за смертью; остальные—по болѣзни. На сегодняшній день оставлены только свидѣтели событія и эксперты, д-ръ Рувовичъ и капитанъ артиллеріи Юрловъ.

По приводѣ свидѣтелей къ присягѣ, приступаютъ къ чтенію обвинительнаго акта. Въ немъ собрано все, что такъ или иначе поддерживаетъ предъявленное къ подсудимой обвиненіе въ предумышленномъ убійствѣ. Нравственный обликъ Палемъ обрисованъ въ немъ самыми мрачными красками, нѣтъ ни одной свѣтлой, симпатичной черты. Чтеніе обвинительнаго акта производитъ на слушателей удручающее впечатлѣніе. Если вѣрить обвинительному акту, то Палемъ познакомилась съ Довнаромъ путемъ очень ловкихъ, чисто женскихъ хитростей и мало-

по-малу крѣпко скрутила неопытнаго юношу по рукамъ и ногамъ, какъ разъ въ то время, когда тотъ думалъ, что она отдалась ему. Между тѣмъ этотъ юнецъ, какъ видно изъ дѣла, «теперь» (послѣ знакомства) очень радовался, что ему не придется уже страшиться возможныхъ печальныхъ для здоровья послѣдствій отъ обыкновенной, оплачиваемой по таксѣ любви. Этотъ проскользнувшій мимоходомъ фактъ характеренъ для выясненія тѣхъ дальнѣйшихъ отношеній между покойнымъ и Ольгою Палемъ, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывались въ мертвый узелъ и повели къ роковой развязкѣ.

Одно мѣсто обвинительнаго акта, именно то, въ которомъ содержится указаніе на «вольное обращеніе» Ольги Палемъ, на прогулку ее по одесскимъ бульварамъ, гдѣ она имѣла видъ настоящей „кокетки“, вызываетъ негодующій протестъ со стороны подсудимой. Въ другомъ мѣстѣ обвинительнаго акта повѣствуется, что когда Палемъ узнала о существованіи дневника Довнара, въ которомъ содержались неместныя для нея вещи, она собственноручно вписала въ протоколъ слѣдующее (орфографія подлинника): «Теперь-то я увидѣла, что за человѣкъ былъ Довнаръ, котораго я любила больше жизни своей. Скажу одно, это будетъ русская поговорка: яблоку не далеко падаетъ отъ яблони. О, теперь я счастлива, что хотя случайно, но все же убила его и каторга для меня ничуть не страшна, лутче быть на вѣчномъ страданіи. Возьму-же я лутшаго адвоката изъ самѣлюбія!»

На обычные вопросы подсудимая объяснила, что не признаетъ себя виновной въ убійствѣ Довнара. Она рѣшительно отвергаетъ всякую преднамѣренность: револьверъ купила, чтобы покончить съ собой, вызвала Довнара, чтобы еще разъ переговорить съ нимъ, надѣясь, что все еще можетъ кончиться благополучно. И эта надежда могла бы осуществиться, если бы Довнаръ не пере-

шелъ границы и не назвалъ ее такимъ именемъ, которое невыносимо для всякой женщины.

— „Онъ много говорилъ мнѣ непріятностей въ это наше свиданіе,—говорила Палемъ,—онъ точно на зло возбуждалъ во мнѣ ревность и не щадилъ меня. Мнѣ стало очень грустно и я сказала ему.— „Знаешь, Саша, я хочу убить себя на твоихъ глазахъ“. — „Ахъ, пожалуйста, — отвѣчалъ онъ,—только не на моихъ глазахъ! Пожалуйста безъ трагедіи“. Мнѣ показалось это ужасно обидно: ни искорки жалости ко мнѣ. А потомъ прибавилъ: „Если и застрѣлишься, то одной меньше. Тутъ онъ сказалъ страшное слово и я не помню уже, что за этимъ послѣдовало: какъ я выстрѣлила въ него, потомъ въ себя...“

Она „не помнитъ“, „не сознавала“, „не слышала выстрѣла“, „не чувствовала“ боли въ первое время, вообще совершила убійство въ какомъ-то полузабытѣи, и желая и не желая его совершить. Во всякомъ случаѣ убила она его не изъ мести; изъ мести никто себя не убиваетъ, она же вѣдь хотѣла убить и себя.

Судъ приступаетъ къ допросу свидѣтелей. До обѣденнаго перерыва допрошено шесть свидѣтелей: приставъ Хоменко, его помощникъ Келлерманъ, врачъ Зельгеймъ, подававшій первую помощь Палемъ, корридорные гостиницы «Европа», Бѣлоусовъ и Потѣхинъ, и буфетчикъ этой же гостиницы.

Хоменко, участковый приставъ, повторилъ показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, замѣтивъ, между прочимъ, что Палемъ видимо страдала и физически, и нравственно. Она жалѣла, что не попала себѣ въ сердце.

Предсѣдатель объяснилъ подсудимой, что она можетъ давать объясненія по поводу каждаго показанія.

Палемъ (прерывающимся голосомъ говорить).— Я помню все до самой мелочи. Довнаръ наговорилъ мнѣ много не-

пріятнаго, все это крайне взволновало меня. «Я не могу такъ жить, я рѣшила окончательно умереть и хочу убить себя на твоихъ глазахъ», — сказала я Довнару. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ окну и говоритъ: «только не на моихъ глазахъ...» Я хотѣла нанести себѣ рану такъ, чтобы убить себя моментально... Вынула изъ кармана револьверъ... Я стояла у дверей... Миѣ жаль было разстаться съ жизнью... Я боялась Бога... Глядя на револьверъ, я думала: неужели такая маленькая вещь уничтожить мою жизнь?... Я буду мертвая... Довнаръ обернулся. «Ну, что-же, трусишь?..» Миѣ такъ больно стало... Я теряю Господа, моего Спасителя, за человѣка, который не имѣетъ ко миѣ сожалѣнія... Что потомъ было, я не помню, какъ все произошло. Я не слышала выстрѣла... Я ничего не почувствовала... должно быть, упала на кресло... Нѣтъ, я неправду говорю, — я была около кресла... Придя въ себя, я оглянулась, вижу: онъ лежитъ... Я стала звать: Саша! Саша!.. Онъ не шевелился. Я стала кричать: идите! умоляю, скорѣе!.. Доктора! полицію... Никто не шелъ... Наконецъ, дверь отворилась, заглянулъ корридорный. Я стала умолять его позвать скорѣе доктора. Корридорный хлопнулъ дверью и ушелъ... Долго, очень долго никто не шелъ... Я выползла на четверенькахъ въ корридоръ... руки цѣловала, умоляла, чтобы скорѣе позвали доктора... Затѣмъ кто-то подошелъ ко миѣ; я не могла думать, что это докторъ, говорила: нѣтъ, нѣтъ, я вамъ не вѣрю. Тогда онъ вынулъ книжечку и показалъ, что онъ докторъ... Потомъ я не помню, что было... Я пришла въ себя въ каретѣ. Со мной ѣхалъ другой господинъ, онъ показался миѣ очень симпатичнымъ, я думала, что это докторъ, и умоляла поддержать миѣ жизнь дня три... Я не знаю, бранила-ли я Довнара... я думаю, что не бранила... Я не думала его убить... Я не хотѣла его убить... Я могла-бы убить его спящимъ... и это было-бы гораздо лучше... Я не знала даже, что онъ

убить... Я не вѣрила, когда потомъ мнѣ говорили» (подсудимая истерически рыдаетъ).

Келлерманъ, помощникъ пристава, нашелъ Палемъ въ крайне возбужденномъ состояніи. При разсказѣ она какъ будто спѣшила высказаться, думая что скоро умретъ.

На вопросъ защитника свидѣтель показываетъ, что въ номерѣ была бутылка эксельсиора. У Довнара въ карманѣ денегъ оказалось три рубля, а потребовано было всего до восьми рублей.

Зельгеймъ, докторъ, подтвердилъ показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, найдя Палемъ въ состояніи возбужденномъ, психически-ненормальною.

Экспертъ-врачъ пожелалъ знать, что разумѣтъ г. Зельгеймъ подъ выраженіемъ «психически ненормальною», на что свидѣтель могъ только сказать, что «каждое убійство—психозъ», и къ этому добавилъ, что Палемъ была «въ крайне сильномъ нервно-возбужденномъ состояніи».

Служащіе въ гостинницѣ «Европа», ближайшіе свидѣтели преступленія, повторяютъ показанія, данныя ими у слѣдователя, изображая картину убійства такую, какою она изложена въ обвинительномъ актѣ.

На слова прислуги, что студентъ съ дамою подъ вуалью заняли номеръ въ 10 час. вечера, Палемъ утверждаетъ, что она пришла въ гостинницу не въ 10 ч., а въ 8—8½, потому что было еще совсѣмъ свѣтло, такъ что ей было неловко входить въ гостинницу, чтобы ее не приняли за падшую женщину.

Въ вечернемъ засѣданіи шелъ допросъ доктора и сестры милосердія изъ Маріинской больницы.

Ермолинскій, докторъ, показалъ, что принялъ Палемъ въ очень тяжеломъ состояніи, съ огнестрѣльной раной въ груди. При осмотрѣ онъ замѣтилъ, что входное отверстіе было въ лѣвой сторонѣ груди, около второго ребра, а сзади, подъ нижнимъ концомъ лопатки, прощупывалось инородное тѣло. Первые два дня состояніе больной было

довольно тяжелое: къ вечеру второго дня температура повысилась, началось кровохарканье, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, кровохарканье прекратилось, больная стала успокаиваться, такъ что черезъ недѣлю было разрѣшено снять съ нея допросъ. Допросъ продолжался довольно долго, сначала Палемъ отказывалась дать показаніе, но затѣмъ успокоилась и начала рассказывать очень много, такъ что свидѣтель вынужденъ былъ прервать допросъ, потому что съ ней сдѣлался истерическій припадокъ. Рана, нанесенная Палемъ, могла имѣть серьезный исходъ, такъ какъ пуля прошла между 2 и 3 ребромъ, на полъ сантиметра отъ сердца и задѣла легкое.

Михайлова, сидѣлка, показала, что Палемъ вела себя въ больницѣ очень рѣзко, всѣмъ была недовольна; и свидѣтельница съ ней избѣгала говорить. На третій день, войдя въ палату, она застала Палемъ въ припадкѣ. Она кричала: «Убить! убить!..» Кто сказалъ ей о смерти Довнара—свидѣтельница не знаетъ; на распросы подсудимой она говорила только, что слышала, что Довнаръ раненъ.

Подсудимая горячо протестуетъ противъ словъ свидѣтельницы. Она утверждаетъ, что на другой день послѣ того, какъ она была привезена въ больницу, къ ней въ палату вошла какая-то эксцентричная дама, похожая на репортершу, и, поздоровавшись съ нею, воскликнула: — «Вы—героиня, всѣ честные люди пожмутъ вамъ руку. Такъ и надо было ему, негодяю». Она объ этомъ случаѣ передавала сидѣлкѣ Михайловой, но сама такихъ словъ не произносила и не думаетъ, чтобы за убійство человѣка можно было пожимать руки. Михайлова потому скрываетъ посѣщеніе этой дамы, что къ ней никого нельзя было допускать, вотъ она и боится ответственности за то, что проглядѣла. Она попросила эту барыню удалиться, а затѣмъ, когда пришла прислуживавшая ей въ „Пале-Рояль“ дѣвушка Аннушка, спросила ее, убить

ли Довнаръ? Та ничего не отвѣтила, но стала плакать и тогда она поняла все и, несмотря на страшныя усилія не волноваться, съ ней сдѣлался припадокъ. Далѣе подсудимая стала жаловаться, что въ больницѣ ее держали хуже, чѣмъ въ домѣ предварительнаго заключенія: кормили какой-то гадостью, спать приходилось на жесткой постели, тогда какъ ей больно было лежать отъ пули, сидѣлки раздражали ее и она по цѣлымъ ночамъ не могла спать. Изъ дальнѣйшихъ допросовъ выяснилось, что между свидѣтельницей и подсудимой существовали чрезвычайно обостренныя отношенія, вызывавшіяся безпокойнымъ, взбалмошнымъ характеромъ г-жи Палемъ.

Когда по распоряженію предсѣдателя принесли въ засѣданіе вещественныя доказательства, съ Палемъ сдѣлалось дурно.

— Можетъ быть, прервать засѣданіе?— обратился къ ней предсѣдатель.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчала она,—только Бога ради, не показывайте револьвера.

Изъ показаній оружейнаго мастера *Лежена* видно, что 7-го мая 1894 года подсудимая, придя къ нему въ магазинъ, предложила обмѣнять револьверъ системы бульдогъ на револьверъ, находящійся на столѣ вещественныхъ доказательствъ, на что свидѣтель согласился, взявъ въ придачу 23 рубля.

Читается протоколъ судебно-медицинскаго осмотра трупа Довнара и осмотра комнаты за № 21, гдѣ убитъ былъ подсудимой. Подробно перечисляя обстановку гостиничнаго номера, протоколъ останавливается на пятнахъ на простынѣ, на мужской ночной рубашкѣ, на полотенцѣ, на эсмарховой кружкѣ и т. п.

При перечисленіи этихъ вещей, *Палемъ* начинаетъ кричать, что, если будутъ читать такія вещи публично, она немедленно удалится, и требуетъ закрытія дверей. Предсѣдатель останавливаетъ ее замѣчаніемъ, что если она

будеть нарушать порядокъ въ засѣданіи, онъ распорядится вовсе удалить ее. Подсудимая умоляетъ.

Изъ протокола осмотра трупа покойнаго Довнара видно, что у него найдена язва, и что онъ сношенія съ Палемъ имѣлъ больной.

Юрьевъ, экспертъ, капитанъ артиллеріи, показалъ, что Палемъ выстрѣлила въ Довнара на очень близкомъ разстояніи.

То-же мнѣніе раздѣлили другой экспертъ докторъ *Руквицъ*. Довнаръ былъ убитъ на-поваль, смерть была мгновенная, пуля проникла чрезъ затылочное отверстіе между шейнымъ позвонкомъ, разрушила мозгъ и ударилась въ кость черепа. Судя по положенію трупа, можно предполагать, что Довнаръ шелъ въ то время, когда въ него былъ произведенъ выстрѣлъ сзади, слѣва направо, можетъ быть даже прямо изъ-за ширмъ. По мнѣнію эксперта, судя по деформациі пули, извлеченной изъ раны Палемъ, она попала ей въ ребро и затѣмъ уже по ребру соскользнула далѣе, если-бы она попала чуть-чуть ниже, ударъ былъ бы смертельный.

Оглашаются протоколы осмотра комнаты, гдѣ жилъ Довнаръ, причемъ, между прочимъ оказалось 25 писемъ Палемъ, портретъ ея въ костюмѣ студента института путей сообщенія, записка «Ты не засталъ меня сегодня. Я готова плакать какъ дитя. Жду въ 6—7 ч. Несчастный и бѣдный жукъ!». Письмо матери Довнара съ переводомъ 60 руб.

При осмотрѣ комнаты, занимаемой Ольгою Палемъ въ 5-мъ этажѣ гостиницы «Пале-Рояль», на Пушкинской, между прочимъ, оказались образа съ лампадами, портретъ отца Іоанна Кронштадтскаго съ надписью: «Ольгѣ Палемъ на память посѣщенія ею Кронштадта», портретъ императора Александра II, фотографическій портретъ г. Капдинскаго, О. Палемъ и мальчика лѣтъ 15-ти съ надписью: «Когда увидишь эту карточку, вспомнишь мою дружбу съ

дорогимъ братомъ Ривою. 15-го мая 1894 г.), далѣе надпись: «В. С. Кандинскому, Сѣверная гостинница. Никому другому не отдавать, это моя послѣдняя воля», нѣсколько портретовъ подсудимой въ костюмѣ студента, два конверта, запечатанные на имя предсѣдателя окружнаго суда Чаплина или прокурора; записка: „Жду сейчасъ или ровно въ 7 ч., уголь Лиговки и Кузнечнаго“ (впослѣдствіи выяснилось, что это была записка, присланная Довнаромъ въ день происшествія, по которой Палемъ отправилась въ гостиницу «Европа»), кромѣ того, въ бѣльѣ оказалось нѣсколько вещей съ мѣтками Довнара.

По поводу этихъ вещей подсудимая объяснила, что бѣлье это было грязное, и когда она уѣзжала изъ своей квартиры, гдѣ жила вмѣстѣ съ Довнаромъ, онъ сказалъ ей: «Ты, Оля, сантиментальная; такъ возьми себѣ это на память». Она согласилась тѣмъ охотнѣе, что питала надежду на возобновленіе отношеній, такъ какъ и раньше у нихъ случались размолвки; но кончались примиреніемъ. Въ случаѣ примиренія Довнаръ и могъ пользоваться этими вещами у нея на квартирѣ.

Читаются показанія неявившихся свидѣтелей—*Александръ Шмидтъ* (матери покойнаго) и *отчима*. Это цѣлый обвинительный актъ противъ подсудимой.

Г-жа Шмидтъ объясняетъ въ своемъ показаніи, что знакомство Палемъ съ ея покойнымъ сыномъ относится къ тому времени, когда она жила въ одномъ домѣ съ ними, въ Одессѣ. Она занимала тамъ роскошно меблированную квартиру и проживала съ горничной Дашей. Къ ней ходило много молодыхъ людей: гимназистовъ, юнкеровъ, офицеровъ; по ночамъ раздавалось пѣніе, выходили на балконъ. Палемъ дарила игрушки младшему ея сыну, Юрію, и на этой почвѣ и завязалось знакомство ея сына съ Палемъ: онъ пошелъ благодарить ее за любезность къ брату. Потомъ они начали ѣздить вдвоемъ верхомъ, а затѣмъ сынъ безъ особаго труда добился успѣха у г-жи

Палемъ. У Палемъ были и раньше связи съ другими лицами, напр., съ Кандинскимъ, который, очевидно, содержалъ ее. Познакомился онъ съ нею у Ивановыхъ, увлекъ ее, обѣщалъ никогда не оставлять, затѣмъ женился на ней, года три жилъ съ ней, но потомъ выяснилось, что онъ былъ разведенъ съ первой женою безъ права вступленія въ бракъ и ихъ развели, приговоривъ ее къ церковному покаянію. Одинъ изъ товарищей сына говорилъ, что зналъ Палемъ босоножкою, когда она ходила по 50 к. Знакомые офицеры ея родственника Шмидта, Занфировъ и Загинѣевъ, рассказывали, что они знаютъ Палемъ за женщину легкаго поведенія, которая позволяла имъ много вольностей, сидѣла у нихъ на колѣняхъ и т. п. Проживала она также у знакомаго имъ семейства Лукьяновыхъ, гдѣ выдавала себя за жену офицера. Когда же Лукьяновы узнали, что за женщина Попова, она же Палемъ, то попросили ее съѣхать съ квартиры. Въ Одессѣ уже сынъ ея началъ тяготиться своей связью съ Палемъ, но она упорно преслѣдовала его и даже устраивала скандалы и сцены на улицѣ (напр., на каткѣ при гостинницѣ „Грандъ-Отель“ Палемъ направила въ ея сына револьверъ, который затѣмъ былъ у нея отнятъ). Когда затѣмъ сынъ поѣхалъ въ Петербургъ, Палемъ поѣхала за нимъ, и здѣсь они жили на нѣсколькихъ квартирахъ совмѣстно. Сынъ много страдалъ и терпѣлъ отъ характера Палемъ: она ему отравляла жизнь. Свидѣтельница рассказываетъ, что во время пребыванія въ Петербургѣ она остановилась у нихъ и была свидѣтельницей безобразныхъ сценъ, напр., какъ Палемъ била сына и себя подсвѣчникомъ. Во время болѣзни она его не щадила, а бѣгала жаловаться на него начальству за отказъ жениться. Свидѣтельница, чтобы спасти сына отъ г-жи Палемъ, обращалась за помощію къ Кандинскому, который имѣетъ на нее большое вліяніе, прося его вызвать Палемъ въ Одессу, но Кандинскій отговорился тѣмъ, что Палемъ его не послушаетъ.

Продолжительная совмѣстная жизнь сына съ Палемъ заставила Шмидтъ снисходительно смотрѣть на ихъ отношенія. Одно время она относилась съ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ къ подсудимой, что поручила ей младшаго сына, Виктора, для подготовленія въ морской корпусъ, котораго Палемъ и увезла въ Петербургъ. Онъ поселился у брата, но ей, свидѣтельницѣ, пришлось горько раскаяться въ этомъ, такъ какъ Палемъ портила мальчика, позволяла себя цѣловать и вообще дѣйствовала развращающимъ образомъ на него, что замѣтилъ и учитель мореходныхъ классовъ Ивановъ. Покойный сынъ ея Александръ Довнаръ, въ бытность его въ послѣдній разъ въ Одессѣ, рассказывалъ, что онъ нашелъ карточку Палемъ въ домѣ терпимости. У сына ея отъ ея перваго мужа былъ капиталъ 15.000 р. Живя съ Палемъ онъ прожилъ 5.500 р. на совмѣстную жизнь и леченіе Палемъ въ Крыму.

Во время чтенія этого показанія Палемъ обнаруживаетъ признаки сильнаго волненія, она протестуетъ и нервно кричитъ:

— «У меня мозгъ треснетъ!... Я не хочу этого слышать. Все это ложь... Я должна говорить противъ каждаго слова...»

Въ виду крайне возбужденнаго состоянія подсудимой председатель дѣлаетъ перерывъ.

Защитникъ проситъ судъ въ разъясненіе факта нахождения карточки Палемъ въ одномъ изъ домовъ терпимости, огласить показаніе содержательницы этого дома, *Эдельгеймъ*.

Читаютъ ея показаніе, изъ котораго видно, что у нея въ числѣ проститутокъ была Ермолина, любительница фотографическихъ карточекъ хорошенькихъ женщинъ, между которыми была у нея также карточка Ольги Палемъ, подаренная ей какимъ-то посѣтителемъ. Когда Ермолина ушла изъ заведенія, карточка эта осталась въ ея комнатѣ и была взята оттуда Довнаромъ.

— «Я никогда также не знала, а тѣмъ менѣе могла позволить себѣ разныя вольности съ офицерами Занфировымъ и Загниѣвымъ», протестуетъ вновь прерывающимся голосомъ подсудимая. — «Это недоразумѣніе! Въ Одессѣ проживала еще одна Попова и разсказъ офицеровъ относится должно быть къ ней...»

Читается показаніе *Петра Шмидта*, втораго мужа матери Довнара. Оно схоже съ показаніемъ жены, но гораздо сдержаннѣе. Покойнаго Довнара онъ аттестуетъ какъ скромнаго и мягкаго характеромъ молодаго чело-вѣка. „Связь съ Ольгой Палемъ онъ продолжалъ — по словамъ свидѣтеля—въ видахъ гигиеническихъ, для предохраненія себя отъ болѣзни».

III.

Второй день судебного засѣданія 16 февраля посвященъ былъ выясненію отношеній между покойнымъ Довнаромъ и Ольгою Палемъ. Последняя выглядитъ гораздо покойнѣе, чѣмъ во вчерашнее засѣданіе. Даетъ объясненія твердымъ, довольно увѣреннымъ голосомъ. Палемъ небольшого роста брюнетка, съ мелкими правильными чертами лица, слегка татарскаго типа. Въ голосѣ ея замѣтенъ картавий, еврейскій акцентъ.

Рядъ свидѣтелей выясняетъ, что Александръ Довнаръ не любилъ Палемъ. Самый нравственный обликъ его, поставленный на высоту матерью, его родственниками, обвиненіемъ, начинаетъ тускнѣть даже въ показаніяхъ его родственниковъ.

Допрашивается *Леонидъ Довнаръ*, сводный братъ А. Довнара. Онъ показалъ, что дважды былъ у Палемъ въ Одессѣ съ А. Довнаромъ. Первое посѣщеніе окончилось неприятностями. Палемъ почему-то вообразилось, что А. Довнаръ привелъ свидѣтеля быть его замѣстителемъ и выгнала его вонъ. Переведенный въ Варшаву, свидѣтель

совершенно потерялъ изъ виду А. Довнара и встрѣтился съ нимъ вновь чрезъ четырегода въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ по дѣламъ. Довнаръ пригласилъ его остановиться въ его квартирѣ и онъ провелъ у него двѣ недѣли. Палемъ жила тогда въ одной квартирѣ съ Довнаръ и свидѣтель былъ очевидцемъ многихъ семейныхъ сценъ и долженъ сказать, что не всегда покойный былъ правъ. Ему, свидѣтелю, было очень жалко Палемъ, такъ какъ ей жилось дѣйствительно очень тяжело: Довнаръ ее, очевидно, не любилъ и третировалъ. Палемъ волновалась и разъ даже говорила, что уйдетъ въ монастырь. Разъ, послѣ какой-то сцены, Довнаръ хотѣлъ уйти изъ дома, Палемъ его не пустила. Тогда Довнаръ, въ крайнемъ раздраженіи, крикнулъ: «Отойди, я тебѣ въ морду дамъ», и сильно толкнулъ ее. Свидѣтель при этомъ добавилъ, что Довнаръ былъ человѣкъ мягкій и подкладистый. Когда онъ бывало спрашивалъ Палемъ, что ей отъ него надо, она отвѣчала: — «Женись на мнѣ, а потомъ, чортъ съ тобой!...»

— Что же это она въ шутку говорила или серьезно? — спрашиваетъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей.

— Право, я затрудняюсь отвѣтить.

— Ну, а какъ держалъ себя, вообще, Довнаръ съ Палемъ? спрашиваетъ прокуроръ.

— Онъ всегда иронизировалъ съ нею, а она относилась къ нему серьезно.

Свидѣтелю приходилось выслушивать признанія обѣихъ сторонъ, и, конечно, было мало правды въ ихъ взаимныхъ жалобахъ, но ему, свидѣтелю, кажется, что Довнаръ не совсѣмъ правъ относительно Палемъ. Между прочимъ, Подсудимая жаловалась ему, свидѣтелю, что будучи больнымъ, Довнаръ заразилъ и ее. Свидѣтель знаетъ, что Довнаръ дѣйствительно лѣчился отъ извѣстной болѣзни, и этотъ поступокъ его показался свидѣтелю весьма несимпатичнымъ. Довнару извѣстно было прошлое Палемъ; свидѣтель слышалъ, что Кандинскій былъ когда-то покро-

вителимъ Палемъ и высылалъ ей постоянно изъ Одессы деньги.

Допрашиваются должностныя лица института путей сообщенія, которымъ Палемъ жаловалась на Довнара, а также и лица служащихъ въ канцеляріи градоначальника. Эти показанія подробно изложены въ обвинительномъ актѣ и въ существѣ своемъ онѣ нисколько не измѣнились и на судѣ.

Въ виду частныхъ ссылокъ сторонъ на дознаніе, производившееся чинами сыскной полиціи по поводу несогласій между Довнаромъ и Палемъ, судъ постановляетъ огласить протоколъ осмотра дѣла с.-петербургскаго градоначальника «о симферопольской мѣщанкѣ Ольгѣ Палемъ и сынѣ д. с. с., студентѣ института путей сообщенія А. С. Довнарѣ». Дѣло это началось по жалобѣ дворянина Протопопова на сосѣдей своихъ по квартирѣ, Довнара и Палемъ, производившихъ постоянный шумъ и драки. Къ числу документовъ, имѣющихъ особенный интересъ, относятся: прошеніе матери покойнаго г. градоначальнику о выселеніи г-жи Палемъ, какъ интриганки, добивающейся насильственнаго брака съ ея сыномъ; протоколъ полиціи о царапинахъ, причиненныхъ Довнару, и о побояхъ, нанесенныхъ имъ Ольгѣ Палемъ; прошеніе Довнара объ удаленіи Палемъ изъ квартиры его и объ отобраніи у нея писемъ, на которыхъ она основываетъ свои домогательства. Письма эти были отобраны у нея (числомъ 17) и приобщены къ дѣлу. Всѣ письма очень важнаго содержанія.

Нѣкоторыя письма въ конвертахъ. На одномъ изъ нихъ имѣется такой адресъ: «Одесса, О. В. Довнаръ», т. е. Ольгѣ Васильевнѣ Палемъ, которую покойный называлъ своею женой и, какъ видно изъ этого адреса, даже открыто.

Читается показаніе Будковской, братъ которой женатъ на сестрѣ покойнаго Довнара. По словамъ свидѣтельницы

Палемъ разсказывала ей, что влюблена въ Довнара, надѣялась выйти за него замужъ, а теперь онъ не только не хочетъ на ней жениться, но покидаетъ ее. Разсказывая это, Палемъ плакала, бросалась на колѣни, заламывала руки, умоляла помочь ей, спрашивала: какъ-бы свидѣтельница поступила на ея мѣстѣ. Дней за 7 или 9 до убійства Довнара, Палемъ пришла къ Будковской и сказала, что уѣзжаетъ на островъ Мадеру, просила не поминать ея лихомъ, пожалѣть ее, такъ какъ онѣ, вѣроятно, болѣе не встрѣтятся. Палемъ казалась очень измѣнившейся. Послѣ ея ухода свидѣтельница сказала мужу, что дѣло такъ не кончится, она, вѣроятно, что-нибудь задумала, это смиреніе неестественно.

Будковскій, мужъ предшествующей свидѣтельница, показалъ, что Палемъ пришла къ нимъ съ просьбою устроить ея судьбу и подробно разсказала, какъ она познакомилась съ Довнаромъ, сошлась съ нимъ, онъ выдавалъ ее за жену, при этомъ показала письмо, писанное рукою А. Довнара на имя Ольги Васильевны Довнаръ, но что мать хочетъ разлучить ихъ, что въ ходъ была пущена полицейская власть, что ее насильно выселили изъ квартиры. Свидѣтель успокаивалъ ее, обѣщалъ свое содѣйствіе, говоря, что, вѣроятно, когда мать уѣдетъ, все пойдетъ по старому. Свидѣтель завелъ однажды разговоръ по этому вопросу съ Довнаромъ, но тотъ отозвался о Палемъ очень рѣзко, назвалъ ее жидовкой, способной на всякую мерзость, чтобы только повредить ему, и положительно высказалъ, что не можетъ на ней жениться. Послѣ этого разговора свидѣтель сказалъ Палемъ, что она должна постараться позабыть Довнара, такъ какъ онъ ея не любитъ.

Гусева, горничная Палемъ, показываетъ, что Довнаръ билъ ее зонтикомъ, кулакомъ по головѣ, а она его очень любила; только и рѣчи было, что о немъ, даже свидѣтельница съ тѣмъ оставила у себя, чтобы о немъ гово-

рить. Палемъ жаловалась, что мать Довнара не хочетъ, чтобы они вмѣстѣ жили.

Послѣ небольшого перерыва допрашивается при закрытыхъ дверяхъ свидѣтель *Зарифа* и читается показаніе неявившагося свидѣтеля *Земфирова*.

По открытіи дверей залы вводится профессоръ *Пастернацкій*, у котораго подсудимая была четыре раза на приѣмахъ: въ маѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1892 г., и 21 іюня 1893 г. Записана она была въ книгѣ подъ фамиліей Довнаръ. Послѣ приѣма Довнаръ лично справлялся у проф. о состояніи здоровья обвиняемой; онъ, свидѣтель, вынесъ убѣжденіе, что вопросъ этотъ сильно озабочиваетъ Довнара, и когда больная ушла изъ кабинета, Довнаръ спросилъ свидѣтеля: не чахотка ли у нея, на что свидѣтель отвѣтилъ, что внутренніе органы совершенно здоровы, замѣчается только малокровіе и нервность.

Допрашивается *Матеранскій*, другъ Довнара съ дѣтства, которому покойный передавалъ всѣ тайны. Говорить свидѣтель съ апломбомъ, самоувѣренно.

По его словамъ, Довнаръ никогда не уважалъ и не любилъ Ольгу Палемъ-Попову, а добивался только обладанія ею, при чемъ имъ руководило то соображеніе, что ему тогда нечего будетъ бояться заразы.

Какъ мало онъ ее уважалъ видно изъ слѣдующаго разговора, который происходилъ между друзьями на другой день послѣ достигнутаго Довнаромъ успѣха у Ольги Палемъ.

— Однажды Довнаръ приходитъ ко мнѣ весь сіяющій, глаза горять, дыханіе сперто, и съ восхищеніемъ говорить... Я право стѣсняюсь здѣсь сказать это слово... оно очень короткое..., говорить, рисуясь, свидѣтель.

Палемъ вскакиваетъ и произноситъ:

— Я уйду, разбирайте безъ меня; что это такое!..

Судъ постановилъ выслушать Матеранскаго при закрытыхъ дверяхъ.

Тамъ же прочитанъ былъ «дневникъ» Довнара, который онъ велъ, познакомившись съ Палемъ и нѣкоторыя письма Палемъ.

По открытіи дверей читаются показанія отца и матери подсудимой. Свидѣтели эти, между прочимъ, удостовѣряютъ, что дочь ихъ была всегда болѣзненнымъ, нервнымъ ребенкомъ, подверженнымъ истерическимъ припадкамъ. Живя въ Симферополѣ, она вращалась въ хорошемъ кругу, вела знакомство съ гимназистками, но сама нигдѣ не училась. Будучи 15-ти лѣтъ, Ольга Палемъ крестилась и вскорѣ переѣхала въ Одессу, гдѣ также вращалась въ хорошемъ кругу, но съ родителями болѣе не видалась, и, наконецъ, сошлась съ уважаемымъ всѣми почетнымъ гражданиномъ Кандинскимъ.

Идутъ показанія *Степановой*, горничной Палемъ въ Одессѣ. Она свидѣтельствуетъ, что Палемъ была добрая, но вспыльчивая, съ нею довольно часто бывали истерическіе припадки. До знакомства съ Довнаромъ у Палемъ бывалъ часто гимназистъ Зарифа и оставался иногда ночевать, но затѣмъ, кромѣ А. Довнара у нея никто не бывалъ, она его очень любила, но съ Довнаромъ у нихъ нерѣдко бывали скандалы и ссоры, съ чего они начинались—свидѣтельница не знаетъ; бывали случаи, что Довнаръ хотѣлъ уходить, а Палемъ просила его остаться, схватывая его за шею, а онъ вырывался, отталкивалъ ее. Кандинскій у нея не бывалъ, но она бывала у него часто; деньги за квартиру Палемъ платила всегда сама.

Матвѣевъ, дворникъ дома на Кирочной, гдѣ жила Палемъ вмѣстѣ съ Довнаромъ, подтверждаетъ, что между ними бывали ссоры и имъ предложено было выѣхать съ квартиры.

Шваркова служила у Довнаръ, на Кирочной, три мѣсяца и была свидѣтельницей трехъ скандаловъ, но изъ-за чего скандалы происходили, она не знаетъ. Однажды Довнаръ позвалъ ее помочь барынѣ. О. В. лежала на полу, во-

лосы были растрепаны, рубашка оборвана, пальцы въ синякахъ, а подлѣ на полу валялись ножны отъ шапки. Барыня получала деньги изъ Одессы, отъ дяди, сама платила ей жалованье и давала деньги на провизію.

Тютин служила у Довнаръ въ 1893 году. Думала сначала, что они мужъ и жена, на второй годъ только узнала, что они не женаты. Баринъ часто билъ барыню, разъ даже шваброй билъ, корилъ ее, а барыня, избитая, бывало лежить, плачетъ и говорить: «Саша, милый, не уходи!» Особенно часто ссоры были изъ-за писемъ, которыя баринъ получалъ изъ Одессы. Барыня бывало говорила: «Саша, женись на мнѣ, я совсѣмъ буду другая. Ты слушаешь свою мать». Барыня была добрая, а баринъ гораздо болѣе жестокой: онъ билъ ее, швырялъ ногами, называлъ разными словами, а она плакала, цѣловала его руки.

Во время объясненій подсудимой объ ея отношеніяхъ къ Довнару одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей поинтересовался узнать, давалъ ли Довнаръ обѣщаніе жениться на Палемъ. Палемъ отвѣтила утвердительно, и добавила:

— Онъ обязанъ былъ жениться на мнѣ.

Интересъ вечерняго засѣданія сосредоточивается на показаніяхъ присяжнаго повѣреннаго Андреевскаго и студента Милицера, товарища покойнаго.

Милицеръ, студентъ путей сообщенія, другъ Довнара. Онъ отзывался о Палемъ, какъ о женщинѣ крайне не симпатичной, грубой, безъ образованія, прямо падшей женщинѣ, которая способна браниться самыми площадными словами и „умѣетъ подтасовывать факты“. По его словамъ, она отравляла жизнь Довнара и устраивала ему постоянныя сцены. Добиваясь только титула замужней женщины, Ольга Палемъ не разъ говаривала свидѣтелю: «я ненавижу, презираю Довнара, но мнѣ всетаки нужно, чтобъ онъ на мнѣ женился». Довнаръ, однако, совсѣмъ не собирался на ней жениться. — «На своей сожитель-

ницѣ жениться неловко», замѣчаетъ свидѣтель. Палемъ не отличалась и вѣрностью Довнару. Свидѣтель приводитъ въ примѣръ самого себя. Однажды, когда онъ занимался съ Довнаромъ, въ комнату вошла Палемъ, пошептала съ Довнаромъ, затѣмъ бросилась къ нему, Милицеру, на шею, стала обнимать и цѣловать, такъ что свидѣтель долженъ былъ просить ее оставить его въ покоѣ. Она назвала его «рыбой» и «черствымъ сердцемъ». Въ другой разъ они занимались съ Довнаромъ, въ комнатѣ было всего два стула, вдругъ врывается къ нимъ Палемъ и, несмотря на то, что онъ предлагалъ ей свой стулъ, сѣла къ нему на колѣни.

Защитникъ, указывая на то, что всѣ эти сцены происходили въ присутствіи Довнара, пытается установить тотъ фактъ, что подобныя заигрыванія были только попытками вызвать ревность своего сожителя.

Милицеръ не соглашается и приписываетъ всѣ сцены прямо безнравственности Палемъ. Какъ много натерпѣлся Довнаръ отъ Палемъ, свидѣтель приводитъ такого рода сцену: Довнаръ пришелъ къ нему заниматься, вдругъ въ 12 часу ночи, они услышали голосъ Палемъ: «Саша! иди домой, спать пора!». Довнаръ сейчасъ же ушелъ, а черезъ 5 минутъ свидѣтель отправился прогуляться, вдругъ видитъ на другой сторонѣ несется студентъ путеецъ, — смотреть, это Довнаръ, а за нимъ съ визгомъ бѣжитъ Палемъ посреди улицы, а шагахъ въ 30 бѣжитъ младшій братъ Довнара. Палемъ остановилась и стала кричать: «Что вы со мною сдѣлали!». Онъ пригрозилъ ей позвать дворника, тогда она сѣла съ Викторомъ на извозчика и уѣхала. Онъ подошелъ къ Довнару и спросилъ. «Зачѣмъ ты бѣжалъ?». — Да какъ же не бѣжать, когда она къ физиономіи моей подбиралась! Бывая у Довнара, свидѣтель въ интимные разговоры съ Палемъ не вдавался потому, что былъ предубѣжденъ противъ нея Довнаромъ, рассказывавшимъ многіе эпизоды изъ ихъ жизни вдвоемъ. Что

касается Довнара, то, по словамъ свидѣтеля, онъ былъ человѣкъ замѣчательно добрый, вѣжливый, всѣ товарищи цѣнили его.

Защитникъ. Но вѣдь Довнаръ зналъ, что Палемъ получаетъ деньги отъ К., изъ Одессы?

Милицеръ. Да, онъ это зналъ, но онъ считалъ ихъ вознагражденіемъ за пріятныя минуты, которыя К. съ ней проводилъ.

Калеминъ, полковникъ, хорошій знакомый Кандинскаго, зналъ Палемъ еще въ Симферополь, затѣмъ встрѣчалъ ее въ Одессѣ. Въ это время Палемъ сошлась съ Кандинскимъ, безусловно хорошимъ человѣкомъ. Лѣтомъ 1889 г. свидѣтель замѣтилъ, что Кандинскій плохо выглядитъ, осунулся, а на замѣчаніе отчего въ немъ такая перемѣна, получилъ въ отвѣтъ, что О. В. Палемъ находится въ очень нервномъ состояніи и онъ боится за ея здоровье, это его волнуетъ. Свидѣтель совѣтовалъ Кандинскому поѣхать на Кавказъ полечиться. Онъ переговорилъ съ Палемъ, та согласилась и разсталась съ Кандинскимъ. О поведеніи Палемъ свидѣтель ничего дурнаго не слыхалъ, она очень добра, лаской отъ нея всего можно добиться, въ нормальномъ состояніи характеръ у нея мягкій, но иногда наступаютъ приступы нервного состоянія и тогда она легко раздражается. Встрѣчаясь съ Палемъ въ Одессѣ послѣ разлуки ея съ Кандинскимъ, свидѣтель узналъ, что она невѣста А. С. Довнара, котораго она очень любитъ, затѣмъ когда Довнаръ поступилъ въ институтъ путей сообщенія, Палемъ говорила, что вышла за него замужъ, но когда Палемъ пріѣхала въ Одессу въ послѣдній разъ, она созналась, что еще не замужемъ, что ей живется очень тяжело; при каждомъ полученіи писемъ отъ матери Довнара отношенія ихъ ухудшаются. Тогда свидѣтель вмѣстѣ съ Кандинскимъ уговаривали ее бросить Довнара, потому что нельзя насильно выйти замужъ. Она на это отвѣтила: «Меня такъ все это изму-

чило, что я рѣшилась, такъ или иначе, поставить на своемъ». Къ Кандинскимъ Палемъ переписывалась, онъ постоянно высылалъ ей деньги въ Петербургъ, по 50 р. въ мѣсяцъ, посылалъ ей также, когда она лѣчила въ Славутахъ, въ Гурзуфѣ. Въ маѣ 1894 г. свидѣтель получилъ заказной пакетъ, въ которомъ оказалась фотографическая карточка Палемъ въ формѣ студента путейца, на карточкѣ была надпись: «Этотъ юноша выдержалъ экзамень очень хорошо», а на оборотѣ «Милому и дорогому полковнику».

Садовскій, швейцаръ дома, гдѣ осенью 1893 г. жила Палемъ съ Довнаромъ, и *ею жена*, подтверждаютъ, что жили они тихо, ихъ всѣ считали братомъ и сестрою. Но когда пріѣхала мать Довнара, стали происходить постоянные скандалы. Садовскому не разъ приходилось являться къ нимъ въ квартиру, изъ которой раздавались крики Довнара: «Позовите полицію! отправьте Палемъ въ сумасшедшій домъ!». Въ другой разъ, прибѣжавъ на крикъ, свидѣтель увидалъ, что подсудимая и Довнаръ, вцѣпившись другъ въ друга, возятся на полу. Это было передъ тѣмъ, какъ Довнара отправили въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ съ мѣсяцъ, Палемъ оставалась одна, плакала, скучала, беспокоилась, очень часто ѣздила въ больницу. Выйдя изъ больницы, Довнаръ въ квартиру не вернулся, а пріѣхалъ офицеръ отъ градоначальника, стали дѣлать вещи Довнара и Палемъ, причемъ всѣ вещи Палемъ заперла въ кухню, а мать Довнара взяла ключъ отъ параднаго входа, затѣмъ вещи были увезены и сами Довнары уѣхали въ Одессу.

Андреевскій, прис. повѣренный, знаетъ Палемъ потому, что въ сентябрѣ 1893 г. къ нему она явилась съ визитной карточкой директора института инженеровъ путей сообщенія Герсеванова, который просилъ его принять въ ней возможное участіе. Съ первыхъ же словъ оказалось, что дѣло, по которому Палемъ явилась, очень мудреное—

она хотѣла возбудить обвиненіе противъ Довнара за обольщеніе обѣщаніемъ жениться. Свидѣтель сказалъ, что это дѣло трудное, старался объяснить, что въ результатѣ можетъ получиться бракъ по принужденію, который принести счастья не можоть, что Довнаръ еще очень молодъ и на этой почвѣ старался успокоить О. В. Но она говорила, что въ сущности, это не такъ, что она любитъ Довнара и онъ ее любитъ, но что онъ человѣкъ слабохарактерный, а противъ нея интригуетъ мать Довнара, А. М. Шмидтъ, и товарищъ его Милицеръ, что если дѣло возбудится, тогда Довнаръ навѣрное женится, что онъ ее любитъ и она съумѣетъ украсить его жизнь. Находя, что Палемъ заслуживаетъ помощи и поддержки, свидѣтель перешелъ къ подробнымъ разспросамъ. Палемъ показывала ему письма къ ней Довнара, адресованныя на имя О. В. Довнаръ, ласковыя письма его матери. Всѣ эти данныя показывали, что можно было возбудить дѣло объ обольщеніи торжественнымъ обѣщаніемъ жениться и свидѣтель совѣтовалъ ей подать жалобу прокурору, причемъ обѣщалъ помогать ей совѣтами и участіемъ. Приѣхавъ домой, свидѣтель нашелъ карточку Палемъ, въ которой она просила принять отъ нея маленькій подарокъ — фрукты — на память о готовности услужить ей совѣтомъ. Въ январѣ 1894 года Палемъ пришла вторично вся въ слезахъ, рассказала, что она оскорблена, что администрація ее преслѣдуетъ. Свидѣтель сказалъ ей, что можно подать жалобу, но что теперь онъ долженъ уѣхать. Затѣмъ Палемъ встрѣтилъ онъ еще разъ на вокзалѣ варшавской дороги и она заявила, что положеніе ея становится все хуже и хуже, она сама, повидимому, начала чувствовать, что исхода нѣтъ, расплакалась и убѣжала со словами: «Я застрѣлюсь!.. Я не переживу... Вы когда-нибудь узнаете, какая я несчастная!..»

Больше онъ Палемъ не видѣлъ, а вскорѣ прочелъ въ газетахъ извѣстіе объ убійствѣ Довнара.

Тов. прок. Какъ вы могли совѣтывать начатіе дѣла объ обольщеніи, зная, что Ольга Палемъ, когда сошлась съ Довнаромъ не была дѣвуха?

Андреевскій (съ удивленіемъ). Въ законѣ говорится объ обольщеніи женщины торжественнымъ общаніемъ жениться и поэтому въ дѣлѣ Палемъ былъ составъ преступленія.

Дювернуа (присяжный засѣдатель).— Не показалось ли свидѣтелю страннымъ, какъ юноша въ *ученическомъ* возрастѣ, не знавшій еще жизни, могъ обольстить дѣвицу, находившуюся по отношенію къ нему въ *учительскомъ* возрастѣ?

Предсѣдатель призналъ этотъ вопросъ не относящимся прямо къ дѣлу.

IV.

Засѣданіе 17 февраля началось допросомъ *Горельникова*, одесскаго фотографа. Палемъ снималась у него нѣсколько разъ. Казалась она вполне порядочной женщиной. Ничего дурнаго онъ о ней г-жѣ Шмидтъ, которая принесла къ нему сдѣлать снимокъ съ ея фотографической карточки, не говорилъ, такъ какъ Палемъ не зналъ и ничего дурнаго о ней не слыхалъ.

Тихоцкій въ октябрѣ 1893 г. жилъ въ той же квартирѣ, гдѣ г-жа Шмидтъ и младшій Довнаръ заняли комнату. Старшій сынъ, покойный А. Довнаръ былъ въ то время въ больницѣ, а потомъ поселился съ матерью. Вскорѣ они познакомились и г-жа Шмидтъ рассказывала свидѣтелю объ отношеніяхъ своего сына Александра къ О. Палемъ. Самъ-же свидѣтель можетъ подтвердить только то, что разъ видѣлъ А. Довнара очень разстроеннаго, съ расцарапаннымъ лицомъ и синяками.

— Кто васъ такъ отдѣлалъ?—спросилъ свидѣтель.

— Это моя Ольга Васильевна, такъ меня отдѣлала?—
отвѣтилъ Довнаръ.

Въ разговорахъ заходила рѣчь о томъ, какъ Довнару отдѣлаться отъ Палемъ. Свидѣтель посовѣтовалъ обратиться съ просьбою къ градоначальнику, но была-ли подана эта жалоба, онъ не знаетъ. На распросы о томъ, что за особа Палемъ, свидѣтель, со словъ жившаго съ нимъ рядомъ инженера, свидѣтельствовалъ, что она особа доступная, хотя самъ ее лично не зналъ.

Саросѣкъ, содержатель меблированныхъ комнатъ, гдѣ въ 1893 году жили Палемъ и Довнаръ. Онъ рассказываетъ, что у нихъ очень часто бывали крики, ссоры и драки, Палемъ выходила на площадку кокетничать съ молодыми людьми, очевидно съ цѣлью разсердить Довнара. Всѣ сосѣди были недовольны ими. Видя постоянныя слезы Палемъ и слыша жалобы, свидѣтель принялъ въ ней участіе и въ отсутствіе Довнара заходилъ уговаривать ее, и разъ предложилъ познакомить съ молодымъ человѣкомъ, очень хорошимъ, и устроить ихъ бракъ; но Палемъ отвѣчала, что будетъ жить съ Довнаромъ, пока хватитъ ея силъ. Она говорила о полученіи большого наслѣдства, рассказывала, что ей осталось отъ отца крупныя средства—75,000 р., но она почти все прожила, осталось только 15,000 р. Требовала, чтобы Довнаръ женился на ней, или она должна будетъ «покончить это дѣло». Изъ этихъ словъ свидѣтель заключилъ, что между ними «будетъ что нибудь», и произойдетъ въ его квартирѣ, а потому, нежелая неприятностей, онъ попросилъ ихъ выѣхать.

Князь Тумановъ, студентъ путей сообщенія, жившій также у Саросѣка, показалъ, что, возвращаясь поздно домой, онъ слышалъ въ комнатахъ Довнара и Палемъ споры и крики: Палемъ мѣшала Довнару заниматься, а онъ просилъ ее оставить его въ покоѣ. Свидѣтель особенно помнитъ день 23-го декабря: Довнаръ ушелъ съ утра и не возвращался, Палемъ плакала. Тогда свидѣтель,

видя ея отчаяніе, принялъ въ ней участіе, они разговорились. Подсудимая рассказала ему, какъ познакомилась съ Довнаромъ, что онъ хотѣлъ на ней жениться, а теперь не хочетъ, что онъ бросилъ ее, ушелъ изъ дому, съ тѣмъ, что вернется вмѣстѣ обѣдать, а уже близка ночь, а онъ не возвращается. Свидѣтель всячески старался ее успокоить, говорилъ, что вѣроятно онъ остался ночевать у товарища, наконецъ поѣхалъ съ ней разыскивать Довнара и встрѣтили его на дорогѣ. Палемъ умоляла его остаться, онъ вернулся, но на другой день рѣшилъ опять уѣхать, уложился, Палемъ помогала ему, а когда онъ уѣхалъ, съ ней сдѣлался припадокъ, она два раза хватала ножъ, затѣмъ ее уложили въ постель. Свидѣтель позвалъ доктора, ухаживалъ за нею, приходя въ себя Палемъ спрашивала, придетъ-ли Довнаръ. Въ 11 часовъ Довнаръ вернулся, принесъ ей мѣшечекъ съ апельсинами, она не вѣрила, говорила, что это вѣроятно свидѣтель самъ купилъ, чтобы ее успокоить. На другой день явился Довнаръ, Палемъ ему страшно обрадовалась. Они примирились.

На вопросъ о томъ, любила-ли Палемъ Довнара? свидѣтель даетъ утвердительный отвѣтъ, говоря, что и Довнаръ ее любилъ.

Тов. прок. Ну, а имѣла она, по вашему, право требовать, чтобы Довнаръ женился на ней?

Кн. Тумановъ. По моему, имѣла право.

Тов. пр. Какое-же?

Кн. Тумановъ. Довнаръ жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ и потому обязанъ былъ жениться.

По желанію одного изъ присяжныхъ, передопрашивается свидѣтель *Матеранскій*. Онъ сказалъ, что Довнаръ жилъ съ Палемъ въ теченіе 5 лѣтъ, и это сожителство имѣеть, такъ сказать, три подраздѣленія: первое время онъ увлекался внѣшностью Палемъ, говорилъ о ней, какъ объ интересной, пикантной дамѣ, и привязался къ ней исключительно какъ къ женщинѣ, въ которой, однако, не на-

ходилъ душевныхъ качествъ, заставляющихъ человѣка отдаться другому всѣмъ своимъ существомъ и навсегда. Онъ говорилъ, что она капризна, — «ну, да это ничего». Затѣмъ сталъ жаловаться на нее, въ особенности, когда они въ 1891 году переѣхали въ Петербургъ, и наконецъ рассказывалъ о невыносимыхъ сценахъ и преслѣдованіяхъ, имѣвшихъ, въ концѣ-концовъ, роковой исходъ.

Рейтеръ, сестра милосердія Александровской больницы на Васильевскомъ островѣ, показала, что Довнаръ занималъ въ больницѣ отдѣльную комнату, — онъ былъ боленъ тифомъ. Его навѣщали мать и Палемъ, которую онъ выдавалъ за свою жену; мать Довнара и Палемъ избѣгали встрѣчъ. Однажды, въ отсутствіи свидѣтельницы, Палемъ пришла навѣстить Довнара, вдругъ изъ комнаты раздались крики, когда свидѣтельница вошла, то увидала, что больной, вставши съ кровати, держалъ Палемъ за руку, облилъ ее молокомъ, а она кричала, что ей больно. Съ трудомъ его удалось уложить въ постель и успокоить, тутъ онъ рассказаль, что Палемъ ему не жена. Послѣ этого скандала докторъ *Морицъ* запретилъ пускать Палемъ къ больному.

Изъ прочитаннаго показанія доктора *Морица* видно, что Довнаръ съ женою являлись къ нему на пріемъ 11-го іюня 1892 г., причемъ она жаловалась на боль въ груди, кашель и кровохарканье, спрашивала, не чахотка ли у нея, но по освидѣтельствованіи болѣзнь эта не была усмотрѣна. Затѣмъ докторъ былъ приглашенъ осенью 1893 г. къ больному тифомъ Довнару и предложилъ помѣстить его въ больницу, причемъ узналъ, что дама эта не законная жена Довнара, а О. Палемъ. Когда мать Довнара встрѣчалась съ нею, между ними происходили крупные скандалы.

Читается показаніе *Василія Кандинскаго*. Онъ передаетъ, что жилъ съ Палемъ два года. Не смотря на хорошія ея качества онъ долженъ былъ разстаться съ ней, въ виду крайней ея нервности. Съ ней случались галлю-

цинаціи и свидѣтель пришелъ къ заключенію, что Палемъ психопатка, жить съ нею вредно. Онъ далъ ей 1800 руб. и разошелся. Однако онъ и послѣ этого не переставалъ помогать ей, когда она обращалась къ нему. Эти пособія могутъ быть опредѣлены въ 500—600 руб. въ годъ. Потомъ Палемъ говорила, что вышла за Довнаръ, и раза два являлась съ жалобою на побои Довнара, слѣды которыхъ онъ видѣлъ самъ. Кандинскій убѣжденъ, что Палемъ не только любила Довнаръ, но «прямо обожала его». Довнара зналъ; онъ нѣсколько разъ обращался къ нему за одолженіемъ, и свидѣтель исполнилъ его просьбу, выславъ ему 40—50 руб. и выкупивъ его часы.

Изъ прочтеннаго показанія *Троицискаго*, управляющаго Попова (крестнаго отца Палемъ), видно, что нѣсколько разъ Палемъ пыталась проникнуть къ Попову. Ей это не удавалось. Разъ пришлось удалить ее даже при помощи урядника.

Подсудимая.—Хорошо, пусть меня выгоняли. Но сынъ Попова, единственный, любимый сынъ, женился на институткѣ, умницѣ, красавицѣ, достойной быть княжной, а отецъ не согласился... Я могла бы многое объяснить, что меня оправдало бы, но тутъ замѣшано другое лицо, и я молчу; будущее за меня скажетъ.

Предсѣдатель.—Подсудимая, вамъ лучше всего знать, что можетъ служить къ вашему оправданію. Если у васъ дѣйствительно есть доводы, расскажите судьямъ и присяжнымъ.

Подсудимая Палемъ.—Ахъ, нѣтъ, не могу. Тутъ замѣшано другое лицо... Впрочемъ, и подумаю. (Садится).

V.

Послѣдній день предъ судебными преніями, 18 февраля. Вводятъ подсудимую. Она выглядитъ совершенно измученною. Истериически рыдая и падая на руки жандар-

мовъ, она твердитъ:—Пустите меня назадъ. Я не могу. Меня три дня терзаютъ, довольно. Нѣтъ больше силъ!

Судебный приставъ и докторъ кое какъ успокаиваютъ подсудимую.

Начинается чтеніе показаній нѣкоторыхъ неявившихся свидѣтелей, различныхъ документовъ, писемъ и справокъ.

Изъ показаній *Жукова*, письмоводителя Симферопольской Управы, видно, что въ 1892 году, въ Управу, для получения паспорта, являлась Ольга Палемъ вмѣстѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, котораго она называла своимъ женихомъ.

Пирожкова, у которой Довнаръ и Палемъ жили на дачѣ въ 1891 году, говоритъ, что Довнаръ выдавалъ Ольгу Палемъ за свою жену. На визитныхъ карточкахъ значилось: О. В. Довнаръ. Молодые «страшно любили другъ друга».

Бартельсъ, одесскій коммерсантъ, свидѣтельствуетъ, что лѣтъ девять назадъ къ нему поступила въ качествѣ горничной Ольга Палемъ, она же Попова, 18 лѣтъ. Она оказалась не умѣющей работать и чрезъ два дня была уволена.

Изъ справки Одесской полиціи о нравственности Палемъ оказывается, что она вела себя въ Одессѣ прилично и ни въ чемъ предосудительномъ не была замѣчена.

Читаются письма Палемъ къ Довнару, когда онъ жилъ на отдѣльной квартирѣ въ виду необходимости готовиться къ экзамену. Письма кратки. Въ нихъ высказывается желаніе хоть на одну минуту повидать нѣжно любимаго, и въ тоже время трогательная забота о томъ, что можетъ эта минута свиданія повредить его успѣху въ экзаменахъ.

Во время чтенія этихъ писемъ подсудимая крайне волнуется, поминутно наклоняется къ защитнику и что-то ему шепчетъ.

Предсѣдатель. — Не желаете ли что сказать?

Карабчевскій (съ улыбкой). Моя кліентка мнѣ со-

общаетъ, что она не вѣрять, чтобы въ ея письмахъ могли попадаться такія грубыя грамматическія ошибки, какъ вмѣсто «прошу тебя», «прошу тебѣ», вмѣсто «свои слезы», «свою слезы.»

— Я вовсе не такая безграмотная, съ негодованіемъ заявляетъ и сама подсудимая.

Карабчевскій. — Но, вѣдь, это могутъ быть простыя описки.

Предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе о предьявленіи писемъ присяжнымъ, объясняя въ тоже время, что онъ не считаетъ себѣ вправѣ выправлять слогъ писемъ и читать ихъ не такъ, какъ они написаны.

Письма Довнара также дышатъ любовью и участіемъ къ Палемъ. Онъ совѣтуетъ ей больше гулять, «а то я знаю — прибавляетъ онъ — что ты, по обыкновенію, сидишь и чулки штопаешь.» Всѣ письма «къ ненаглядной Ольѣ» адресоваль онъ не О. В. Палемъ, а Ольгѣ Васильевнѣ Довнарѣ.

Въ письмахъ къ Довнару г. Кандинскій постоянно высказываетъ теплое участіе къ Палемъ и Довнару, совѣтуетъ имъ быть благоразумными и разсудительными, желаетъ имъ душевнаго спокойствія и заканчиваетъ почти каждое письмо сообщеніемъ «о высылкѣ денегъ для передачи Ольгѣ Васильевнѣ».

Выражая въ одномъ изъ писемъ къ Довнару свое удовольствіе по поводу того, что Ольга Васильевна принялась за изученіе русскаго языка и математики, Кандинскій сообщаетъ, что имъ высланы три книги по гигиенѣ, которыя, по его мнѣнію, «весьма и весьма пригодятся для молодыхъ супруговъ». Этого мало. Онъ достаетъ Довнару рекомендательное письмо отъ кн. Гагарина къ директору института, оказавшее ему серьезную помощь при поступленіи въ институтъ.

Далѣе слѣдуетъ рядъ писемъ о высылкѣ денегъ, о присылкѣ авансомъ ея ежемѣсячной пенсіи отъ Кандинскаго.

Отъ авансовъ Кандинскій не отказывался, хотя и давалъ совѣты быть экономнѣе въ тратахъ. Къ Кандинскому же писалъ и самъ Довнаръ, спрашивая совѣта относительно отправленія «Олечки въ Крымъ для поправленія здоровья».

Кандинскій какъ-то выслалъ сто рублей на кумысъ.

— Ненаглядный Коточка! Кумысъ стоилъ всего сорокъ пять рублей. Остальные деньги я употребила на покупку новой лѣтней кофточки! писала ему О. В. Палемъ.

Въ письмахъ къ Палемъ, Кандинскій именуетъ ее Мару-сенькой, обращается съ ней «на ты» и подписывается «Коть».

Слѣдуетъ отмѣтить характерную особенность Ольги Палемъ: она большая любительница животныхъ. На одной фотографической карточкѣ, находящейся при дѣлѣ, она снята даже съ собакой, съ надписью рукою Палемъ: «Я со своею любимой собакой Нормой, которая своею смертию предвѣщаетъ и мою гибель». (Карточка предназначалась Кандинскому). Кандинскаго она въ письмахъ называетъ «Котомъ Васей», Довнара — «Милымъ тигренкомъ», сбѣжавшимъ изъ клѣтки Зоологическаго сада, «убѣгающимъ зайцемъ». Подписывалась она подъ письмами къ Довнару «твой бѣдный жукъ.»

Палемъ увѣряла Кандинскаго, даже клятвенно удосто-вѣряла, что вышла замужъ за Довнара. Впрочемъ въ слѣ-дующемъ письмѣ она проситъ у «ненагляднаго Коти» про-щенія въ томъ, что его обманула.

— Довнаръ меня заставилъ это сдѣлать. Онъ угово-рилъ меня и поклялся, говоря, что грѣхъ принимаетъ на себя, — пишетъ Палемъ.

Каждое письмо Палемъ къ Кандинскому сопровождалось просьбою о присылкѣ денегъ...

То двѣсти, то четыреста рублей умоляла она выслать ей.

— «Это спасетъ меня», прибавляла она, и въ заключеніе же говорила, что деньги ей необходимы на свадебные расходы.

Довнаръ не только зналъ объ этихъ письмахъ, но нѣ-

которые изъ нихъ даже были писаны его рукою подь диктовку Палемъ.

— «Глубокоуважаемый Василий Селиверстовичъ! Оля больна и поэтому просить меня писать подь ея диктовку...

А далѣе идетъ:

— «Дорогой Котокъ, пришли двѣсти рублей твоей кошкѣ Маруськѣ!»

Въ цѣломъ рядѣ писемъ Палемъ жалуется Кандинскому на свою судьбу. Она говоритъ, что мать и товарищи препятствуютъ ея браку съ Довнаромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она выражаетъ увѣреніе, что бракъ всетаки состоится.

Не безъ чувства нѣкотораго достоинства она похваляется передъ Кандинскимъ, что люди большіе, почтенные приняли участіе въ ея судьбѣ.

Разсказываетъ она и о своемъ визитѣ къ отцу Іоанну Бронштадтскому, причемъ особенно останавливается на томъ, что почтенный пастыръ отнесся къ ней сочувственно и даже далъ письмо къ министру путей сообщенія, въ которомъ просилъ принять ее и выслушать.

Послѣ приѣма министромъ, Палемъ увѣренно пишетъ, что свадьба должна состояться въ самомъ непродолжительномъ времени. Она увѣдомляетъ Кандинскаго о томъ, что даже бѣлое платье подвѣчное заказано.

— Я осталась должна портнихѣ десять рублей. Бѣдная портниха. Впрочемъ она мнѣ вѣритъ.

— Свадьба будетъ послѣ Пасхи. Теперь вся петербургская знать сочувствуетъ мнѣ и на моей сторонѣ.

Въ дѣлѣ имѣется также визитная карточка г-жи Шмидтъ съ благодарностью за «Виву» (т. е. Виктора Довнарь, который одновременно жилъ съ О. Палемъ и А. Довнаромъ). Г-жа Шмидтъ выражаетъ сожалѣніе, что за отъездомъ Палемъ и А. Довнарь, Виктору придется жить одному. «Что онъ будетъ дѣлать безъ васъ? Вы не добрая, что не пишете мнѣ о немъ. Цѣлую васъ. Уважающая васъ Александра Шмидтъ.»

А рядомъ съ такими изліяніями г-жи Шмидтъ, читаются ея же письма къ сыну, гдѣ она предупреждаетъ его, что Палемъ интриганка, что она мечтаетъ выскочить за него замужъ. Отношенія Палемъ къ Кандинскому хорошо были ей извѣстны. Въ одномъ письмѣ она радостно сообщаетъ сыну, что Кандинскій намѣренъ прекратить высылку денегъ Палемъ.

Прочитывается письмо г-жи Шмидтъ и къ Кандинскому, въ которомъ она проситъ его содѣйствія.

Она говоритъ, что слышала о томъ, что Кандинскій покровительствуетъ Палемъ и въ силу этого сообщаетъ о томъ, что «Оля» находится въ невозможномъ состояніи, что она захворала и что болѣзнь ея послѣдствіе ужасной жизни, которую ведетъ она съ Александромъ Довнаромъ.

Не щадитъ красокъ г-жа Шмидтъ для характеристики этой жизни, представляющей рядомъ печальныхъ исторій. Далѣе идетъ рассказъ о томъ, какъ Палемъ, въ минуту вспышки, хотѣла выброситься на мостовую изъ окна въ пятомъ этажѣ. Эта исторія такъ разстроила ея сына, что онъ захворалъ и слегъ въ постель. Въ заключеніе г-жа Шмидтъ, указывая г. Кандинскому на болѣзненность и нервность Палемъ, совѣтуетъ ему немедленно придти на помощь, такъ какъ въ противномъ случаѣ эта «нервная» и «больная» женщина можетъ плохо кончить.

Послѣ убійства Довнара, Палемъ также писала Кандинскому изъ Маріинской больницы. Сообщая ужасную вѣсть, она говоритъ, что и сама не знаетъ, какъ все произошло. Убивать Довнара она не хотѣла.

— Я желала только ранить себя и такимъ образомъ вызвать въ Довнарѣ раскаяніе въ его поступкахъ относительно меня.

Далѣе она пишетъ, что Довнаръ, когда она вынула револьверъ, отнесся къ ней иронически и страшно оскорбилъ ее. Какъ произошелъ выстрѣлъ, она увѣряетъ Кандинскаго, что не помнитъ.

— Потомъ я приставала револьверъ себѣ къ лѣвому легкому и выстрѣлила.

Въ этомъ-же письмѣ Палемъ говоритъ о близкой смерти, о томъ, что на спасеніе ея жизни нѣтъ ни малѣйшей надежды и въ заключеніе просить возможно скорѣе выслать ей денегъ, которые ей теперь «необходимы».

Судебное слѣдствіе закончилось объясненіемъ эксперта д-ра *Руковича*, вызваннаго защитой для выясненія ненормальности умственныхъ способностей Палемъ.

Онъ нарисовалъ портретъ обвиняемой, оговорившись, что для ея характеристики служатъ исключительно данныя судебного слѣдствія.

Экспертъ наблюдалъ подсудимую въ Маріинской больницѣ, гдѣ, какъ извѣстно, она лѣчилась отъ раны.

«Дочь бѣдныхъ родителей, маленькая Маріамъ росла нервнымъ, капризнымъ ребенкомъ. Ея впечатлительность не по лѣтамъ вызывала воображеніе о лучшей обстановкѣ,» замѣтилъ г. *Руковичъ*.

„Семейная жизнь въ родительскомъ домѣ не стала удовлетворять ее, а не по лѣтамъ развитое воображеніе манило ее къ новымъ, еще неизвѣданнымъ ощущеніямъ и впечатлѣніямъ. Не имѣя силы устоять передъ соблазнительными картинами собственнаго воображенія, она бросаетъ родительскую семью и уѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ скоро сходится съ богатымъ пожилымъ человѣкомъ. Съ этой минуты начинается второй періодъ, отличающійся отъ перваго только большей интенсивностью. Прежняя ребяческая нервность принимаетъ болѣе опредѣленныя формы легкой неврастеніи, осложняемой истерическими явленіями. Этотъ періодъ, по мнѣнію д-ра *Руковича*, продолжается и до настоящаго времени.

„— Палемъ субъектъ въ высшей степени нервный, капризный, малокровный. Нервность и нѣкоторое разстройство психической сферы у нея явились вслѣдствіе ненормальной обстановки, въ которой ей пришлось жить съ юныхъ

лѣтъ и изъ которой она стремилась перейти въ лучшія условія, болѣе удовлетворяющія ея вкусу и потребностямъ, а вслѣдствіе этого стремленія достигъ недостижимаго, это конечно, еще болѣе распатало ея нервную систему. Но г-жа Палемъ никогда не теряла сознанія и всегда дѣйствовала логично».

Защитникъ. Скажите пожалуйста, человѣкъ, страдающій неврастеніей, такъ же ли дѣйствуетъ, какъ и вполне здоровый?

Д-ръ Рувовичъ. Какъ вамъ сказать... У нервныхъ больныхъ, прежде всего, падаетъ энергія силы воли.

— А не встрѣчалось ли вамъ въ вашей практикѣ такихъ несомнѣнно больныхъ психически субъектовъ, у которыхъ энергія силы воли не только ослабѣваетъ, но, на оборотъ, какъ бы увеличивается?

— Такіе случаи бываютъ.

— Но можетъ быть это происходитъ отъ того, замѣчаетъ прокуроръ, — что нервный человѣкъ способенъ искусственно взвинтить себя?

— Да, конечно.

— Но сознаніе у такого человѣка полное?

— Несомнѣнно.

Одинъ изъ присяжныхъ интересуется вопросомъ — развивается ли неврастенія и истерія на почвѣ какихъ либо органическихъ недостатковъ, на примѣръ, въ данномъ случаѣ, на почвѣ такъ называемыхъ женскихъ болѣзней?

Д-ръ Рувовичъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно ¹⁾.

Изъ оглашенной экспертизы бухгалтера Рейха, проверявшаго записную книгу расходовъ Кандинскаго, оказывается, что съ 1889 г. по июль 1893 г. онъ передавалъ Палемъ 7,100 р., да кромѣ того давалъ яко-бы въ долгъ еще и Довнару нѣсколько сотъ рублей.

*) „Новости“ № 48.

Затѣмъ доктору Руковичу были предъявлены рецепты отъ лекарствъ, которые были прописаны Палемъ, и такъ какъ присяжные засѣдатели пожелали узнать, что за болѣзнь была у подсудимой и какое вліяніе она имѣла на ея психическое состояніе, то двери засѣданія были снова закрыты.

Когда публика вновь была приглашена въ залъ, то подсудимая Палемъ была въ крайне возбужденномъ состояніи. Она плакала, стонала и наконецъ съ ней сдѣлалось дурно и ее вывели.

Судебное слѣдствіе было окончено.

VI.

Въ половинѣ перваго начались судебныя пренія.

Слово предоставлено товарищу прокурору *Башилову*.

«Гг. присяжные засѣдатели!—началь обвинитель,—настоящее дѣло, въ смыслѣ безпристрастія и полноты предварительнаго слѣдствія, во всѣхъ подробностяхъ повторилось здѣсь, на судѣ, и даетъ такую полную, бытовую картину отношеній подсудимой Ольги Палемъ къ покойнику Довнару, что ваша память и напряженное вниманіе къ дѣлу будутъ вашими лучшими пособниками при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимой. Если я что-либо упущу изъ виду, или невѣрно объясню, то вы въ количествѣ двѣнадцати человѣкъ, разрѣшающихъ дѣло, каждый внесете, какъ вносятъ пчелы въ улей, свою долю выводовъ, и эта ваша общая работа выразится въ томъ приговорѣ, которымъ общество будетъ удовлетворено и скажетъ: да, это правда! Судъ присяжныхъ есть такое учрежденіе, подобнаго которому ни въ практикѣ, ни въ теоріи ничего нѣтъ».

Прежде нежели перейти къ фактической сторонѣ, обвинитель говорить «объ общественномъ значеніи дѣла», о замѣчаемой теперъ «дешевизнѣ своей и чужой жизни»,

объ убійствѣ и самоубійствѣ, о жертвѣ и палачѣ и все это освѣщаетъ самыми мелочными данными судебного слѣдствія и за тѣмъ переходитъ къ изложенію біографіи подсудимой.

Онъ старается доказать, что подсудимая Палемъ совершила преступленіе не въ запальчивости и раздраженіи, а обдуманно и предумышленно.

Такое свое положеніе обвинитель черпаетъ изъ того, что разъ человѣкъ рѣшается на самоубійство, находя, что не стоитъ жить, потому что среда, окружающая его, кажется ему дурною, онъ не станетъ мстить другому за то зло, которое ему причинено. Еслибы было одно самоубійство Палемъ, тогда его положеніе, въ смыслѣ доказательности убійства, было бы болѣе труднымъ.

Далѣе, разобравъ всю жизнь подсудимой съ момента перехода ея въ православіе, приписывая это корыстнымъ цѣлямъ и попыткѣ сдѣлать свою жизнь постояннымъ праздникомъ, обвинитель полагалъ, что это неосуществленіе попытки привело ее къ озлобленію и заставило рѣшиться на преступленіе.

Въ то время, когда обвинитель намекнулъ о мотивахъ обращенія Палемъ въ христіанство она закрыла лицо руками и начала истерично рыдать.

На замѣчаніе *предсѣдателя*, что онъ долженъ прервать засѣданіе, Палемъ проговорила:

— «Я прошу не касаться моей религіозности... Я не могу этого слышать...»

Засѣданіе прервано было на пять минутъ, пока подсудимая успокоилась.

По окончаніи перерыва продолжалась рѣчь обвинителя. Говорилъ онъ плавно, легко, мѣстами красиво. Очень подробно остановился онъ на исторіи отношеній Палемъ и Довнара, ссылаясь на письма и свидѣтельскія показанія, рисуя картину предумышленного убійства, какъ оно происходило въ дѣйствительности, а не такъ какъ рассказы-

ваетъ подсудимая. Но доводы его о предумышленности убійства были мало убѣдительны, даже, намъ кажется, и для самаго обвинителя.

Заканчивая свою рѣчь, длившуюся около двухъ часовъ, прокуроръ просилъ присяжныхъ не довѣрять одному сердцу? «Вы гг. присяжные засѣдатели, говорилъ обвинитель, не дадите мѣста увлеченію въ ту или другую сторону, не будете дѣйствовать по внушенію сердца, а постановите такой приговоръ, какой подскажутъ вамъ совѣсть и разумокъ. Нѣтъ мѣста жалости тамъ, гдѣ есть мѣсто совѣсти и долгу»

Гражданскій истецъ, прис. повѣр. *Рейнботъ* такъ началъ свою очень эффектную рѣчь:

«Мертвые срама не имуть!» Какъ извѣстно, слова эти приписываются лѣтописцу, князю, еще не христіанину. Но въ нихъ заключается обязательность именно каждаго христіанина не говорить о мертвомъ, а если говорить, то говорить только хорошее. Это обязанность всякаго.

«Но, продолжалъ далѣе г. Рейнботъ, — въ настоящемъ случаѣ у мертвеца есть люди близкіе, которые разрѣшаютъ говорить все, они не желаютъ прикрывать память покойнаго этимъ общимъ правиломъ; они говорятъ: нѣтъ, честь покойника намъ слишкомъ дорога и мы желаемъ очистить ее. Мать покойнаго Довнара хочетъ, чтобы-вы, гг. присяжные, обсуждая это дѣло, обсудили и его поступки.

Для того, чтобы имѣть юридическое право защищать на судѣ честь своего погибшаго сына, г-жа Шмидтъ и предъявляетъ свой искъ лишь въ суммѣ 25 р., истраченныхъ на похороны». Такимъ образомъ, исходя изъ этого положенія, гражданскій истецъ получаетъ юридическое право говорить о покойномъ Довнарѣ и доказать, что его образъ дѣйствій не былъ безчестнымъ по отношенію къ Палемъ.

Приступая къ изложенію фактической стороны дѣла,

г. Рейнботъ сказалъ, что для того чтобы имъ не приписывали озлобленности и желанія мести, онъ постарается по возможности смягчить образъ дѣйствій подсудимой Палемъ, постарается найти въ немъ что-нибудь хорошее. Онъ начнетъ съ того, что разоидется съ обвинителемъ и пожалуй будетъ склоненъ думать, что преступленіе совершено Палемъ не съ заранѣе обдуманнмъ намѣреніемъ, а случайно, въ запальчивости и раздраженіи, и что дѣйствительно она была увлечена Довнармъ и искренно любила его. Тѣмъ болѣе это естественно, что оба участника этой кровавой драмы были молоды, оба увлекались. Въ виду этого и за прежнее поведеніе Палемъ нельзя бросать въ нее камни,—это все были легкія, мимолетныя связи, неоставляющія слѣда, свойственныя молодости.

Но вотъ завязался серьезный романъ съ Довнармъ, быть можетъ также любившимъ ее, который, однако, вслѣдствіе ея нервности и раздражительности, сталъ для него тяжелымъ, и они разстались друзьями. Довнаръ уѣхалъ въ Петербургъ и Палемъ не предъявляла на него никакихъ правъ.

Тѣ годъ или два совмѣстнаго сожителства въ Петербургъ, по мнѣнію гражданскаго истца, вовсе не давали Палемъ права требовать, чтобы Довнаръ женился на ней. Въ доказательство того, что Довнаръ обязанъ былъ жениться на ней, приводятъ то обстоятельство, что приставъ одесской полиціи Чабановъ какъ-то встрѣтилъ ее съ Довнармъ на улицѣ, и она отрекомендовала ему Довнара, какъ своего жениха, а онъ не протестовалъ. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ, это не налагало никакихъ обязательствъ на Довнара.

Такіе романы, основанные на молодомъ увлеченіи, постоянно возникаютъ среди молодежи, хотя изъ нихъ нельзя выводить «торжественнаго обѣщанія жениться». Это романы студентовъ съ гризетками, въ родѣ тѣхъ, которыми мы восхищаемся у французскихъ писателей. Такимъ же

романомъ былъ и романъ Палемъ съ Довнаромъ сначала. Довнаръ не зналъ, что его сожительница была прежде любовницей старика. Но онъ достаточно все-таки зналъ о ея прошломъ, чтобы считать съ нею бракъ безусловно немыслимымъ. Мнѣніе объ этомъ предметѣ присяжнаго повѣреннаго Андреевскаго и студента кн. Туманова совершенно не правильно. Ни тотъ, ни другой не знали прошлаго Палемъ, а потому такъ судили о ней.

Затѣмъ въ Петербургъ привезъ Палемъ не Довнаръ; она, соскучившись по немъ, пріѣхала сама, и тутъ ничего нѣтъ драматическаго. Соскучилась и пріѣхала. Быть можетъ, ее соблазняла здѣсь вольная, симпатичная жизнь близкой подружки студента, и за это бросать въ нее грязью нельзя.

Г-жа Шмитъ до 1893 г. совершенно не знала, кто такая Попова (Палемъ), и Довнаръ даже скрывалъ отъ своей матери, что она въ Петербургѣ. Жили они здѣсь скромно, и нѣтъ никакихъ указаній на кутежи, или особенныя траты, превышающія ихъ средства. Но деньги все-таки шли, и въ два года сожительства съ Палемъ Довнаръ истратилъ 5 т. р. Нельзя сказать, чтобы Палемъ была содержанкой Довнара, такъ какъ она получала отъ Кандинскаго по 50 р. въ мѣсяць. Подсудимая Палемъ говоритъ, что Довнаръ зналъ, за что она получаетъ отъ Кандинскаго эти субсидіи. Но если такой знатокъ чловѣческаго сердца, какъ прис. повѣр. Андреевскій сказалъ здѣсь, что Палемъ произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ признавалъ возможнымъ бракъ ея съ Довнаромъ, то г. Рейнботъ не допускаетъ мысли, чтобы Палемъ до того низко упала въ нравственномъ отношеніи, что рѣшилась-бы рассказать своему любовнику свое прошлое. Нѣтъ, она такъ загадочно обставляла это прошлое, что Довнару не могло придти въ голову, что онъ живетъ съ бывшей любовницей старика Кандинскаго.

Съ 1893 г., съ пріѣздомъ въ Петербургъ г-жи Шмитъ,

началось невозможное положеніе — ссоры, скандалы. Но тутъ опять-таки нельзя обвинять Довнара. Между нимъ и его любовницей востала мать, права которой священны. Нарисовавъ картину борьбы между матерью Довнара и Палемъ, которая, сознавъ, что нѣтъ надежды на осуществленіе ея завѣтныхъ плановъ, какъ натура экзальтированная, а можетъ быть и начитавшись кровавыхъ романовъ, рѣшила испробовать послѣднее средство — ранить себя, это обратитъ вниманіе на нее, подѣйствуетъ на общество, будетъ скандалъ, и быть можетъ Довнаръ на ней женится.

Собираясь 16 мая на свиданіе съ Довнаръ въ гостиницу, она захватила съ собою рубашку Довнара и разные предметы изъ аптекарскаго магазина. Такъ на *послѣднее свиданіе* не собираются. При этомъ послѣднемъ свиданіи, когда снова Палемъ предъявила Довнару свои требованія относительно брака, онъ дѣйствительно могъ сказать ей рѣзкое слово, она была оскорблена и раздался роковой выстрѣлъ, а затѣмъ она хотѣла убить и себя.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, г. Рейнботъ полагалъ, что Палемъ убила Довнара не предумышленно, а въ запальчивости и раздраженіи.

Послѣ рѣчи Рейнбота обвѣленъ былъ обѣденный перерывъ.

III.

Къ шести часамъ въ залѣ суда буквально яблоку негдѣ было упасть. Желających пробраться въ залъ судебного засѣданія было такъ много, что пришлось прекратить доступъ публики даже въ зданіе суда. Ровно въ шесть часовъ судьи и присяжные заняли свои мѣста.

Предсѣдатель. Ваше слово, г. защитникъ.

«Гг. присяжные засѣдатели! началъ защитникъ. Менѣе года тому назадъ, 17 мая, въ обстановкѣ довольно спе-

цифической: трактирно-петербургской, съ осложненіями въ видѣ эмарховской кружки на стѣнѣ и распитой бутылки дешеваго шампанскаго на столѣ, стряслось большое зло. На грязный трактирный полъ упалъ ничкомъ убитый на повалъ молодой человекъ, подававшій самыя блестящія надежды на удачную карьеру, любимый семьей, уважаемый товарищами, здоровый и разсудительный, обѣщавшій долгую и благополучную жизнь. Рядомъ съ этимъ пошла по больничнымъ и тюремнымъ мытарствамъ еще молодая, полная силъ и жажды жизни женщина, тяжело раненная въ грудь, теперь измученная нравственно и физически, ожидающая отъ васъ рѣшенія своей участи. На протяженіи какой-нибудь шальной секунды, отдѣлившей два сухихъ короткихъ выстрѣла, умѣстилось столько зла, что немудрено, если изъ него выросло то «большое», всѣхъ интересующее дѣло, которое вы призваны теперь разрѣшить.

„Господинъ представитель обвиненія былъ правъ, говоря, что наша работа, наши одностороннія усилія выяснить передъ вами истину, — есть только работа для васъ вспомогательная, я бы сказалъ — работа черновая. Отъ нея, какъ отъ черновыхъ набросковъ, можетъ не остаться никакихъ слѣдовъ въ окончательномъ актѣ судейскаго творчества — въ вашемъ приговорѣ. Господинъ прокуроръ, ссылаясь на то, что это дѣло «большое», просилъ у васъ напряженія всей вашей памяти, онъ рассчитывалъ, что въ восполненіе допущенныхъ имъ фактическихъ пробѣловъ вы прійдете ему на помощь. Я вынужденъ рассчитывать на нѣчто большее. Это не только «большое дѣло» по обилію матеріала, подлежащаго вашей оцѣнкѣ, оно съ тѣмъ вмѣстѣ очень сложное, очень тонкое и спорное дѣло. Въ немъ много мѣста для житейской и нравственной оцѣнки подробностей, для психологическаго анализа характеровъ, лицъ и положеній. Чѣмъ глубже станетъ проникать вашъ разумъ, чѣмъ шире распахнется ваше сердце, тѣмъ ярче,

тѣмъ свѣтлѣ выступить въ этомъ дѣлѣ нужное и главное, что ляжетъ въ основу не механической только работы вашей памяти, а творческой, сознательной духовной работы вашей судейской совѣсти. Для каждой творческой работы первое и главное условіе — внутренняя свобода. Если предвзятыя положенія вами принесены уже на судъ, моя работа будетъ бесплодна. Это предубѣжденіе, враждебное судейскому убѣжденію, вызоветъ въ насъ только сухое раздраженіе противъ всего, что я скажу вамъ, противъ всего, что я могу сказать въ качествѣ защитника Палемъ. Бесплодная и тяжкая работа! Она только измучаетъ васъ. Второе и главное условіе правильности вашей судейской работы: осторожное, критическое отношеніе къ матеріалу, подлежащему вашей оцѣнкѣ, также будетъ вами забыто. Все замѣнить собою готовый шаблонъ, готовая схема предвзятыхъ положеній, которыми именно въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, такъ соблазнительно и такъ легко щегольнуть. Для этого не нужно ни напряженія ума, ни колебаній совѣсти, не нужно даже детальнаго изученія обстоятельствъ дѣла. Достаточно одной только самоувѣренной смѣлости.

„И въ положеніи защитника сенсационно-кроваваго и вмѣстѣ любовнаго дѣла, гдѣ фигурируетъ «покинутая», пожалуй «обольщенная», пожалуй «несчастливая», во всякомъ случаѣ «такъ много любившая и такъ много страдавшая» женщина — готовый шаблонъ, ходячее положеніе съ нѣкоторымъ расчетомъ на успѣхъ могли-бы быть выдвинуты передъ вами. Защитительная рѣчь могла бы явиться живописною иллюстраціей, вариацией на давно знакомую тему: ей отпустится многое за то, что она много любила! Самый трескъ двухъ эффектно и безстрашно повторившихся отъ нажатія женской руки выстрѣловъ могъ-бы пожалуй въ глазахъ защиты кристаллизировать весь химическій процессъ любовно-трагическаго событія чуть-ли не въ кристаллъ чистѣйшей воды. Можно было-бы при этомъ сослаться

кстати въ смыслѣ сочувственнаго подтвержденія развиваемой теоріи на трепетныя женскія руки, тянувшіяся къ больничной койкѣ Палемъ, чтобы съ благодарностью «пожать руку убійцы». Вмѣстѣ съ защитою преступницы это было-бы попутно и апологіей преступления. Свидѣтельствуя о значительной адвокатской близорукости, подобная попытка навязать вамъ такое предвзятое положеніе несомнѣнно должна была-бы вами быть отвергнута съ неподдѣльнымъ негодованіемъ.

„Но рядомъ съ этимъ и всякая иная попытка провести вашимъ приговоромъ лишенный жизненный правды парадоксъ или сухой, мертвенный шаблонъ, откуда бы такая попытка ни исходила, должна встрѣтить съ вашей стороны столь же рѣшительное противодѣйствіе. Такой шаблонъ, совершенно равноцѣнный первому, только что намѣченному мною, здѣсь и пытались проводить. Не справляясь съ фактами, мало того, совершенно игнорируя ихъ, пытались, во что-бы то ни стало, идеализировать покойнаго Довнара, чтобы отстоять положеніе, что онъ явился жертвою, систематически затравленной Палемъ. И все это строилось исключительно на какомъ-то отвлеченномъ академическомъ положеніи, что онъ былъ еще въ возрастѣ «учащагося», она же по метрическому свидѣтельству двумя годами старѣе его. Когда сталкивались съ фактами весьма некрасивыми, не подлежащими фактическому опроверженію, ихъ старались обойти или устранить столь же академичными, лишенными всякой жизненной правды положеніями. Выяснилось цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, что покойный, скромный и приличный на людяхъ, не стѣснялся въ присутствіи безхитростной прислуги проявлять довольно жесткія черты своего характера. Иногда онъ избивалъ Палемъ до крови, до синяковъ, пуская при этомъ въ ходъ швабру, однажды изломалъ на ней пошны своей старой шашки студента медика. Это отвергается и какими-же соображеніями? Довнаръ былъ

будто-бы для этого физически слишком слабъ, какъ о томъ свидѣтельствуя два его друга-товарища: Пановъ и Матеранскій. Пришлось прибѣгнуть къ заключенію врача-эксперта, производившаго осмотръ его трупа, для того чтобы оградить показанія четырехъ свидѣльницъ, бывшихъ въ услуженіи у Довнаръ и Палемъ (Садовской, Тютиной, Шварковой и Гусевой), отъ подозрѣнія въ лже-свидѣтельствѣ. Хотя, спрашивается, во имя чего и въ чьихъ интересахъ стали-бы эти простыя, религіозныя женщины сочинять небылицы и такъ грубо нарушать святость присяги? Экспертъ удостовѣрилъ намъ (то-же самое подтверждаетъ и медицинскій актъ осмотра трупа), что покойный Довнаръ, будучи умѣреннаго тѣлосложенія, тѣмъ не менѣе былъ правильно развитъ, обладалъ нормальной физической силой, и говорить о его безсиліи маневрировать шваброй или разбить въ куски старыя ножны грошовой шашки — наивно и смѣшно. Та же прислуга удостовѣрила намъ, что еще въ 1892 году, въ разгаръ совершенно мирнаго сожителства на одной квартирѣ г.г. Довнара и Палемъ, Довнаръ послѣ какого то кутежа и ночи, проведенной внѣ дома, вскорѣ заболѣлъ таинственною болѣзнію. Онъ скрывалъ ее отъ Палемъ до тѣхъ поръ, пока не заболѣла наконецъ и она. Тогда они оба стали лѣчиться. Этому не хотѣли вѣрить. Искали косвеннаго опроверженія этого обстоятельства въ письмѣ, представленномъ г. Матеранскимъ, хотя казалось бы это письмо только подтверждало правильность показанія прислуги. И что-же оказалось? Вскрытіемъ трупа покойнаго установленъ не только слѣдъ бывшей приблизительно два года назадъ болѣзни, о которой говорила намъ здѣсь стиравшая у нихъ бѣлье свидѣтельница Тютина, но установлено также существованіе новой болѣзни, неизлѣченной окончательно къ моменту его послѣдняго, какъ вы знаете, — все еще «любовнаго» свиданія съ г-жею Палемъ. Относительно «ученическаго» возраста Довнара также суще-

ствуется значительная идеализация. Фактъ тотъ, что онъ погибъ на 26-мъ году своей жизни. Съ г-жею Палемъ его романъ продолжался около четырехъ лѣтъ, стало быть и возникъ онъ, и продолжался, и такъ печально кончился во всякомъ случаѣ уже въ періодъ полного его гражданского совершеннолѣтія. Но что такое возрастъ самъ по себѣ? Бываютъ дѣти до сѣдыхъ волосъ, неисправимые и благородные идеалисты, которые не хотятъ знать прозы жизни и ея не знаютъ, несмотря ни на какой житейскій опытъ. Таковъ ли былъ покойный Довнаръ? Постигаю всю отвѣтственную щекотливость характеристики нравственной фizioноміи покойнаго, которую мнѣ предстоитъ сдѣлать. Мать убитаго, Александра Михайловна Шмидтъ, въ лицѣ своего повѣреннаго, разрѣшила здѣсь «нападать» на умершаго въ виду того, что въ лицѣ именно этого повѣреннаго, она предусмотрѣла возможность и необходимость отраженія всякаго неправильнаго нападенія. Это выраженіе было-бы неумѣстно въ моихъ устахъ, я не призванъ дѣлать на кого-либо «нападенія», я только защищаю подсудимую. И чтобы отрѣзать самому себѣ разъ и навсегда пути къ произвольнымъ и пристрастнымъ выводамъ, я не буду пользоваться для характеристики покойнаго Довнара инымъ матеріаломъ, кромѣ собственныхъ его писемъ и притомъ представленныхъ къ слѣдствію его-же матерью, къ которой всѣ они писаны. Такихъ писемъ 16. Въ трехлѣтней перепискѣ ихъ должно было накопиться гораздо больше, но мнѣ именно и важно то, что сортировка этихъ писемъ сдѣлана самою г-жею Шмидтъ, что они находятся въ нашемъ распоряженіи не только вслѣдствіи ея собственнаго желанія, по ея санкціи, но даже и по ея собственному выбору. Это ограждаетъ насъ отъ всякихъ нареканій въ пользованіи ненадежнымъ или сколько-нибудь сомнительнымъ матеріаломъ. Какою же личностью обрисовывается передъ нами покойный Александръ Довнаръ въ этихъ собственно-ручныхъ его задушевныхъ посланіяхъ

къ матери въ томъ 22 и 25 лѣтнемъ «ученическомъ» возрастѣ, который протекаетъ для него въ Петербургѣ? Всѣ мы были молоды и многіе изъ насъ помнятъ и любить свою молодость за ту горячую волну свѣтлыхъ сновъ и золотыхъ надеждъ, которымъ никогда не суждено было сбыться. Довнара, съ первыхъ шаговъ его въ Петербургѣ, мы застаемъ чуждымъ какихъ бы то ни было, не говорю уже несбыточныхъ мечтаній, но просто молодыхъ и радужныхъ надеждъ. Онъ весь *terre à terre*. Желанія его предусмотрительны, средства практичны, приемы осторожны и цѣлесообразны. Ему не нравится возиться надъ трупами покойниковъ, но это физическое отвращеніе онъ готовъ преодолѣть. Онъ домогается перейти изъ медицинской академіи въ институтъ инженеровъ путей сообщенія по соображеніямъ инаго, чисто карьернаго свойства, которыя онъ съ пунктуальною и явственною настойчивостью излагаетъ въ письмахъ къ матери. Карьера практикующаго врача, бѣгающаго собирать по визитамъ рубли и полтинники, его положительно отталкиваетъ. Онъ излагаетъ съ большою эрудиціею свой взглядъ на этотъ чисто-жизненный и практическій вопросъ. Общественное положеніе инженера путей сообщенія, хотя-бы и средней руки, рисуется ему обставленнымъ гораздо большими матеріальными удобствами и приманками. Карьера «зауряднаго врача», и съ точки зрѣнія матеріальной, и въ смыслѣ «положенія его въ обществѣ», оцѣнивается имъ въ параллели съ карьерою столь-же «зауряднаго инженера» по истинѣ съ изумительною для его «ученическаго возраста» виртуозностью. Но этого мало—какое познаніе людей съ ихъ большими и малыми слабостями обнаруживаетъ онъ тотчасъ же, какъ только эти люди могутъ оказаться ему пригодными для какихъ либо практическихъ цѣлей. Онъ отлично понимаетъ и учитъ даже свою мать, какъ именно слѣдуетъ понимать различіе между «благовидной» и «неблаговидной» взяткой и какихъ результатовъ можно достигнуть и тою

и другой. Онъ готовъ проскучать нѣсколько вечеровъ, составляя партію въ винтъ для важной старушки, очень напыщенной родственницы, но которая можетъ за такую скромную услугу замолвить, гдѣ нужно при случаѣ, слово. Онъ любитъ и цѣнить только «прикладныя науки», относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, для чего онѣ пригодятся въ жизни,—поэтому отъ курса, проходямаго въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, онъ въ совершенномъ восторгѣ. Вспоминая объ «университетской наукѣ» (ранѣе медицинской академіи онъ два года былъ еще въ Одессѣ на математическомъ факультетѣ), онъ говоритъ о ней едва не съ раздраженіемъ. Тамъ слишкомъ много «чистой» науки, отвлеченнаго и теоретичнаго, слишкомъ много «лишняго», того, что Богъ вѣсть когда и для чего «въ жизни» пригодится. Математическія познанія, о чемъ онъ самъ съ жестокой ироніей шутитъ въ письмахъ къ матери, пригодились ему впрочемъ опять таки для практической и весьма опредѣленной цѣли. Съ педантичною и пунктуальною точностью онъ провѣряетъ денежный отчетъ, представленный за время управленія его собственною матерью принадлежащимъ ему, «наслѣдственнымъ капиталомъ» въ размѣрѣ 15,000 р. и какъ дважды два четыре, путемъ довольно сложнаго впрочемъ «учета процентовъ» и «провѣрки по биржевымъ бюллетенямъ потерь на курсѣ» бумагъ—доказываетъ ей, что «его капитала должно было бы на 500 р. оказаться больше. Г-жа Шмидтъ тотчасъ-же поспѣшила съ нимъ въ этомъ согласиться, немедленно дославъ эти 500 р. Въмѣстѣ съ тѣмъ она вынуждена была признать, что и на «отвлеченномъ» математическомъ факультетѣ сынъ ея приобрѣлъ нѣкоторыя практическія свѣдѣнія и что 2 ученическихъ года такимъ образомъ не вовсе протекли для него напрасно. Чтобы покончить съ этой какъ-бы прирожденной или крайней мѣрѣ всосанной съ молокомъ матери «практической складкой», присущей современному намъ молодому

человѣку въ лицѣ Александра Довнара, вспомнимъ еще о закладной, подъ которую онъ такъ удачно, вслѣдъ за расхожденіемъ съ г-жею Палемъ, при посредствѣ той-же г-жи Шмидтъ, своей матери, пристроилъ остаточный свой капиталъ въ суммѣ 9,500 р. Въ трехъ слѣдовавшихъ въ погону одно за другимъ письмахъ, онъ наставительно и въ тоже время въ высшей степени практично — выдержанно обставляетъ дѣло, научая мать, какъ именно можно поприжать нуждающагося въ депьгахъ южанина помѣщика съ тѣмъ, чтобы отдать ему деньги подъ вторую закладную не по $8\frac{1}{2}\%$ годовыхъ, предлагаемыхъ помѣщикомъ, а по 10% . При этомъ онъ знаетъ и то, кому можно «довѣриться» въ осмотрѣ предлагаемаго въ залогъ имѣнія, и какъ нужно „обождать“, пока нуждающійся „перехватить“ эту сумму не повыситъ предлагаемаго процента до 10 годовыхъ. Финансовые его расчеты и указанія осуществились блистательно. Уроки и наставленія, преподанные матери, не прошли даромъ. Черезъ какой-нибудь мѣсяць г-жа Шмидтъ, жалуясь на то, что она совсѣмъ „замучилась“ съ этимъ торгомъ по закладной, тѣмъ не менѣе торжественно объявляетъ сыну, что финансовая смѣта на предстоящій годъ блистательно осуществляется, согласно его предначертаніямъ. Онъ будетъ получать 950 р. въ годъ процентовъ на свой капиталъ. Имѣніе оказалось цѣннымъ, вполне обезпечивающимъ вторую закладную, и прижатый къ стѣнѣ минувшимъ неурожаемъ помѣщикъ согласился дать десять годовыхъ.

„Всѣ приведенныя мною выдержки изъ писемъ Александра Довнара устраняють, мнѣ кажется, всякую возможность излишней идеализаціи „ученическаго возраста“ покойнаго. Было-бы вполнѣ близоруко на этомъ предвзятомъ положеніи строить всѣ выводы объ отношеніяхъ его къ г-жѣ Палемъ. Говорить объ „обольщеніи г-жею Палемъ покойнаго Довнара, объ эксплуатаціи его житейской неопытности“ также неумѣстно, какъ неумѣстно идеализировать

самою же Палемъ и допускать, что она могла явиться „жертвою оболъщенія“ со стороны Довнара. Дѣло очевидно происходило совершенно иначе. И вся задача ваша въ томъ и состоитъ, чтобы понять, какъ „это“ въ дѣйствительности происходило. Убитый былъ конечно очень молодого возраста. Но по указаннымъ мною соображеніямъ этотъ возрастъ не имѣетъ въ дѣлѣ рѣшительнаго значенія. Александръ Довнаръ обладалъ во всякомъ случаѣ и достаточнымъ знаніемъ людей и достаточнымъ знаніемъ жизни. Трезвость и практичность взглядовъ, присущихъ ему именно для столь молодого „ученическаго“ возраста, представляются просто изумительными. Если онъ, въ виду своихъ 22—26 лѣтъ по праву можетъ быть именуемъ человѣкомъ молодымъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это былъ во всякомъ случаѣ „молодой изъ раннихъ“. Итакъ этотъ второй возможный для разрѣшенія настоящаго дѣла шаблонъ оказывается также непригоднымъ. Не въ разницѣ возраста двухъ любовниковъ приходится намъ искать разгадку всей этой сложной драмы.

„Согласно предначертанному мною плану рѣчи, въ этой первой ея части мнѣ хотѣлось-бы разъ и навсегда покончить передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, со всѣми подобными, насильственно выдвигаемыми на нашемъ пути помѣхами и положеніями. Напрасно васъ хотятъ задержать ими и забарикадировать дорогу. Съ ними надо раздѣлаться, чтобы затѣмъ уже свободно вступить въ область чистыхъ фактовъ, доказанныхъ положеній и строго-логическихъ выводовъ. Только перешагнувъ черезъ нихъ, начнется ваша настоящая судейская работа. Имѣете-ли вы дѣло въ лицѣ подсудимой (да простится мнѣ это новое повтореніе ни на чемъ неоснованнаго, оскорбительнаго для чести несчастной женщины предположенія!)—съ женщиною продажной, съ женщиною публичной? Недоговоренный, но тѣмъ еще болѣе тягостный для ея чести намекъ, занесенъ и на страницы обвинительнаго акта. Шла рѣчь

о фотографической карточкѣ г-жи Палемъ, которую покойный Довнаръ совместно съ другомъ дѣтства своимъ, г. Матеранскимъ, разыскалъ въ одномъ изъ одесскихъ притоновъ. По письмамъ мы знаемъ, что эти розыски производились уже въ то время, когда „борьба“ между г-жею Палемъ и г. Довнаромъ началась, и когда этотъ послѣдній, согласно совѣтамъ и указаніямъ своей матери, г-жи Шмидтъ, весьма настойчиво отыскивалъ по возможности „полнаго“ доказательства, могущаго окончательно скомпрометтировать безпокойную его любовницу въ глазахъ институтскаго начальства и с.-петербургскаго градоначальника, передъ которымъ въ то время уже велось ходатайство «о выселеніи» г-жи Палемъ.

Прочтенный передъ вами обвинительный актъ утверждалъ со словъ гг. Довнара и Матеранскаго, что будто-бы осталось невыясненнымъ, по какому именно случаю и какимъ путемъ эта карточка очутилась въ неприглядномъ притонѣ падшихъ созданій. Зародилось естественное подозрѣніе: не имѣлъ-ли самый оригиналъ непосредственной связи съ названнымъ постыднымъ убѣжищемъ. Что-же оказалось на дѣлѣ? Еще на предварительномъ слѣдствіи весь этотъ эпизодъ былъ въ сущности выясненъ сполна. Одесскій фотографъ Горѣлинъ и хозяйка убѣжища г. Эдельгеймъ, раскрыли всѣ обстоятельства, касающіяся злополучной фотографіи г-жи Палемъ. И что-же? Эти свидѣтели вызваны на судъ только по ходатайству защиты. Безъ этой предосторожности указаніе обвинительнаго акта оставляло-бы широкое поле догадкамъ. Свидѣтель Горѣлинъ выяснилъ, къ какому именно времени относится его работа и вмѣстѣ удостовѣрилъ, что фотографія снята имъ «съ порядочной женщины», съ лично ему извѣстной г-жи Палемъ. Свидѣтельница Эдельгеймъ удостовѣрила, что эта карточка была подарена какимъ-то «мужиною» одной изъ ея дѣвицъ, Ермолиной, большой любительницѣ красивыхъ женскихъ лицъ и фотографій.

„Если вспомнить при этомъ «розыски» г. Матеранскаго по притонамъ съ цѣлью выручить изъ бѣды своего «попавшагося въ ловушку» товарища, то находеніе именно имъ подобной фотографіи въ помянутомъ притонѣ можно повернуть оружіемъ противъ кого угодно, только не противъ самой г-жи Палемъ. Нужно-ли упоминать еще о всевозможныхъ справкахъ полиціи одесскаго градоначальства, касавшихся этого предмета. Отзывъ получился кажется достаточно полный и достаточно безусловно-благопріятный для г-жи Палемъ. Припомните еще показаніе бывшаго здѣсь свидѣтелемъ одесскаго полицейскаго пристава, г. Чабанова, и картина получится законченная. Онъ положительно отвергаетъ всякую догадку, всякое предположеніе о подобной «карьерѣ» г-жи Палемъ. За что-же, спрашивается, комокъ грязи такъ беспощадно публично брошенъ въ лицо молодой женщины? Характеризуя прошлое подсудимой, г. товарищъ прокурора нашелъ возможнымъ выразиться, что оно такъ неприглядно и такъ позорно, что онъ спѣшитъ закрыть его «дымкою» изъ опасенія оскорбить чье-либо нравственное чувство. Напрасныя искусственныя предосторожности. Эта «дымка» можетъ развѣ имѣть значеніе того куска флера, которымъ обыкновенно пользуются для изумительныхъ «чудесъ» черной магіи. Тамъ нерѣдко увѣряютъ тоже, что именно подъ этимъ чернымъ флеромъ скрыто если не все, то во всякомъ случаѣ нѣчто удивительное. Смѣло *открывайте* это таинственное покрывало — подъ нимъ не окажется ровно ничего. Съ этимъ вопросомъ разъ и на всегда надо покончить и возстановить безцеремонно и безжалостно поруганную честь женщины. Г-жа Палемъ никогда не торговала своими ласками, никогда не была продажною женщиною и вполнѣ понятенъ тотъ протестующій, нервный вопль ея, который раздался со скамьи подсудимыхъ, когда чтеніе обвинительнаго акта впервые коснулось передъ вами этого столь большого и вмѣстѣ столь позорнаго для чести женщины мѣста. Въ

качествѣ подсудимой по настоящему дѣлу она должна была незаслуженно вынести и это тяжелое оскорбленіе.

„Идемъ далѣе. Если не «продажная», не «публичная», что памъ повидимому теперь готовы уступить, то во всякомъ случаѣ «доступная», «ходившая по рукамъ», и если припомнить характеристику, сдѣланную двумя свидѣтелями, гг. Матеранскимъ и Милицеромъ, — просто-на-просто фривольная и «безнравственная» женщина. Такъ-ли? Оправдается-ли такая характеристика, если мы прослѣдимъ отношенія Палемъ къ мужчинамъ, начиная съ перваго, г. Кандинскаго, которому она досталась молодою, семнадцатилѣтнею дѣвушкой.

Свѣдѣнія о ея «доступности» распространились изъ того-же источника, откуда направлялись и предыдущія, и опять таки во имя спасенія «молодого человѣка» отъ происковъ домогавшейся женитьбы «интриганки». Кличъ былъ кликнуть г-жою Шмидтъ, матерью молодаго человѣка, къ родственникамъ и товарищамъ его. Таковы гг. Шелейко, Матеранскій, Милицеръ, Пановъ. Съ тѣхъ поръ и пошла молва о безнравственности г-жи Палемъ. Непрерывъ г-жѣ Шмидтъ спѣшили доставить тѣ или другія свѣдѣнія. Онѣ-же послужили матеріаломъ и для характеристики г-жи Палемъ и въ настоящемъ дѣлѣ. Всмотримся въ нихъ ближе. За время сожителства ея съ Кандинскимъ, какъ удостовѣряетъ это самъ г. Кандинскій и его ближайшій пріятель полковникъ Калеминъ, поведеніе г-жи Палемъ съ этой стороны было безукоризненно. Несмотря на двусмысленное свое положеніе, въ качествѣ живущей на отдѣльной квартирѣ одинокой особы, посѣщаемой уже не молодымъ человѣкомъ, она ведетъ образъ жизни скромный, замкнутый, не заставляющій о себѣ говорить. По слѣдующимъ отношеніямъ г. Кандинскаго къ Палемъ, по тону его показанія, по свидѣтельству наконецъ его друга Калемина, мы въ правѣ заключить, что г-жа Палемъ, разставшись два года спутя съ Кандинскимъ,

оставила по себѣ наилучшія воспоминанія. Гг. Кандинскій и Калеминъ и до сихъ поръ относятся къ подсудимой не только съ расположеніемъ и пріязнью, но и съ безусловнымъ уваженіемъ. За время сожителства съ Кандинскимъ, несмотря на крайнюю молодость г-жи Палемъ, на нее не легло и тѣни подозрѣнія ни въ развращенности, ни въ фривольности ея поведенія. Затѣмъ, начиная съ лѣта 1889 г., она остается свободною, еще болѣе одинокою, нѣсколько обезпеченною матеріально, молодою, красивою женщиною, обращающею на себя вниманіе, вызывающею со всѣхъ сторонъ ухаживанія, собирающею вокругъ себя цѣлую толпу молодежи. Она начинаетъ вращаться въ обществѣ молодыхъ студентовъ, офицеровъ, юнкеровъ, гимназистовъ. Они устраиваютъ для нея кавалькады, сопровождаютъ ее верхами на загородныя прогулки, вводятъ ее на студенческія вечеринки, на танцевальныя вечера; въ обществѣ ея шумно, весело и главное молодо и непринуждено. Еслибы г-жѣ Палемъ были присущи тѣ развращенныя наклонности, на которыя указывало обвиненіе, конечно, картина ея «паденія» получилась-бы довольно мрачная, такъ какъ никакихъ виѣшнихъ сдерживающихъ препятствій не существовало. Наперерывъ преслѣдуемая ухаживаніями, брошенная одна въ кругъ маловоспитанной молодежи, совершенно свободная, независимая, она, конечно, легко могла-бы „пойти по рукамъ“. И тѣмъ не менѣе, наперекоръ всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ виѣшнимъ условіямъ, по рукамъ она не пошла. Всѣ ея обличители, гг. Шелейко, Матеранскій, Милицеръ, отдѣлываются общими фразами, собственными своими умозаключеніями, ссылками на слухи, но фактовъ не приводятъ никакихъ. Одинъ лишь свидѣтель, студентъ Зарифи, подъ присягою намъ удостовѣрилъ здѣсь, что, послѣ того, какъ г-жа Палемъ разошлась съ Кандинскимъ, и ранѣе своего знакомства съ Александромъ Довнаромъ, она была съ нимъ, Зарифи, въ близкихъ отношеніяхъ, что связь

длилась нѣсколько мѣсяцевъ. Открытіе это, со словъ того-же Зарифи, было сдѣлано имъ близкимъ г. Довнара уже въ періодъ ихъ борьбы съ г-жою Палемъ. Г-жа Палемъ вовсе отрицаетъ эту связь. Опросомъ г. Зарифи между прочимъ выяснилось, что по дѣлу одной особы въ Одессѣ, искавшей содержанія на ребенка, онъ уже являлся какъ свидѣтель въ интересахъ защиты несправедливо обвинявшагося своего товарища въ оболъщеніи молодой дѣвушки. Показаніемъ г. Зарифа невинность дѣвушки была низведена со своего пьедестала. Товарищъ его выигралъ дѣло. Прямолинейное стремленіе къ истинѣ несомнѣнно присуще г. Зарифи. Спорить по существу противъ его показанія я не стану. Къ величайшему стыду и даже нѣкоторому позору г-жи Палемъ, оправдываемому развѣ только тогдашнею ея молодостью, я готовъ признать, что она, дѣйствительно, увлекшись физическими данными г. Зарифи, нѣкоторое время питала къ нему страсть нѣжную. Что-же дальше? Самъ г. Зарифи удостоверяетъ, что эта мимолетная, кратковременная связь, оставаясь исключительно «на почвѣ любовной», оставила въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія, не причинивъ ему ни нравственнаго, ни матеріальнаго ущерба. Во всякомъ случаѣ это было до знакомства г-жи Палемъ съ Довнаромъ, до знакомства-же этотъ мимолетный романъ умеръ своею естественною смертию. Довольно скоро съ обѣихъ сторонъ послѣдовало самое рѣшительное и быстрое охлажденіе. Послѣ того, кромѣ покойнаго Довнара, вы не назовете мнѣ болѣе ни одного мужчины, близкаго г-жѣ Палемъ. И г. товарищъ прокурора и г. повѣренный гражданской истицы должны были категорически признать, что, на протяженіи всѣхъ четырехъ лѣтъ сожителства съ Довнаромъ, г-жа Палемъ оставалась безусловно ему вѣрна. Какое-же употребленіе можно сдѣлать изъ «компрометирующихъ» г-жу Палемъ показаній гг. Шелейко, Матеранскаго и нѣкоторыхъ другихъ друзей покойнаго? Судите

сами. И г. Шелейко, и г. Матеранскій, характеризуя вольность обращенія г-жи Палемъ съ мужчинами, особенно настойчиво ссылаются на нѣкоего Леонида Лукьянова, съ которымъ она будто-бы ѣздила на три дня въ Аккерманъ, а лѣтомъ живя на дачѣ у родителей Лукьянова, позволяла себѣ, будто-бы, дебоши, скандалы и т. п. По счастью Леонидъ Лукьяновъ былъ допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи и его показаніе было здѣсь оглашено. Трудно себѣ представить доказательство, идущее болѣе вразрѣзъ съ намѣреніями тѣхъ, кто на него ссылается. Леонидъ Лукьяновъ, — теперь молодой офицеръ, тогда еще только юнкеръ; все его показаніе судебному слѣдователю дышетъ едва-ли не влюбленнымъ восторгомъ по адресу г-жи Палемъ. Видно, что и до сихъ поръ онъ не вспоминаетъ о ней безъ затаеннаго волненія. Свидѣтельствуя настойчиво объ исключительно платоническихъ своихъ ухаживаніяхъ за молодой женщиною, заявляя категорически, что она *никогда* ему не принадлежала, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаетъ о своихъ молодыхъ впечатлѣніяхъ съ какою-то чистою и задушевною радостью. Онъ сопровождалъ ее на прогулки, оказывалъ ей всевозможныя мелкія услуги, провожалъ ее въ Аккерманъ, съ нею ему бывало и «сладко и жутко» вмѣстѣ, «она могла увлечь на все», но всѣ эти увлеченія не вышли за предѣлы совершенно платоническаго и безкорыстнаго флирта, если хотите, даже «влюбленія». Обѣ стороны сохранили другъ о другѣ, во всякомъ случаѣ, только свѣтлыя и радужныя воспоминанія. И въ разлукѣ они остались друзьями. Вотъ каковъ отзывъ Леонида Лукьянова о Палемъ, того самого Леонида Лукьянова, на котораго такъ не уклюже, такъ не-кстати пытались дѣлать ссылки гг. Шелейко и Матеранскій. Рядомъ съ этимъ припомните показанія барона фонъ-Сталь, который также сознается, что въ свое время, считая г-жу Палемъ «доступною», пытался ухаживать за нею, ухаживалъ весьма настойчиво, но однако не добился

взаимности. И такъ, гдѣ же порочно развращенная Палемъ, прошлое которой должно быть стыдливо закрыто «дымкой»? Женщина, какъ всѣ женщины. Доступная для того, кѣмъ увлечена или кого полюбила, и гордая и неприступная для того, кто не сѣумѣлъ внушить ей чувство. На этомъ можетъ помириться любая, самая щепетильная, самая горделивая женская нравственность. Въ этихъ предѣловъ она являлась бы уже лицемѣремъ. Но имѣются еще указанія гг. Милицера и Матеранскаго о томъ, что въ обществѣ Довнара и въ присутствіи г-жи Палемъ они, свидѣтели, не воздерживались и отъ скромнаго анекдота, и отъ вольнаго слова, что сама она держала себя непринужденно, не стѣсняясь иногда ни позою, ни выраженіемъ. Не забудьте, гг. присяжные, что это студенты—среда интеллигентная. Я спрашиваю васъ, на кого должна быть вся нравственная отвѣтственность за тонъ, за моральный уровень бесѣды, за разговоры, которые при этомъ велись, за характеръ самаго времяпрепровожденія? Неужели на Палемъ? Для нея было достаточно присутствія Довнара, ея сожителя, болѣе развитаго и интеллигентнаго, чтобы считать такое обращеніе въ средѣ его друзей за нормальный тонъ, за настоящую студенческую, товарищескую непринужденность и веселость. Г. Милицеръ идетъ, впрочемъ, нѣсколько далѣе. Если г-жа Палемъ рисуется намъ въ пересказѣ имъ одной сцены и не исполнѣ въ роли развуданной жены Пентефрія, то все-же онъ, Милицеръ, не отрицаетъ присутствія въ себѣ элементовъ добродѣтели Юсифа прекраснаго. Эту сцену впервые привелъ свидѣтель въ своемъ показаніи здѣсь на судѣ, позабывъ рассказать о ней судебному слѣдователю, хотя и былъ допрошенъ имъ дважды. Къ счастью, мы не читали только показанія этого свидѣтеля, мы слышали его и видѣли сами. Онъ даже и не скрываетъ того озлобленнаго раздраженія, которое питаетъ къ г-жѣ Палемъ. Такое раздраженіе вполне законно, я-бы сказала

болѣе, оно вполне заслужено. Мы знаемъ, что г-жа Палемъ, видя въ Милицерѣ помѣху своему счастью, дошла до Геркулесовыхъ столбовъ: она не остановилась передъ заявленіями по начальству о политической неблагонадежности этого студента. Вы можете понять, какія непріятности могли угрожать ни въ чемъ неповинному молодому человѣку. Хоть кого это взбѣситъ. Милицеръ по праву не можетъ говорить равнодушно о г-жѣ Палемъ. Жаль только, что раздраженіе отразилось и на его свидѣтельскомъ показаніи. Но если, рассказывая о сценѣ, бывшей съ глазу на глазъ, между нимъ и Палемъ, онъ какъ свидѣтель, со всѣмъ своимъ раздраженіемъ и неудовольствіемъ на подсудимую, почти безусловно внѣ нашего контроля, — за то, по счастью, для оцѣнки достовѣрности показанія этого свидѣтеля, въ той части его, гдѣ онъ ссылается на отзывъ князя Туманова о г-жѣ Палемъ, мы просто обременены доказательствами очевидной неправды его показанія. Давая свое первое показаніе здѣсь на судѣ, свидѣтель Милицеръ, беспощадно изобличая г-жу Палемъ, сослался, между прочимъ и на отзывъ о ней князя Туманова. Выходило, что этотъ отзывъ характеризуетъ полную ея распущенность и «доступность». Князь Тумановъ — также студентъ института путей сообщенія, также товарищ покойнаго Довнара, и его отзывъ могъ въ вашихъ глазахъ имѣть серьезное значеніе. Когда дня два спустя послѣ допроса г. Милицера, князь Тумановъ давалъ свои показанія, всѣ взоры невольно вопросительно обратились на г-на Милицера. Что за мистификація, что за загадка? Князь Тумановъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, съ полною и беззавѣтною искренностію, повѣдалъ намъ объ отношеніяхъ покойнаго Довнара къ г-жѣ Палемъ. Съ его точки зрѣнія, Довнаръ «невозможно» вель себя по отношенію къ этой женщинѣ. Все время выдавая ее за свою жену, онъ затѣмъ беспощадно и унижая ея человѣческое достоинство грубо разстался съ нею.

По мнѣнію князя Туманова, четыре года беззавѣтной любви и вѣрности со стороны женщины, не смотря ни на какое ея прошлое, давали ей право рассчитывать на замужество и, будь онъ, свидѣтель, въ положеніи покойнаго Довнара, онъ считалъ-бы своею нравственною обязанностию жениться на такой женщинѣ, какъ г-жа Палемъ. Показаніе свидѣтеля, данное имъ подъ присягою, слишкомъ расходилось съ тѣмъ отзывомъ, который ему-же влагалъ въ уста г. Милицеръ. Что-же обнаружилось на очной ставкѣ, данной обоимъ свидѣтелямъ? Г. Милицеръ поспѣшилъ отречься. «Тогда», т. е. въ то время, когда они оба бывали въ обществѣ Довнара и Палемъ, князь Тумановъ «дѣйствительно ничего подобнаго ему не говорилъ». Но дѣло было такъ: въ свидѣтельской комнатѣ, уже здѣсь, въ зданіи суда, онъ, Милицеръ, перечислялъ князю Туманову всѣ пороки г-жи Палемъ и ему «показалось», что князь Тумановъ съ нимъ вполне согласился во мнѣнii относительно г-жи Палемъ и даже выразился приблизительно такъ: «въ такомъ случаѣ жаль, что я за ней не поухаживалъ, если она такая!» Кн. Тумановъ и въ этой послѣдней редакціи приписываемую ему фразу безусловно отвергаетъ. Но оставимъ это. Вдумайтесь только въ собственное сознаніе г. Милицера, и вы поймете, какъ мало отвѣчаетъ поведенію достовѣрнаго и безпристрастнаго свидѣтеля на судѣ все поведеніе г. Милицера. Несмотря на строгое предостереженіе предсѣдателя не имѣть никакихъ разговоровъ по дѣлу съ другими свидѣтелями, г. Милицеръ систематическими ораторствуетъ во вредъ г. Палемъ въ свидѣтельской комнатѣ, съ очевиднымъ расчетомъ повліять на другихъ свидѣтелей. Потомъ онъ выдаетъ за достовѣрное то, о недостовѣрности чего онъ, за краткостью времени, даже не имѣлъ возможности забыть. Разговоръ свой съ кн. Тумановымъ онъ выдаетъ за отзывъ, слышанный (такъ выходило по первоначальному его показанію) два года назадъ. Счастье, что кн. Тумановъ на

лицо и что весь этотъ характерный эпизодъ могъ своевременно быть обнаруженъ. Думаю, что со свидѣтелемъ Милицеромъ намъ болѣе не придется считаться.

„Чтобы покончить съ вопросомъ о женской нравственности г-жи Палемъ, намъ остается еще сказать два слова о томъ, какъ самъ Довнаръ смотрѣлъ на свои отношенія къ ней, какъ къ женщинѣ. Здѣсь обнаруживались благородныя попытки уяснить себѣ путемъ вопроса нѣкоторыхъ свидѣтелей, какія именно фазы развитія пережила любовь Довнара къ Палемъ, къ какимъ моментамъ можно было-бы приурочить его увлеченіе, его охлажденіе и, наконецъ, разочарованіе, — словомъ, всѣ стадіи, которыя прошли его чувства къ ней. Къ этому любопытному изслѣдованію намъ еще придется вернуться. Пока напомнимъ только то авторитетное заключеніе ближайшихъ друзей Довнара, гг. Матеранскаго и Милицера, которое вы здѣсь слышали. Они, повидимому, очень удивлены самою постановкою подобнаго вопроса «о любви», объ увлеченіи и т. п. отвлеченностяхъ. Четыре года человекъ прожилъ съ женщиною бокъ-о-бокъ, его отношенія не были куплей-продажей, — казалось-бы, вопросъ естественный, самъ собою напрашивающійся на разрѣшеніе, но, по категорично выраженному мнѣнію этихъ молодыхъ людей, о чувствѣ, о любви тутъ не можетъ быть вовсе и рѣчи. Все дѣло, согласно ихъ воззрѣніямъ, сводилось къ тому, что покойный Довнаръ очень опасался болѣзни и избѣгалъ продажныхъ женщинъ, а съ г-жею Палемъ, которая къ тому же денегъ не требовала и физически ему правила, былъ вполне гарантированъ. По истинѣ ужасная, безпощадно-мрачная характеристика нравственного облика покойнаго. Я не вѣрю его друзьямъ. Не вѣрю, чтобы въ подобную схему укладывались дѣйствительно всѣ любовныя отношенія, современнаго молодаго человека. Вѣдь если всю фактически повѣренную исторію Довнара и Палемъ уложить въ эту, предлагаемую гг. Матеранскимъ и Милице-

ромъ, нравственную схему, получится по истинѣ нѣчто чудовищное: «боюсь болѣзни, ищу себѣ порядочную женщину, она мнѣ ничего не стоитъ, живу съ нею четыре года, снабжаю ее болѣзнью самъ и ухажу!» Гг. Матеранскій и Милицеръ... они просто не подумали, до чего договорились. Покойный былъ гораздо лучше, гораздо выше того, что предполагали о немъ его благородные друзья.

„Попутно слѣдуетъ еще остановиться на вопросѣ: по праву-ли г-жа Шмидтъ, въ своихъ прошеніяхъ и отзывахъ, третировала г-жу Палемъ въ качествѣ «шантажистки», «лгуньи» и, наконецъ, «авантюристки»? Все это до известной степени поддерживалось также на судѣ, все это также вошло въ характеристику г-жи Палемъ, предлагаемую вамъ г. обличителемъ «шантажистки!...» По точному значенію слова—терминъ, связанный съ понятіемъ о денежной эксплуатаціи, намекъ на что-то корыстное и грязное. Ну, въ этомъ отношеніи за насъ, слава Богу, все прошлое г. Палемъ и безстрастные, но краснорѣчивыя цифры, удостовѣренныя при тамъ актомъ бухгалтерской экспертизы. Въ прошломъ г-жи Палемъ былъ г. Кандинскій, человѣкъ весьма состоятельный, весьма дорожащій своею коммерческою и всякою иною репутаціей. Объектъ ужъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе Довнара пригодный для эксплуатаціи въ денежномъ отношеніи. Десятки тысячъ легко могли перейти въ карманъ г-жи Палемъ, если-бы она только этого настойчиво хотѣла. Что-же мы видимъ! Сочтя своею нравственною обязанностью помогать Палемъ въ денежномъ отношеніи, г. Кандинскій ограничивается весьма скромною субсидіей, которая со всѣми экстренными выдачами по случаю ея болѣзни и проч. достигаетъ цифры всего только 7000 рублей и то лишь въ послѣдніе годы. Это годы сожительства г. Палемъ съ Довнаромъ. Установить точно, сколько за тѣже годы прожилъ самъ Довнаръ, довольно трудно, такъ какъ мать его, г-жа Шмидтъ, утверждаетъ, что и она изъ

своихъ личныхъ средствъ помогала сыну. Допустимъ. Но помощь эта во всякомъ случаѣ не могла быть сколько-нибудь значительною. Лично г-жа Шмидтъ вовсе небогатая женщина: кромѣ Александра, у нея еще трое дѣтей. Стало быть, главнымъ образомъ, онъ жилъ на проценты съ своего личного капитала въ 15 тысячъ рублей, который въ то время еще не былъ удачно пристроенъ изъ 10% годовъ и заключался въ обыкновенныхъ процентныхъ бумагахъ, приносящихъ не болѣе 5%. Затѣмъ безспоренъ фактъ, что къ сентябрю 1893 года, т. е. къ моменту разрыва и начала военныхъ дѣйствій между Довнаромъ и Палемъ,—это удостовѣрено официальной справкой государственнаго банка,—капиталь г. Довнара еще равнялся 14 тысячамъ рублей. И такъ, за четыре года своего сожителства съ Палемъ, болшею частью на одной квартирѣ, этимъ расчетливымъ молодымъ человѣкомъ «изъ капитала» прожито «съ женщиной» не болѣе одной тысячи рублей. Причтите это къ полученнымъ имъ процентамъ, разбейте на четыре года и вы убѣдитесь, что этой цифры, при поѣздкахъ Довнара въ Одессу, въ Крымъ и т. п., едва достаточно для своего собственнаго существованія. Не желая размѣнивать бумагъ, онъ, какъ мы знаемъ, бралъ иногда деньги займы и у г. Кандинскаго. Онъ такъ и остался ему долженъ сотню, другую рублей. Для того, чтобы судить, насколько Палемъ самостоятельно обходилась «своими средствами» и насколько мелочные счета дѣлали скорѣе Довнара ея должникомъ, нежели устанавливали обратное, казалось-бы гораздо болѣе естественное положеніе вещей, достаточно вспомнить нѣкоторые эпизоды. Въ Курскѣ, очутившись безъ денегъ, Палемъ телеграфируетъ, по настоянію Довнара, Кандинскому и тотъ по телеграммѣ переводитъ Довнару 40 руб. Матеранскому (свидѣтелю по дѣлу) по протекціи той-же Палемъ, какъ пріятелю Довнара, г. Кандинскій ссужаетъ безвозвратно 50 руб. Уже послѣ того, какъ Довнаръ и

Палемъ, разойдясь на разныя квартиры, все еще от времени до времени продолжают сходитьсь на «любовныя» свиданія, г-жа Палемъ тратитъ свои деньги. За двѣ недѣли до убійства, чтобы съѣздить со своимъ «милымъ Сашей» на острова, она закладываетъ вещи на нѣсколько десятковъ рублей. Она передѣлываетъ ему пальто на свой счетъ, находя, что пуговицы и значки потускнѣли и все пальто надо заново освѣжить, такъ какъ совершенно неприлично въ немъ показаться на улицу. Наконецъ, характерная, хотя, быть можетъ, и мелочная подробность, указывающая во всякомъ случаѣ на то, что покойный Довнаръ не привыкъ справляться съ содержимымъ своего кошелька, когда бывалъ въ обществѣ Палемъ. Послѣ убійства оказалось, что въ гостиницѣ Европа, гдѣ они пробыли всю ночь и полдня, они ужинали и пили шампанское, правда дешевое. Весь счетъ былъ поданъ на 8 р. 50 к. Въ карманѣ убитаго оказалось всего только 3 р., въ кошелькѣ подсудимой отыскалось 9 р. 50 к. Нѣтъ, грязный денежный вопросъ лучше не поднимать въ этомъ дѣлѣ. Какъ-бы мы его ни перетряхивали, какъ-бы усердно ни выворачивали карманы обоихъ, ничего, служащаго къ обвиненію г. Палемъ, мы изъ нихъ не вытрехнемъ. Если даже однимъ изъ признаковъ искренности чувства къ любимому человѣку не признавать вовсе безкорыстія, все-же по отношенію къ Довнару Палемъ была безкорыстна. Хотите считать этотъ фактъ безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи, не имѣющимъ ровно никакого значенія для освѣщенія истинныхъ отношеній двухъ любовниковъ, — я согласенъ. Не говорите только, что Палемъ эксплуатировала денежные средства Довнара, не называйте ее больше «шантажисткой».

„Палемъ — лгунья. Вотъ, наконецъ, твердый и сильный выводъ обвиненія изъ данныхъ судебного слѣдствія, противъ котораго я безсиленъ возражать. Палемъ дѣйствительно лгунья, такъ какъ вѣрно, что она не всегда го-

ворить правду. Постараюсь выразиться, однако, точнѣе, возможно точнѣе. Это очень важно. Говоря правду, всю правду, какая она есть, Палемъ съ тѣмъ вмѣстѣ восполняетъ ее обыкновенно и ложью. По отзыву доктора Рукевича, она такъ нервна, такъ воспримчива и такъ легко возбудима, что на другой день вѣритъ тѣмъ подробностямъ, которыя сама сочинила только наканунѣ. Потомъ она уже твердитъ и повторяетъ это какъ настоящую правду. Для обыкновенныхъ лжецовъ нужна прежде всего память; Палемъ своей собственной лжи никакъ, если-бы даже того хотѣла, забыть не можетъ. Разъ осѣнила ее эта «ложь», она не отречется уже отъ нея ни за что, даже если-бы вели ее на плаху. Въ этой области она во всякомъ случаѣ феноменъ. Рядомъ съ такою проникновенною и убѣжденною ложью, въ нѣкоторыхъ пунктахъ таже Палемъ до странности, до абсурда вѣритъ въ правду. Она вовсе не понимаетъ шутки, не понимаетъ всей пусто-порожней условности нѣкоторыхъ серьезныхъ лишь по формѣ, а вовсе не по содержанию своему вещей. Пожалѣйте ее «условно», хоть-бы для видимости только, — она заплачетъ настоящими слезами, скажите ей «шутливо» неприятность, — она оскорбится до глубины души, расскажите ей самое невѣроятное приключеніе серьезнымъ тономъ — она повѣритъ ему безусловно.

„Она страстно, повидимому, хочетъ и ищетъ правды, но рядомъ съ этимъ лжетъ. Ей нужна та правда, какой она хочетъ. У нея есть предвзятые положенія, отъ которыхъ она не отступится ни за что. Съ большимъ напряженіемъ я вдумывался въ этотъ характеръ, въ этотъ безалаберный комокъ нервовъ, гдѣ сплетено столько здравыхъ и вмѣстѣ столько больныхъ комбинацій. Отъ этой работы я ощутилъ только утомленіе и раздраженіе. Нѣтъ никакой возможности отдѣлить всѣ симпатичныя, чистоженственныя черты ея характера отъ отрицательныхъ. Ее приходится принимать такою, какова она есть, счи-

таться со всѣми особенностями ея характера и, ранѣе чѣмъ выдать ей аттестатъ, имѣть ихъ всѣ въ виду.

„Каковъ-же, однако, общій тонъ, общее направленіе ея жи? Въ этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить извѣстной руководящей идеи. Эта руководящая идея до странности, до фотографической подражательности оказывается при-сущею въ корнѣ своемъ всей такъ называемой интеллигентной или «вышей», словомъ—«цивилизованной» средѣ современнаго общества. Всѣ мы страдаемъ нѣкоторою маніей величія, всѣ хотѣли-бы прослыть не тѣмъ, что есть только въ дѣйствительности. Надо при этомъ отмѣтить слѣдующую особенность какъ бы двойщейся индивидуальности г-жи Палемъ. Всѣ простые малообразованные люди, съ которыми ее сталкиваетъ судьба, достаточно не нахвалятся ея простотою, сердечностью, отзывчивостью. Четверо прислугъ, простыхъ женщинъ, не могли здѣсь безъ слезъ говорить о ней; имъ ея жалко, по ихъ мнѣнію это добрая, въ высокой мѣрѣ хорошая, простая, глубоко-несчастливая женщина. То-же повторяется съ прислугою Пале-Рояля, гдѣ г-жа Палемъ жила послѣдніе два мѣсяца. Когда узнали тамъ объ убійствѣ, всѣ плакали по ней, начиная отъ управляющаго, швейцара и кончая посыльнымъ, стоящимъ на ближайшемъ посту. Простыя арестантки Гордина и Мина Тамберъ не нахвалятся достаточно ея простотою, душевностью. По ихъ отзыву, сидя въ тюрьмѣ, она «всѣ глаза выплакала по убитомъ», терзаясь о немъ и о случившейся съ нею бѣдѣ. И вотъ та-же Палемъ, какъ только попадаетъ въ «цивилизованное» общество, въ кругъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, тотчасъ же становится не похожею на себя. Она тотчасъ-же начинаетъ производить впечатлѣніе «актрисы»; въ словахъ ея начинаетъ звучать фальшь, въ движеніяхъ—поза, въ выраженіяхъ чувствъ аффектація. Она тотчасъ-же на котурнахъ и въ маскѣ. Во всемъ ея поведеніи какъ-бы иллюстрируются, однажды сорвавшіяся

у нея на допросъ судебнымъ слѣдователемъ слова, приведенныя и въ обвинительномъ актѣ: «вы хотите поставить меня слишкомъ низко, а я ставлю себя слишкомъ высоко». Она вся на сторожѣ и впечатлѣніе дисгармоніи, аффектаціи, неестественности и лжи слѣдуетъ за нею? Очевидно она хотѣла-бы инаго. Искусство «казаться, а не быть» только потому и цѣнно и цѣлесообразно и преднамѣренно, что оно «искусство». Чтобы имѣть успѣхъ, оно должно казаться естественнымъ, прирожденнымъ. У нея этого не выходитъ. Поднявшись изъ нисшей среды въ среду цивилизованныхъ людей, она—не такъ-ли было-бы и съ дикаремъ?—конечно живѣе и воспріимчивѣе наблюдала и про себя отмѣтила все то, къ чему мы давнымъ давно присмотрѣлись, что составляетъ для насъ обычное, незамѣчаемое уже нами вовсе явленіе. «Казаться, а не быть»—вотъ своекорыстный лозунгъ общежительнаго притворства, который мы носимъ такъ легко, какъ будто онъ намъ прирожденъ. Для нея это новинка, открытіе, недостижимый—идеаль. Это надо «усвоить», сдѣлать своею «второю натурою». Въ этой средѣ, куда ее подняла общественная волна, безъ этого, рѣшила она, не проживешь. И вотъ то, что вокругъ нея всѣ носятъ такъ граціозно, элегантно и легко,—дается ей съ большимъ напряженіемъ, съ громадными усиліями, безъ всякаго чувства мѣры, съ явнымъ вредомъ для собственныхъ интересовъ и во всякомъ случаѣ безъ всякой пользы для себя. Если въ средніе вѣка всѣ рыцари легко и красиво носили свои кованые латы, щиты, мечи и тяжелое оружіе, того-же нельзя было сказать о лицахъ другихъ сословій. Какой-нибудь бюргеръ или виланъ былъ-бы смѣшонъ и неуклюжъ въ этихъ кованыхъ доспѣхахъ. Такъ и здѣсь. По содержанію своему ложь г-жи Палемъ самая обычная, ходячая, въ ней только немного присущаго всѣмъ стремленія хоть на вершокъ казаться выше своей собственной головы, по выраженію-же, по формѣ—она вычурна, хо-

дульна, экстравагантна и неестественна. По обвинительному акту ей значится напимѣрь 28 лѣтъ; г-жѣ Палемъ хотѣлось-бы имѣть только 25. Чтобы доказать это, она сплетаетъ цѣлую маловѣроятную исторію. По медицинскому акту осмотра ей однако столько и даютъ доктора (это не съ каждой женщиной въ подобныхъ замѣшательствахъ относительно исчисленія лѣтъ можетъ случиться). Она мѣщанка, низкаго происхожденія, ей самое большое, можетъ быть незаконно, пришлось заполучить чуточку дворянской крови въ свои жилы, и ей мерещится уже цѣлая татарско-княжеская эпопея, цѣлая легенда, хотя она еврейка и этого не отрицаетъ. Къ ней были милостивы кое-кто изъ высокопоставленныхъ лицъ, она обобщаетъ это до грандіозной, до феноменальной лжи, и пишетъ совершенно серьезно Кандинскому: «вся Петербургская знать на моей сторонѣ». Смѣшно, вычурно и не можетъ принести ей ничего кромѣ вреда. А между тѣмъ тоже самое въ видѣ тонкихъ намековъ, лукавыхъ и граціозныхъ недомолвокъ, не отънесенное, не подчеркнутое театрално, благодаря нѣкоторой фактической почвѣ въ основѣ ея разсказовъ, несомнѣнно могло-бы сдѣлать свое дѣло. Лгать легко, походя, непринужденно, весело, но вмѣстѣ съ тактомъ, съ глубоко затаеннымъ расчетомъ, съ чувствомъ мѣры—развѣ не черта «таланта» и «виртуоза» характернаго для нашего времени, развѣ это не современное намъ оружіе, которое бряцаетъ не такъ громко какъ средневѣковое, но за то въ иныхъ случаяхъ еще исправнѣе, еще надежнѣе служитъ и для самообороны и для измѣническаго нападенія. Но для этого надо родиться въ готовыхъ рамкахъ, въ готовой средѣ всевозможныхъ условностей, гдѣ ими насыщенъ самый воздухъ. Г-жа Палемъ очевидно не обладаетъ такою необходимою подготовкой. Ложь ея,—ложь тяжелая, громоздкая, мало цѣлесообразная и издали примѣтная. Она любитъ «удивительныя» исторіи, которыя въ большинствѣ случаевъ только

тѣшать ея собственное раздраженное воображеніе. Когда-же она вздумаетъ солгать, въ надеждѣ слухавить, ложь ея видна насквозь, какъ наивное лукавство дикаря. Какъ разобратся во всей этой путаницѣ противорѣчивыхъ наслоеній въ характерѣ г-жи Палемъ, — не знаю. Знаю только одно, и это пока очень важно. Ложь ея безвредна. Она не умѣетъ обманывать. Это большое счастье. Отдѣлить правду отъ лжи во всѣхъ оттѣнкахъ настоящаго дѣла, благодаря именно этой чертѣ ея характера, намъ не представится ни малѣйшаго труда.

„Наконецъ, еще одинъ послѣдній эпитетъ, эпитетъ въ устахъ обвиненія по адресу г-жи Палемъ — «авантюристка!» Конечно при этомъ имѣютъ въ виду стремленіе, очень настойчивое стремленіе г-жи Палемъ стать законною женою Довнара. Г. врачъ Рувовичъ выразился, что это стремленіе ея было «неосуществимое». Теперь судить легко, такъ какъ мы знаемъ, что оно дѣйствительно не осуществилось. Но съ другой стороны мы знаемъ, что два года Довнаръ многимъ выдавалъ ее за свою жену; мы знаемъ что переписываясь до 1893 г. съ нею, онъ ей иначе не адресовалъ писемъ какъ «Александрѣ Васильевнѣ Довнарѣ». Онъ разлакомилъ ее. Она съ мужествомъ и терпѣніемъ карабкалась по призовому столбу, на вершинѣ котораго было «честное имя жены любимаго человѣка». Безотносительно къ грустному финалу всей этой печальной трагедіи, скажите мнѣ, развѣ идея, запавшая ей въ голову, сама по себѣ такъ абсурдна, такъ чудовищна, такъ незаконна? За что-же клеймить Палемъ названіемъ авантюристки? Вѣдь четыре года вѣрной любви и безупречнаго сожителства — не «авантюра», не маскарадное приключеніе. Почему же-же Довнаръ былъ такъ недосыгаемъ? Мало-ли всѣми уважаемыхъ лицъ (не чета Довнару), женатыхъ на неравныхъ себѣ по общественному положенію. Своимъ честнымъ именемъ безъ ложнаго стыда и робости они дали и имя и положеніе въ обществѣ такимъ женщинамъ,

которыя, не случись этого, также назывались бы «авантюристками». Стремленіе Палемъ стать женою того, кого она любила, съ кѣмъ прожила «вѣрою и правдою» четырехлѣтнее сожителство, само по себѣ законно, понятно, естественно. Было-бы, наоборотъ, дико и странно, если-бы честная женщина объ этомъ не мечтала, если-бы она къ этому страстно не стремилась. Все, что хотите, только не «авантюристка», только не обвиненіе ее въ жаждѣ новыхъ впечатлѣній и какихъ-то экстравагантныхъ, невѣроятныхъ и «невозможныхъ» приключеній. Она хотѣла для каждой женщины самаго близкаго, простаго и естественнаго. Она хотѣла любви любимаго человѣка и права не стыдиться своей собственной любви къ нему. Она хотѣла всею честно смотрѣть въ глаза.

„Только объ этомъ одномъ мечтала она и, какъ я постараюсь вамъ это доказать, вправѣ была такъ мечтать. Теперь, если и самое событіе, печальное событіе 17 мая, ставится ей на счетъ, какъ новое приключеніе «авантюристки», то будемъ-же справедливы. Рана, нанесенная ею самой себѣ, была дѣйствительно кровавая, неподдѣльная, дѣйствительно грозившая ей вѣрною смертью. Спаслась она только чудомъ. Г. товарищъ прокурора, характеризуя грѣховную преступность самоубійцъ, громить ихъ эгоизмъ, говоря, что они думаютъ только о себѣ, нисколько не заботясь объ окружающихъ. Они забываютъ даже о тѣхъ, кому сами дороги, кому близки, кому приходится оплакивать ихъ преступную безвременную кончину. Не тутъ-ли мы подходимъ къ настоящей чертѣ «авантюризма», дѣйствительно присущей несчастной Палемъ. Она смѣло могла стрѣлять въ себя и застрѣлиться вовсе не думая о томъ, что поступаетъ эгоистично. Вокругъ нея не было близкихъ, ее некому было пожалѣть. Одна—какъ вѣтеръ въ полѣ.

„Гг. присяжные засѣдатели, весь полемическій элементъ моей рѣчи исчерпанъ. Вы должны мнѣ простить нѣко-

тору ю настойчивость и нѣкоторую горячность, съ которыми я отстаивалъ инныя боевыя позиціи, неправильно, по моему мнѣнію, занятыя нападающими. Я не вышелъ изъ предѣловъ необходимой обороны. Теперь, когда всѣ основныя, принципіальныя счеты сведены съ противниками, я охотно бросаю всякое оружіе. Мнѣ предстоитъ другая, болѣе мирная, но, можетъ быть, еще болѣе тяжелая задача. За мною сидитъ Палемъ, на мнѣ лежитъ отвѣтственность за ея судьбу. О Палемъ и о ея судьбѣ я долженъ повѣсти вамъ рѣчь... Будьте терпѣливы, господа, и будьте снисходительны. Время вашему приговору наступитъ своимъ чередомъ, теперь пока—время защиты.

Въ Симферополѣ отъ еврейскихъ родителей родилась дѣвочка, по имени Меня, по отчеству Мордковна, по фамили Палемъ. Если вѣрить точности раввинской справки о рожденіи еврейскаго ребенка, это было въ концѣ 1865 года. Отецъ ея, Палемъ, былъ въ то время зажиточный человѣкъ. Торговля его шла бойко и, несмотря на то, что семья его была довольно значительная, онъ имѣлъ возможность дать ей вполне приличную обстановку, окруживъ ее всѣми условіями матеріальнаго довольства. Меня, обожаемая матерью, росла живымъ, бойкимъ, привѣтливымъ и ласковымъ ребенкомъ. Въ семьѣ ее любили и только всегда опасались за ея здоровье. Она не была похожа на другихъ дѣтей. То задумчивая и грустная, то безумно шаловливая и веселая, она нерѣдко раздражалась истерическими припадками и даже впадала въ обморочныя состоянія. Заботливо перешептываясь между собою, родители рѣшали, что ея «не надо было раздражать». Они давали ей свободу. Безъ всякихъ учителей дѣвочка умудрилась какъ-то научиться читать и писать порусски, хотя всѣ остальные дѣти въ семьѣ учились исключительно только поеврейски. Годамъ къ 13-ти стройную и граціозную, одѣтую прилично, «какъ барышня», Меню Палемъ часто можно было видѣть на бульварѣ и въ городскомъ

саду въ обществѣ подростковъ-гимназистокъ. Сначала игры, потомъ бесѣды и, наконецъ, самая тѣсная дружба съ многими дѣвочками мѣстной интеллигентной среды. Надо знать югъ съ его живою, общительною жизнью на «вольномъ воздухѣ» подъ яркими лучами всѣхъ равно согревающаго солнца, чтобы повѣрить Палемъ, что тамъ въ средѣ русской учащейся молодежи она, со своею живостью и экспансивною отзывчивостью, и не встрѣчала ни косыхъ взглядовъ, ни пренебрежительныхъ оттѣнковъ въ обращеніи. Вырываясь изъ замкнутыхъ условій существованія довольно закоруждой и ветхозавѣтной еврейской семьи, она чувствовала себя на волѣ, дышала полною грудью. Такъ продолжалось года три. Изъ нея сформировалась красивая, по своему умная и милая дѣвушка. Кое-чему она подучилась, однако, немногому; за то она съ упоеніемъ зачитывалась всякимъ романическимъ бредомъ, который ей безъ разбора подсовывали разные, столь-же юные, какъ и она сама, просвѣтителі ея и просвѣтительницы.

На 15-мъ году жизни, согласно ея показанію, ей зашла мысль принять православіе. Образъ распятаго «за всѣхъ» Христа и торжественная обстановка православнаго богослуженія—тронули ея сердце, смутили ея воображеніе. Таясь отъ родителей, она задумала «перемѣнить вѣру». Съ точки зрѣнія ветхозавѣтной еврейской семьи это было страшнымъ грѣхомъ, за который не прощаетъ Адонаи, богъ мститель до седьмого колѣна. И теперь, въ своемъ показаніи, данномъ судебному слѣдователю въ Симферополѣ, старикъ Моркда Палемъ съ сокрушеніемъ добавляетъ: «и, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ счастье меня покинуло. Я раззорился и впалъ въ нищету со всею своею семьей». Теперь вы можете себѣ вообразить, хотя бы приблизительно, какой душевной борьбы, какихъ напряженныхъ усилій воли стоило 16-лѣтней дѣвучкѣ, таясь отъ всѣхъ, добиться осуществленія своего завѣтнаго желанія. Случается нерѣдко, что молодая еврейка, влюбив-

шись въ православныхъ, бѣгутъ съ ними и тогда дѣло «перемѣны вѣры» совершается легко и быстро, въ чадѣ любовныхъ волненій, но исключительно подъ вліяніемъ неотступной необходимости вступленія въ бракъ. Ничего подобнаго не было здѣсь. Мы не знаемъ никого, кто-бы въ этомъ направленіи просвѣщаль 16-лѣтнюю Меню. Актъ принятія православія былъ актомъ личной ея душевной жизни, онъ потребовалъ отъ нея подъема всѣхъ лучшихъ ея нравственныхъ силъ и онъ-же привелъ ее и поставилъ лицомъ къ лицу съ самыми трудными и роковыми вопросами открывшейся передъ нею новой жизни. Не случись этого, она осталась-бы въ семьѣ въ обычныхъ условіяхъ существованія патріархальной мѣщанской еврейской среды, вѣроятно, вышла-бы замужъ за еврея, создала-бы свою семью и старалась-бы также быстро и незамѣтно, какъ состарилась ея мать, нѣкогда красавица, Геня Пейсоховна Палемъ. Судьба сулила ей иное. Съ семьей пришлось разстаться. Старики не проклинали свою нѣкогда любимую Меню, но не хотѣли жить съ вновь нареченною Ольгою. Отъ своего крестнаго отца, генераль-маіора Василя Попова, извѣстнаго крымскаго богача,—лица, судя по отзыву мѣстной хроники, весьма самобытнаго и своеобразнаго,—она получила «на зубокъ» 50 рублей и право именоваться, если не его фамиліей «Поповой», то во всякомъ случаѣ его отечествомъ «Васильевною». Съ этимъ легкомысленнымъ багажемъ она отправилась въ Одессу. Оставаться въ Симферополѣ, въ той-же еврейской, отнынѣ враждебной ей, средѣ было уже невысказано. Въ Одессѣ у нея не было ни родныхъ, ни знакомыхъ. Вспомните показаніе Бертига. На первыхъ порахъ она пыталась пристроиться къ какой-нибудь, хотя-бы черной, хотя-бы тяжелой работѣ. Она поступила въ горничныя. Пробыла нѣсколько дней и была отпущена, такъ какъ оказалось, что она не умѣла ни за что взяться, была бѣлоручкой. Потомъ мы видимъ ее нѣкоторое время продавицей въ табачной ла-

вочкѣ. По отзыву полицейскаго пристава Чабанова, въ то время она была бѣдно одѣта, за то отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, была энергична и весела. Въ ея поведеніи нельзя было отмѣтить ничего предосудительнаго. Потомъ, спустя нѣкоторое время, въ 1887 г., тотъ-же приставъ Чабановъ сталъ встрѣчать ее уже «хорошо одѣтою». Онъ замѣтилъ, что она съ тѣхъ поръ очень измѣнилась и физически, и нравственно: похудѣла, осунулась, поблѣднѣла, стала капризной, нервной и раздражительной. Поговаривали, что она «сошлась» съ нѣкимъ Кандинскимъ, лицомъ «солиднымъ», занимавшимъ въ городѣ довольно видное общественное положеніе. Она жила на отдѣльной квартирѣ, но онъ навѣщалъ ее. Такъ продолжалось два года до лѣта 1889 года. Она томилась, скучала. Положеніе «содержанки» и сожителство съ пожилымъ человекомъ, начавшимъ съ «отеческихъ ласкъ» и попечительнаго къ ней отношенія и кончившаго тѣмъ, что взялъ ее себѣ въ любовницы, не удовлетворяло ея. Она нервничала, болѣла, ее тянуло прочь изъ этой искусственно наложенной, гаремно-филантропической обстановки.

Составить себѣ вполне опредѣленное понятіе о томъ, что за личность г. Кандинскій, довольно мудрено. Мы имѣемъ даже собственноручныя его посланія и къ Палемъ, и къ покойному Довнару, но, къ сожалѣнію, въ нихъ слишкомъ много говорится «о погодѣ». Во всякомъ случаѣ, это, что называется, человекъ въ высшей степени «корректный». Слишкомъ глубоко и откровенно ставить вопросы онъ не любитъ; но разъ вопросъ назрѣвалъ самъ собою, онъ пытается разрѣшить ее по возможности «прилично», т. е. всетаки гуманно, всетаки по-человѣчески. И на томъ спасибо. Въ лицѣ г-жи Палемъ онъ разумѣетъ не нашель и не могъ найти того, чего искалъ. Ему, дѣловому и занятому человекѣ, заѣзжавшему «отдохнуть» къ своей возлюбленной между двумя комиссейскими засѣданіями или по дорогѣ изъ конторы на биржу, требова-

лось совѣтъ иное. Своимъ постояннымъ нравственнымъ безпокойствомъ, своими нервными приступами и чувствомъ неудовлетворенности, она и его «разстраивала», дѣлала его нервнымъ, безпокойнымъ, чуть не больнымъ. На выручку пришелъ его добрый пріятель, открытая и честная душа,—полковникъ Калеминъ. Онъ порѣшилъ, что это надо «уладить» и дѣйствительно уладилъ все ко взаимному удовольствію. По его словамъ, съ «Ольгой Васильевной» (Палемъ), которую онъ хорошо узналъ за эти два года, «добрымъ и ласковымъ словомъ можно было подѣлать рѣшительно все, что угодно. Рѣшено было, что, въ интересахъ здоровья и общаго нравственнаго благополучія, г-жа Палемъ и Кандинскій должны разстаться. При этомъ бравый полковникъ порѣшилъ, что его пріятель долженъ «навсегда обезпечить» молодую, одинокую, брошенную на произволь житейскихъ превратностей дѣвушку. Онъ вручилъ нѣкоторую сумму денегъ, на первыхъ порахъ что-то около двухъ тысячъ, въ полученіи которой г-жа Палемъ дала приблизительно такую росписку: «получила то, что мнѣ обѣщаль г. Кандинскій, никакихъ претензій не имѣю». Эта—дѣловая аккуратность, присущая бухгалтерскому складу ума г. Кандинскаго. На все у него имѣются номерки, росписки, квитанціи. Всѣ его выдачи Палемъ и даже Довнару проведены по его торговымъ книгамъ. Въ сущности подобная росписка, выданная притомъ несовершеннолѣтнею, отъ возможности заявленія «претензій» его отнюдь не ограждала. Если-бы г-жѣ Палемъ были присущи какія-либо своекорыстныя, не говорю уже «шантажныя» стремленія, она въ то время съ большимъ юридическимъ основаніемъ, чѣмъ когда-либо, могла бы возбудить дѣло объ оболъщеніи несовершеннолѣтней, сопровождая его всевозможными денежными требованіями. Ни о чемъ подобномъ даже мысли не возникло. Г. Калеминъ «отечески» и «дружески» самъ уговариваль ее не отказываться отъ денежнаго вспомошествованія, предназначеннаго ей Кан-

динскимъ. Это подтвердилъ свидѣтель Калеминъ здѣсь, на судѣ, какъ равнымъ образомъ удостовѣрилъ онъ и то, что г. Кандинскій нравственно считаетъ себя обязаннымъ и по нынѣ, при всякихъ тяжелыхъ для г-жи Палемъ обстоятельствахъ, приходить ей на помощь.

Послѣ разрыва той любовной связи, которая только тяготила обоихъ, между г-жою Палемъ и Кандинскимъ установились повидимому гораздо болѣе дружескія, болѣе человѣческія отношенія. Письма ихъ дышатъ непринужденною нѣжностью и пріязнью. Она называетъ его «милымъ котомъ», иногда «котомъ Сибирскимъ»; онъ ее — «милымъ Марасенкомъ» или просто «Марусенкомъ» по ея еврейскому имени «Меня» или «Маріама», которое ему больше нравилось.

Осенью 1889 года мы застаемъ г-жу Палемъ по прежнему въ Одессѣ, живущею въ домѣ Вагнера, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ во дворѣ занимала квартиру семья Довнаръ или (по второму мужу Александры Михайловны) — Шмидтъ. Вслѣдствіе «малодушной щепетильности, изъ нежеланія прослыть происхожденія еврейскаго», какъ значится въ отношеніи Одесскаго градоначальника на имя С.-Петербургскаго градоначальника, затребовавшего въ 1893 году (вслѣдствіе прошенія г-жи Шмидтъ о высылкѣ Палемъ изъ Петербурга) свѣдѣнія о личности подсудимой, г-жа Палемъ въ то время, съ вѣдома мѣстной полиціи, называлась по фамиліи своего крестнаго отца Ольгою Васильевною Половой. Жизнь г-жи Поповой или Палемъ была въ то время вся на виду у семейства Довнаръ. Прислуга г-жи Шмидтъ Шваркова скоро съ разрѣшенія своей хозяйки перешла въ услуженіе къ г-жѣ Палемъ на лучшее жалованье. Благодаря молодости, красотѣ, независимому и самостоятельному образу жизни Ольги Васильевны, всѣ въ домѣ скоро на нее обратили вниманіе. И надо отмѣтить, что это «общее вниманіе» было къ ней въ ту пору весьма благосклонно. Маленькіе дѣти г-жи

Шмидтъ подходили къ балкону эlegantной дамы и, называя ее «милой madame Поповочкой», выпрашивали у нея сладости и игрушки. Скоро познакомился съ Ольгой Васильевной и Александръ Довнаръ, въ то время студентъ 1 курса математическаго факультета, молодой человѣкъ 21 года. Онъ явился «съ визитомъ», благодарить за вниманіе, оказанное его младшимъ братьямъ. Знакомство началось. Александръ Довнаръ сталъ франтить и заботиться о своей наружности. Онъ подстригъ себѣ какимъ-то особеннымъ фасономъ бороду и говорилъ товарищамъ, что «Ольгѣ Васильевны такъ нравится лучше». У Ольги Васильевны была страсть, пріобрѣтенная ею еще въ Крыму. Она до безумія любила лошадей и обожала верховую ѣзду. Александръ Довнаръ тотчасъ-же почувствовалъ неодолимое влеченіе къ манежу и выѣзженнымъ подъ мунштукъ наемнымъ скакунамъ. Осенью, когда настали чудные, ласкаемые южнымъ солнцемъ дни, стали ѣздить за городъ. Мать Довнара, со вѣми своими присными, выходила на крыльцо и любовалась, пока кавалькада во дворѣ готовилась къ отъѣзду. «Затянутую въ рюмочку», граціозную и изящную амазонку, вскакивавшую на лошадь въ своемъ черномъ эlegantномъ нарядѣ, она привѣтствовала поощрительной улыбкой, обмѣнивалась съ нею нѣсколькими фразами, провожала дружескимъ кивкомъ головы. По замѣчанію свидѣтеля Иляшевскаго, мѣстнаго околоточнаго надзирателя, на глазахъ котораго все это происходило, Александра Михайловна Шмидтъ вообще вѣми мѣрами «поощряла сближеніе своего сына съ г-жою Палемъ».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ однажды Александръ Довнаръ, взволнованный, точно окрыленный какою-то неслыханною радостью, разыскиваетъ своего пріятеля Матеранскаго и изливается передъ нимъ. До сихъ поръ онъ зналъ только продажныхъ женщинъ, наконецъ и у него романъ. Онъ старается казаться немножко равнодушнымъ, немножко фатомъ, но изъ всѣхъ его молодыхъ

поръ, помимо его воли, такъ и бьетъ живая и свѣтлая радость, «торжество любви». Начинается между пріятелями обмѣнъ мыслей и подъ конецъ, по обычаю всѣхъ молодыхъ людей, пикантное смакованіе подробностей. Сначала она его отвергла, даже «разсердилась», но онъ обнималъ ея колѣна и... Конечно онъ «вовсе ея не любитъ» (какъ-же, не на таковского напала!); но она интересна, очень интересна.... какъ женщина особенно.... что-то удивительное... При томъ это ровно ничего ему не будетъ стоить. Во всякомъ случаѣ кладъ, сущій кладъ! И пріятель, нервно потягиваясь и тревожно потирая свои отчего-то похолодѣвшія руки, не сразу, но все-же подъ конецъ соглашается, что это точно «кладъ».

Около двухъ лѣтъ въ Одессѣ, сначала въ домѣ Вагнера, потомъ въ домѣ Горѣлина и наконецъ на дачѣ продолжается безсмѣнно связь г-жи Палемъ съ Александромъ Довнаромъ. Все это происходитъ на глазахъ Александры Михайловны Шмидтъ и ея семьи. Александръ Довнаръ всюду публично показывается объ руку съ Ольгой Васильевной, раскланивается со своими знакомыми мужчинами и дамами, ни мало не стѣняясь. Встрѣтивъ гдѣ-то въ театрѣ Ольгу Васильевну со студентомъ Довнаромъ, приставъ Чабановъ, потерявшій было ее изъ виду, раскланивается съ нею и спрашиваетъ: «какъ поживаете, какъ ваше здоровье, Ольга Васильевна?» «Отлично,—весело и оживленно отвѣчаетъ та,—вотъ мой женихъ», и знакомитъ его съ Довнаромъ. Кандинскому г-жа Палемъ представляетъ Александра Довнара также въ качествѣ жениха. Они заходятъ иногда къ нему въ гости, вмѣстѣ провожаютъ его на пароходъ. Родственники и товарищи Довнара, гг. Шевейко, Матеранскій,—свои люди въ квартирѣ г-жи Палемъ. Они у нея обѣдаютъ, завтракаютъ, заходятъ, не стѣняясь, когда вздумается. Все это дѣлается въ томъ-же домѣ, гдѣ проживаетъ и г-жа Шмидтъ (сначала въ домѣ Вагнера, а потомъ опять вмѣстѣ въ

домъ Горблина). Прислуга, всѣ домашніе, весь дворъ знаютъ объ этой связи. Каждая ссора между любовниками, каждая «вспышка у домашнего очага» обсуждается сообща; мать вставляетъ свое авторитетное слово, высказываетъ свое мнѣніе. Однажды г-жа Палемъ, приревновавъ своего «Сашу» къ двоюродной сестрѣ его, г-жѣ Круссеръ, устроила ему цѣлую публичную «сцену» на каткѣ. Съ нею былъ револьверъ, которымъ она ему пригрозила. Полиція всполошилась, затѣяла составлять протоколъ о „покушеніи на убійство“, но г-жа Шмидтъ вмѣшалась въ дѣло и, какъ дважды два, доказала слишкомъ бдительнымъ властямъ, что это была простая „вспышка ревности“ со стороны г-жи Палемъ. Отобранный отъ нея револьверъ оказался даже незаряженнымъ!

Насъ интересовалъ вопросъ, знала-ли г-жа Шмидтъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло ея сынъ въ лицѣ Ольги Васильевны Поповой, знали-ли самъ Довнаръ, что это Палемъ, а не Попова, и какъ долго „удивительная исторія“ о татарско-княжескомъ происхожденіи, сочиненною подсудимою, могла играть ту или другую роль въ его глазахъ. На этотъ счетъ намъ даетъ самыя точныя и положительныя указанія тотъ-же ближайшій пріятель Довнара, г. Матеранскій. Въ Одессѣ ни для кого не составляла тайны прежняя связь Палемъ съ Кандинскимъ. Г. Кандинскій былъ въ городѣ слишкомъ замѣтнымъ человѣкомъ. Лишь на самыхъ первыхъ порахъ Александръ Довнаръ заносилъ въ свой дневникъ разказы г-жи Палемъ о ея княжескомъ происхожденіи, но и то сопровождалъ ихъ критическимъ замѣчаніемъ: „сколько во всемъ этомъ натяжекъ!“ Черезъ какіе-нибудь полгода ихъ сожителства—это положительно удостовѣрилъ г. Матеранскій—Довнаръ да и всѣ окружающія его лица знали, что Ольга Васильевна родомъ еврейка, что фамилія ея Палемъ, что она изъ Симферополя, что деньги, которыя она проживаетъ, она получаетъ отъ Кандинскаго за его прежнюю къ ней любовь. Всѣ эти

открытія ни въ чемъ не измѣнили отношеній Александра Довнара. Мы имѣемъ еще болѣе совершенное, такъ сказать, документальное доказательство тому, что ни малѣйшаго ослѣпленія у А. Довнара на этотъ счетъ не было, да и быть не могло. Лѣтомъ 1890 года Палемъ съ Довнаромъ ѣздили вмѣстѣ въ Симферополь, чтобы обмѣнять ея паспортъ. Мѣщанскій староста Жуковъ помнитъ этотъ пріѣздъ Ольги Васильевны, которую знавалъ раньше дѣвочкой. Она явилась въ мѣщанскую управу настоящею „барышнею“ въ сопровожденіи студента, котораго называла своимъ женихомъ. Студентъ видѣлъ ея паспортъ и зналъ, что рѣчь идетъ о дочери еврейскихъ родителей Палемъ, принявшей въ 1884 году православіе. О незаконномъ происхожденіи Ольги Васильевны по отцу и о правѣ ея на фамилію Попова толковали разное. Полковникъ Калеминъ, напримѣръ, вполнѣ увѣренъ, что происхожденіе Ольги Васильевны именно таково. Какъ бы то ни было, Одесса (разумѣя кругъ такъ называемаго „высшаго общества“) вовсе ужъ не такой большой городъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Въ концѣ концовъ это всетаки настоящая „провинція“, гдѣ, то и дѣло, на улицахъ раскланиваются, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга въ лицо. То, что извѣстно было о г-жѣ Палемъ всему городу, не могло не быть извѣстно Довнару, не могло быть скрыто и отъ г-жи Шмидтъ. Два года сожителства Довнара съ г-жею Палемъ продолжалось при такихъ условіяхъ на глазахъ Александры Михайловны Шмидтъ, и она была въ полномъ восторгѣ отъ „удачи“ своего сына. Нужно ли прибавлять, что за все это время г-жа Палемъ жила исключительно на „свои средства“ и не стоила Александру Довнару ни одной копѣйки.

Наступила осень 1891 года. Довнару предстояло поступить въ Медицинскую Академію, надо было ѣхать въ Петербургъ. Онъ уѣхалъ. Мѣсяца два, три спустя, Ольга Васильевна Палемъ, продавъ тому же Кандинскому всю

свою обстановку, стоившую ей больше 5000 рублей, за 1400 рублей, катить также въ Петербургъ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ Довнара къ матери изъ Петербурга онъ между прочимъ вскользь о ней упоминаетъ: «Ольги Васильевны въ Петербургъ нѣтъ. Что ей за охота переселяться съ благодатнаго юга въ это туманное болото». Звучитъ какъ бы досадное сожалѣніе, что ея съ нимъ нѣтъ. Петербургъ вообще ему не нравится, онъ на первыхъ порахъ чувствуетъ себя въ немъ одиноко и не по себѣ. Между тѣмъ Ольга Васильевна, разметавъ свое такъ или иначе свитое на благодатномъ югѣ гнѣздо, летитъ тѣмъ временемъ на туманное болото. Они поселяются вмѣстѣ на Кирочной, занимаютъ одну общую небольшую квартиру. Отнынѣ начинается совмѣстная жизнь, которую мы прослѣдили здѣсь во время судебного слѣдствія, благодаря удостовѣреніямъ и справкамъ адреснаго стола. Прислугѣ, швейцару, дворникамъ онъ выдавалъ ее за свою жену. Тайна подъ сурдину открывается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ей предъявлять свой документъ. Тамъ она значится «Симферопольская мѣщанка Ольга Васильевна Палемъ». Письма, получаемыя ею, адресуются: «Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ». Во время своихъ отлучекъ самъ Александръ Довнаръ ей пишетъ не иначе. Ежемѣсячныя присылки денегъ отъ Кандинскаго адресуются Довнару «съ передачей Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ». Прислуга ихъ зоветъ «баринкомъ» и «барыней». Жалованье ей платитъ «барыня», на расходъ даетъ «барыня», за квартиру дѣлаютъ взносы дворникамъ (какъ случится) то «баринъ», то «барыня». Словомъ, если не бракъ форменный и законный, то во всякомъ случаѣ нѣчто большее «огражденія себя отъ случайнаго заболѣванія», конкубинатъ полный, сожителство самое тѣсное. Въ эту первую зиму 1891—92 г. живутъ они довольно ладно. Ссоры и даже драки бываютъ, но за то примиренія слѣдуютъ бурныя, страстныя, совсѣмъ какъ у влюбленныхъ. То при-

ревнуетъ она его и расцарапаетъ ему лицо, то не сдержится онъ и форменно ее поколотитъ. При людяхъ всегда сдержанный и скромный, на единъ онъ доходилъ до неистовства и иногда пускалъ въ ходъ швабру, ножны старой шашки и т. п. Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ четыре свидѣтельницы, жившія у нихъ поочередно въ услуженіи. Словомъ всѣ «права любви», признаваемые самцомъ, законнымъ обладателемъ самки, находили себѣ полное и всестороннее проявленіе въ отношеніяхъ Александра Довнара къ Палемъ. Съ другой стороны и она, то покорная до униженія, то бурная и неистовая, не знала никакого удержу, не признавала никакихъ границъ въ выраженіи той любовной гаммы, въ которой заключительной, послѣдней ноткой, по отзыву той-же прислуги, наблюдавшей поневолѣ ихъ интимную жизнь, всегда и неизмѣнно бывалъ одинъ и тотъ-же стонущій вопль: «Саша, люблю!». Къ веснѣ 1892 г. они оба нѣсколько расшатали свое здоровье. Особенно подалась она. Стала кашлять, чувствовать боль въ груди и недомогать. Онъ очень сталъ беспокоиться. Тотчасъ повелъ ее самъ по докторамъ, выдавая всюду за жену, совѣтовался, оставался съ докторомъ наединѣ, прося «открыть ему всю правду», вообще очень тревожился. Пришлось изслѣдовать мокроту, являлось даже предположеніе, не чахотка-ли? Къ счастью коховскихъ бациллъ не открыли. Всѣ врачи констатировали единогласно чрезмѣрно развившееся малокровіе и значительное разстройство нервъ, граничащее съ форменною истеріею. Совѣтовали пить кумысъ, набраться силъ, пожить въ деревнѣ, съѣздить въ Крымъ, вообще нагулять силъ и здоровья. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Матеранскому Александръ Довнаръ съ беспокойствомъ говоритъ о расшатанномъ здоровьи Ольги Васильевны. Ей самой, когда она уѣхала пить кумысъ въ Словушка, онъ шлетъ восторженные и нѣжные посланія. Онъ «теряетъ голову» отъ спокойства, онъ «безъ ужаса» не можетъ

подумать о неблагопріятномъ исходѣ ея болѣзни, онъ умоляетъ, заклинаетъ, требуетъ, чтобы она пила кумысъ исправно, чтобы оставалась, какъ можно дольше, въ сосновомъ лѣсу, на чистомъ воздухѣ и вообще вся, и духомъ и тѣломъ, ушла бы въ заботы о своемъ здоровьи. Нельзя объяснить себѣ болѣе иѣжныхъ, болѣе пламенныхъ и вмѣстѣ болѣе трогательныхъ посланій. Нужно-ли прибавлять, что всю эту «музыку» или, если хотите, — весь этотъ «ядъ любви» она жадно впиваетъ подѣ тѣнюю старыхъ, живительныхъ сосенъ, предварительно срывая съ каждаго такого посланія конвертъ, на которомъ почеркомъ любимаго человѣка твердо и четко начертано: «Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ». Гордая и счастливая, она пробѣгаетъ строку за строкой, слово за словомъ, но и между строками и между словами ищетъ только одно: «онъ любить, онъ мой!». Я думаю, что она была права: онъ дѣйствительно любилъ ее и думалъ самъ, что принадлежитъ ей навсегда. Къ веснѣ того же 1892 года, кромѣ ея болѣзни, у него была еще и другая большая забота. Мы знаемъ, что именно къ этому времени онъ твердо порѣшилъ бросить медицинскую карьеру и, во что бы то ни стало, поступить въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Достигнуть этого можно было только съ большимъ трудомъ и при исполнѣ благопріятствующихъ обстоятельствахъ. Желающихъ держать конкурсный экзаменъ въ августѣ 1892 года записалось 700 человѣкъ, вакансій же было только 70. Быть зачисленнымъ сверхъ комплекта возможно было только по усмотрѣнію высшаго начальства и притомъ при чрезвычайныхъ и особенныхъ обстоятельствахъ. Ольга Васильевна живо раздѣляла опасенія и тревога своего возлюбленнаго. Уже съ весны стали подумывать, какъ бы «похлопотать», «заручиться», обставить возможно благопріятнѣе шансы на успѣхъ. Между Кандинскимъ и Довнарѣмъ затѣвается по этому поводу оживленная переписка. Мать молодого человѣка, Александра

Михайловна Шмидтъ, дѣлаетъ Кандинскому визитъ въ его конторѣ и совѣтуется съ нимъ, какъ лучше обставить дѣло. Кандинскій добываетъ рекомендательныя письма къ институтскому начальству отъ князя Юрія Гагарина, извѣстнаго въ Одессѣ доступнаго и обязательнаго аристократа, сверхъ того добываетъ письмо извѣстнаго на югѣ строителя инженера г. Шевцова. Этого оказывается мало. Тогда Ольга Васильевна Палемъ, надѣвъ свой самый скромный и вмѣстѣ парадный нарядъ, отправляется къ одному высокопоставленному лицу, знавшему ее нѣсколько по Одессѣ. Она проситъ „за своего мужа“, съ которымъ тайно обвѣнчана, такъ какъ студентамъ не позволяютъ жениться. Противъ собственнаго ея ожиданія, ея смиренная и скромная просьба и «маленькая ложь» имѣютъ громадный успѣхъ. Вслѣдъ за этимъ самъ Довнаръ представляется высокопоставленному лицу и получаетъ весьма вѣское рекомендательное письмо, о которомъ намъ говорилъ здѣсь инспекторъ института г. Кухарскій. Подробности же мы знаемъ изъ письма самого Довнара. Почти все лѣто прошло для Александра Довнара въ страшной тревогѣ и о здоровьи Ольги Васильевны и еще больше о результатахъ предстоящаго ему конкурснаго экзамена. Тревога эта сказывается въ каждомъ его письмѣ къ ней. Письма эти полны какимъ-то заразительнымъ, дѣйствующимъ на нервы читателя волненіемъ. Надежда попасть въ институтъ и вмѣстѣ страсть къ ней, этой можетъ быть тяжелой больной, можетъ быть умирающей вдали отъ него женщиной, слетаются въ его душѣ какъ-то непостижимо цѣлко, словно два ухватившихся другъ за друга бойца, собирающихся биться на смерть. Никогда еще его письма къ ней были такъ оживлены, такъ жгучи, такъ выразительны и вмѣстѣ такъ полны содержанія. Онъ засыпаетъ ее самыми страстными, самыми жгучими ласками: «Олинъ мохнатикъ», «Кошечка Оля», «Дорогой Котикъ», «Дорогой жучекъ мохнатый», «Дружокъ мой Оля» — такъ и пестрятъ черезъ двѣ строки въ

третью. На всѣ ея заботы и опасенія онъ отвѣчаетъ одно: «Дурочка, какъ ты можешь вообразить себѣ, чтобы, я тебя бросилъ». Въ припадкѣ малодушныхъ опасеній за исходъ конкурсныхъ экзаменовъ, онъ въ одномъ письмѣ ей откровенно пишетъ: „если порѣжусь, пріѣзжай похлопотать. Только и надежды!»

Экзамены пошли благополучно. Къ Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ (я не обмолвился—*Довнаръ*, а не Палемъ) стали долетать изъ Петербурга краткія, но тѣмъ болѣе выразительныя телеграммы: «математика—5. Саша»; «физика—4» и т. д. Наконецъ и послѣдняя ликующая телеграмма: «принять, зачисленъ въ комплектъ». Тогда уже пошелъ общій радостный обмѣнъ телеграфныхъ привѣтствій. Кандинскій поздравлялъ Довнара, Довнаръ—Кандинскаго; г-жа Шмидтъ благодарила всѣхъ, Ольга Васильевна ликовала и принимала поздравленія.

Словно очнувшись отъ тяжкаго кошмара, взявъ изъ своего капитала нѣсколько денегъ, чувствуя, что настоящая гора свалилась у него съ плечъ, Довнаръ изъ Петербурга мчится прямо въ Славуту къ своей «кошечкѣ Олѣ», которая тѣмъ временемъ набиралась силъ и здоровья на средства, ассигнованныя ей на лѣченье Кандинскимъ. Отсюда они ѣдутъ въ Крымъ, совершаютъ настоящее свадебное путешествіе, на обратномъ пути съѣзжаются съ Матеранскимъ, который проситъ Ольгу Васильевну «похлопотать» въ Петербургѣ о представленіи ему права поступить въ Кіевскій университетъ; въ Курскѣ сидятъ нѣсколько дней безъ денегъ, пока ихъ не выручаетъ переводомъ по телеграфу Кандинскій, и наконецъ возвращаются въ Петербургъ на зимнія квартиры. Квартира, разумѣется, нанимается общая, хозяйство идетъ опять попрежнему. Самочувствіе Довнара прекрасное, онъ добился желанной цѣли, прикладныя науки, преподаваемые въ институтѣ, ему необыкновенно нравятся, онъ какъ бы предчувствуетъ заранѣе полный успѣхъ, полную

побѣду на вновь избранномъ имъ поприщѣ. Закадычнаго друга своего Матеранскаго, какъ бы въ туманномъ провидѣніи своего свѣтлаго будущаго, онъ наставительно вразумляетъ: «свѣтъ уважаетъ только успѣхъ и пожалуй хорошо дѣлаетъ!» Матеранскій въ это время, какъ то странно выбитый изъ колеи, оставшись «не у дѣлъ», былъ весьма пессимистически настроенъ и мечталъ убраться изъ Одессы, «хотя бы на Сахалинъ». Такъ начался академическій 1892—93 годъ для вновь испеченнаго студента Института Инженеровъ Путей Сообщенія, Александра Довнара.

Теперь событія уже пойдутъ быстрѣе. Всю зиму Довнаръ и Ольга Васильевна по прежнему вмѣстѣ. Онъ знакомитъ съ нею нѣкоторыхъ своихъ новыхъ товарищей. Изъ нихъ выдѣляется студентъ Милицеръ, пріобрѣтающій въ концѣ концовъ надъ Довнаромъ огромное вліяніе. Ему Ольгу Васильевну онъ и не пытается выдавать за свою жену, онъ просто объясняетъ, что «живетъ съ барынькой». Палемъ чувствуетъ себя нѣсколько растерянной, какъ бы выбитой изъ колеи; она тревожно прислушивается къ происходящимъ вокругъ нея новымъ разговорамъ, къ тону, который пытается принимать съ нею иногда Саша, и все какъ будто чего-то понять не можетъ. Не то, чтобы онъ вовсе охладѣлъ къ ней, нѣтъ; но какая-то не то пренебрежительная, не то равнодушная нить начинаетъ звучать въ его голосѣ. Она прислушивается и не вѣритъ своимъ ушамъ. Желая возбудить его ревность и вмѣстѣ, быть можетъ, поймать на удочку «коварнаго друга», чтобы открыть на него Сашѣ глаза, она начинаетъ грубо заигрывать и кокетничать съ Милицеромъ въ присутствіи самого Довнара. Этотъ остается равнодушнымъ и только вызывающе посмѣивается. Иногда молодость впрочемъ беретъ свое. На Александра Довнара вдругъ находятъ снова приступы влюбленія, онъ снова зоветъ ее своимъ «жучкомъ мохнатымъ», снова нѣжитъ,

ласкаетъ и страстно цѣлуетъ. Тогда она, въ свою очередь, начинаетъ приступать къ нему: женись на мнѣ... женись, ты общаль... Ты увидишь, какая я буду тогда, увидишь! Онъ отдѣляется или шуткой или ссылается на то, что студентамъ вступать въ законный бракъ не дозволяется. Такъ проходитъ зима. Они ссорятся, дерутся. Каждый разъ, когда онъ, по случаю совмѣстныхъ занятій для подготовленія къ репетиціямъ, засиживается по долгу у Милицера, она подкарауливаетъ его и дѣлаетъ ему сцены тутъ-же на улицѣ. Разъ съ визгомъ и воплями она гонится за нимъ по всей Николаевской улицѣ, крича, что не пуститъ его больше къ этому поляку, который вооружаетъ его противъ Россіи, и желаетъ отнять его отъ нея—Палемъ. На другой день Довнаръ оправдывался передъ Милицеромъ въ своемъ постыдномъ для мужчины бѣгствѣ: «поневоля побѣжишь. Моя Ольга Васильевна добиралась вчера до моей физиономіи».

Господа присяжные засѣдатели, вдумайтесь въ то, что я пока рассказалъ, я рассказалъ только то, что несомнѣнно доказано и вами провѣрено. Видите ли вы пока преднамѣренную, тонкую, расчетливую интригантку, разставляющую сѣти, чтобы добыть себѣ мужа. Ужели еслибы это было такъ, Палемъ не могла бы пересилить себя, не могла бы затаить свою злобу къ Милицеру, не могла бы притвориться всегда ровно любящей, покорной и самоотверженной. Если вести игру, такъ вести ее до конца. Но въ томъ-то и бѣда, что Палемъ никакой игры не вела и не способна была ее вести. Она слишкомъ много и слишкомъ долго любила Довнара. Въ этомъ она видѣла всѣ свои права на него и проявляла ихъ съ чисто женскою беспощадною логикой, съ рискомъ прослыть безумною и попасть въ сумасшедшія. Иногда, избивая ее жестоко, онъ такъ и приговаривалъ: «сумасшедшая»! Въ мартѣ 1893 года случилось одно обстоятельство, на первый взглядъ и не Богъ знаетъ какой важности, однако

хлынувшее настоящею цѣлебною волной на порядкомъ таки истерзанную душу Ольги Васильевны. Послѣ удачнаго поступленія Александра Довнара въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія и такъ удачно добытаго ею рекомендательнаго письма, къ г-жѣ Палемъ отъ времени до времени стали обращаться родственники Довнара съ просьбами оказать то ту, то другую услугу. О томъ, что она «хлопотала» о разрѣшеніи поступить свидѣтелю Матеранскому въ Кіевскій университетъ, мы уже знаемъ; другой родственникъ, также свидѣтель по настоящему дѣлу, поручикъ Шелейко, желая перейти на службу въ пограничную стражу, тоже рассчитывалъ на ея содѣйствіе. Но теперь черезъ сына къ ней обращалась сама мать Довнара, Александра Михайловна Шмидтъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Младшаго сына Виктора или попросту «Виву», какъ звали его въ семьѣ, задумали опредѣлить въ Морской корпусъ. Для этого его нужно было взять изъ Одессы, довести мальчика до Петербурга, здѣсь сперва подготовить за лѣто, а потомъ похлопотать и объ опредѣленіи его въ корпусъ. Александра Михайловна Шмидтъ почему-то рассудила, что всегда удачнѣе это можетъ выполнить сожительница ея старшаго сына, Ольга Васильевна Палемъ. Надо-ли говорить, съ какою готовностью, съ какимъ искреннимъ, неподдѣльнымъ самоотверженіемъ Палемъ взялась исполнить съ такимъ довѣріемъ возложенную на нее миссію. Она на свои средства тотчасъ же полетѣла въ Одессу. Здѣсь она очевидно видѣлась (и не разъ) и бесѣдовала съ Александрою Михайловною. Объ этомъ довольно знаменательномъ свиданіи теперь благоразумно умалчиваютъ всѣ родственники свидѣтели (постороннихъ при этомъ не было), но вѣдь не могло-же быть иначе. Не въ видѣ-же «клады» безмолвно сдали г-жѣ Палемъ на руки 13-лѣтняго мальчика. Очевидно, давались при этомъ и наставленія, и порученія, и совѣты, и провожали сообща обоихъ на вок-

залъ. По двумъ случайно уцѣлѣвшимъ въ бумагахъ покойнаго Довнара письмамъ г-жи Шмидтъ къ Ольгѣ Васильевнѣ Палемъ мы можемъ возстановить даже общій колоритъ ихъ взаимныхъ въ то время отношеній. Мать пишетъ гласной сожительницѣ своего сына: «Милая Ольга Васильевна» и подписывается: «уважающая Васъ Александра Шмидтъ». Въ одномъ письмѣ она благодаритъ Ольгу Васильевну за выполненное ею порученіе; въ другомъ проситъ: „балуйте моего Виву, заботьтесь о бѣдномъ мальчикѣ“. Господа присяжные засѣдатели, ужели мы можемъ пройти мимо этого, не запечатлѣвъ, не отмѣтивъ этого въ своей памяти. Сколько нужно довѣрія, сколько нужно глубочайшаго—скажу больше—безграничнаго уваженія къ женщинѣ, стоящей по внѣшнимъ условіямъ въ такомъ щекотливомъ, въ такомъ двусмысленномъ положеніи относительно г-жи Шмидтъ, какъ стояла г-жа Палемъ въ качествѣ любовницы ея старшаго сына, чтобы ей же, этой самой женщинѣ, безъ страха, безъ колебаній довѣрить участь младшаго малолѣтняго сына. И „Вива“ по просьбѣ матери, впредь до поступленія въ подготовительный пансіонъ г. Ивановскаго, поселяется на общей квартирѣ брата и г-жи Палемъ и привязывается къ послѣдней, какъ къ родной. Лѣтомъ, когда „Вива“ попадаетъ на Сиверскую, на дачу съ пансіономъ г-на Ивановскаго, Александра Михайловна Шмидтъ пишетъ изъ Одессы „милой“ Ольгѣ Васильевнѣ: „какъ жаль, что вы съ Сашей поселяетесь въ Шувалово. Вивѣ такъ трудно будетъ пріѣзжать къ вамъ“, и затѣмъ идетъ цѣлый панегирикъ ея добротѣ и душевнымъ качествамъ. И опять всѣми буквами: „уважающая васъ Александра Шмидтъ“. Спрашивается, какъ двигалась по бумагѣ рука той-же Александры Шмидтъ, когда, спустя полгода, она писала въ своемъ прошеніи градоначальнику: „Нѣкая особа, по фамиліи Палемъ“ и т. д. „Нѣкая особа!“ Если и „нѣкая“, то во всякомъ случаѣ такая, передъ которой вы не разъ росписывались въ уваженіи. Поручаютъ-

ли затѣмъ матери „нѣкоей особѣ“ судьбу своихъ малолѣтнихъ дѣтей на далекой чужбинѣ, это ужъ вы разсудите сами, господа присяжные засѣдатели!...

Лѣтнее житіе на дачѣ прошло сравнительно мирно и счастливо для Александра Довнара и для Палемъ. Последняя передъ лѣтними ваканціями сдѣлала впрочемъ первую вылазку передъ институтскимъ начальствомъ по адресу Милицера. Она упросила не посылать Довнара на практическія занятія въ одной группѣ съ Милицеромъ, и эта просьба была уважена. Она ссылалась на то, что Довнаръ вовсе не говоритъ по-польски, а Милицеръ его за это преслѣдуетъ, стыдитъ, заставляетъ изучать польскій языкъ и къ тому-же разстроиваетъ ихъ семейное счастье. Довнаръ попалъ въ одну группу съ студентомъ Пановымъ и повидимому былъ даже нѣсколько радъ отдохнуть отъ дружеской опеки Милицера. По единогласному отзыву дворника дачи, дачной хозяйки и прислуги, „молодые господа“ на этотъ разъ жили такъ дружно и согласна, что ни разу не подрались и даже ссорились „рѣдко“. Разъ впрочемъ онъ ее приревновалъ къ какому-то дачному Донъ Жуану, и она была въ восторгѣ. На глазахъ свидѣтельницы Власовой онъ ухватилъ ее за горло, какъ-бы собираясь задушить. Она упала передъ нимъ на колѣни и, вовсе не защищаясь, въ какомъ-то блаженномъ изступленіи твердила: мой! мой!... Люблю тебя, Саша, люблю!.. Она убѣдилась, что онъ все еще любитъ ее и была на седьмомъ небѣ.

Такъ минуло лѣто, второе лѣто, которое Александръ Довнаръ не проводилъ уже у родныхъ въ Одессѣ. На зиму Довнаръ и Палемъ стали опять вить себѣ гнѣздо въ Петербургѣ. Квартира была нанята поближе къ институту, у Калинкина моста, въ домѣ Ратькова-Рожнова. На первыхъ порахъ у нихъ не было прислуги и имъ взялась прислуживать жена швейцара, свидѣтельница Садовская. Пока „документъ“ Палемъ не былъ предъявленъ, и она

и ея мужъ полагали, что это „либо мужъ съ женой, либо братъ съ сестрой“. Обходились они, по наблюденію свидѣтелей Садовыхкихъ, другъ съ другомъ очень вѣжливо и ласково: она ему: „Саша“, „Сашенька“, а онъ ей — „Оля“, „Оленька“. Письма получались или на его имя, или на имя «Ольги Васильевны Довнаръ». Ходилъ къ нимъ въ отпускъ часто гимназистъ „Вива“, который вмѣсто корпуса попалъ въ гимназію. Квартира была ими занята съ 15 августа и болѣе мѣсяца въ ней царили миръ, тишина и благодать. Александръ Довнаръ посѣщалъ аккуратно институтъ, а Ольга Васильевна сидѣла все больше дома. Занималась она рукодѣльемъ и очень заботилась объ убранствѣ квартиры. Сама шила сторы, налаживала зановѣси, приколачивала гардины, развѣшивала по стѣнамъ фотографіи. Въ сентябрѣ прошелъ слухъ, что ждуть изъ Одессы «мать», стали даже готовить для нея комнату.

На этомъ пока и остановимся. Мы знаемъ, что Александра Михайловна Шмидтъ дѣйствительно вскорѣ пріѣхала въ Петербургъ и остановилась въ ихъ квартирѣ. Мы знаемъ, что спустя какихъ нибудь два дня между нею и Ольгою Васильевною разыгралась какая-то дикая, невозможная сцена, послѣ которой разрывъ наступилъ полный и съ обѣихъ сторонъ была объявлена непримиримая война. Остается только неяснымъ: какимъ образомъ г-жа Шмидтъ остановилась на мысли хотя-бы временно поселиться подъ однимъ кровомъ съ г-жою Палемъ? Она знала, что квартира столько-же ея, сколько и сына. Она знала, что хозяйство ведется сообща на средства того и другого. Остается допустить, что къ моменту ея пріѣзда отношенія къ г-жѣ Палемъ были наилучшія и что за два года она вполне успѣла свыкнуться съ мыслью, что для ея сына эта женщина нѣчто больше простой «любовницы», нѣчто больше «нѣкоей особы», которую въ каждую данную минуту можно вышвырнуть на улицу. Къ сожалѣнію г-жа Александра Шмидтъ на судъ не прибыла, и эта важная

сторона вопроса осталась невыясненною. Отмѣчаю только одно: г-жу Шмидтъ «ждали», «готовили» ей комнату и, судя по всему (не случись той сцены, о которой рѣчь впереди), она рассчитывала погостить здѣсь значительное время. Съ другой стороны заслуживаетъ вниманія и другая сторона вопроса. Какъ поступила-бы, какъ должна была-бы поступить на мѣстѣ Ольги Васильевны Палемъ всякая другая, здравомыслящая женщина, особенно если бы это была ловкая авантюристка, расчетливо ведущая одну игру: женить на себѣ Александра Довнара? Къ этому моменту шансы ея были просто блестящи. Подумайте только: общая квартира ея и Довнара; въ этой квартирѣ младшій сынъ г-жи Шмидтъ «Вива» — свой человекъ; мать не опасается за его нравственность, напротивъ, въ Ольгѣ Васильевнѣ она видитъ самое заботливое, самое родственное къ нему участіе, которымъ сама, какъ мать, въ высшей степени дорожить. Наконецъ пріѣзжаетъ и лично въ ту-же квартиру, пріѣзжаетъ прямо съ вокзала, со всѣмъ багажемъ и вещами, съ очевиднымъ намѣреніемъ расположиться. Для нея никѣмъ инымъ, все тою-же Ольгою Васильевной Палемъ, заботливо приготовлена комната. Казалось-бы, санкція полная, полное признаніе того непреложнаго факта, что отношенія ея сына къ Палемъ покоятся на основаніяхъ нравственныхъ, прочныхъ, неспособныхъ смутить „ни сна невиннаго ребенка“, ни заставить сжаться болью сердце любящей матери. Подумайте только: во всякой маломальски нравственной средѣ отсюда до женитьбы, до торжественнаго узаконенія подобной связи — шагъ одинъ и притомъ шагъ естественный, невольный. Такъ и взглянули на это нѣкоторые, наиболѣе „чистые сердцемъ“. Вспомните хотя-бы показаніе почтеннаго свидѣтеля г. Рудковскаго, родственника Довнара, который отдавалъ со своею супругою визитъ Александрѣ Михайловнѣ Шмидтъ въ эту квартиру. Онъ, не обвиняясь, заявилъ намъ: „этимъ фактомъ совмѣстнаго проживанія

г-жа Шмидтъ, по моему мнѣнію, санкціонировала то, что до тѣхъ поръ доходило до насъ только въ видѣ слуховъ. Съ этой поры и я и жена моя стали рѣшительно на сторону Ольги Васильевны Палемъ во всѣхъ ея послѣдующихъ столкновеніяхъ съ г-жою Шмидтъ, такъ какъ *признавали за нею нравственное право считать себя невесткой Александра Довнара*“. При нѣкоторой моральной чуткости, возможно-ли быть иного мнѣнія? Припомните также категорическое заявленіе князя Туманова, товарища Довнара. Онъ и теперь громогласно повторяетъ: „Довнаръ долженъ былъ жениться на Ольгѣ Васильевнѣ. Еслибы я былъ на его мѣстѣ, я считалъ-бы это своею нравственною обязанностію“. Итакъ, съ точки зрѣнія боевой, нравственно—боевой, если можно такъ выразиться, позиція, занимаемая въ ту пору Ольгой Васильевной Палемъ, была необыкновенно выгодная. Входи въ ея планы какіе-либо тонкіе расчеты, какое-либо лукавство, преслѣдуй ее больше мысль о самой женитьбѣ, нежели о любви и неизмѣнномъ и безраздѣльномъ обладаніи сердцемъ своего „ненагляднаго Саши“, ей было бы ясно, что остается теперь дѣлать. Ей осталось бы только разстилаться ковромъ передъ столь милостиво пожаловавшей подъ ея кровь будущей тещи своей, стараться изучить всѣ ея слабыя струны, угождать ея требованіямъ, ея вкусамъ, ласкаться, унижаться, притворствоваться и терпѣть до конца, пока наконецъ ласкою и смиреніемъ не было-бы побѣждено сердце г-жи Шмидтъ. Во всякомъ случаѣ такъ должна была бы поступать на ея мѣстѣ всякая „задумавшая женить на себѣ Довнара“. Но вся бѣда Ольги Васильевны Палемъ въ томъ и заключалась, что она ровно ничего не „задумывала“, она просто любила Александра Довнара и, по наивной слѣпотѣ всякаго любящаго сердца, „права любви“ ставила превыше всего.

Въ Милицерѣ она уже имѣла своего заклятаго и непримиряемаго врага. На лѣто ей удалось его „устранить“, те-

перь онъ появился снова. Опасенія совмѣстнаго вліянія со стороны этого несимпатичнаго ей товарища и матери на Довнара мучили ее и беспокоили. Къ сожалѣнію подробности сцены, разразившейся на второй-же день по прїѣздѣ г-жи Шмидтъ, нами недостаточно провѣрены. Мы кое-что о ней знаемъ только изъ письменнаго показанія г-жи Шмидтъ и со словъ швейцара Садовскаго и его жены. Судя по словамъ г-жи Шмидтъ, все дѣло вышло изъ за сущаго пустяка. Александра Михайловна что-то замѣтила по поводу „нехорошаго вида“ своего сына (вскорѣ онъ дѣйствительно заболѣлъ тифомъ); Палемъ мигомъ вспыхнула и заняла боевую позицію. — Она приняла это за упрекъ себѣ, за намекъ на то, что она недостаточно за нимъ ухаживаетъ, недостаточно заботится о здоровьи своего „Саши“. Слово за слово столкновение приняло угрожающіе размѣры. Неистовствуя, колотя себя въ грудь тяжелымъ мѣднымъ подсвѣшникомъ, не давая никому къ себѣ подступиться, Палемъ вопила: «не отдамъ, никому его не отдамъ... Онъ мой, мой! Вы всё противъ меня, я васъ ненавижу?...» и стала осыпать мать въ присутствіи сына упреками и оскорбленіями. Потомъ она метнулась на балконъ пятаго этажа, желая броситься съ него внизъ головой, но ее удержали. Тогда г-жа Шмидтъ, также раздрожженная и не помня себя, велѣла младшему сыну «Вивѣ» кликнуть швейцара и приказала тому: «пошлите за полиціей, позовите околodочнаго, она сумасшедшая, ее нужно запереть въ сумасшедшій домъ!» На это умный петербургскій швейцаръ дипломатично отвѣтилъ: «если сумасшедшая, такъ лучше послать бы, сударыня, за докторомъ, полиціи тутъ дѣлать нечего». Сцена эта разыгралась около 12 часовъ дня, а въ тотъ-же день вечеромъ г-жа Шмидтъ выѣхала въ меблированныя комнаты на Подъяческую. Вива и Александръ Довнаръ остались еще въ квартирѣ, причемъ, по показанію швейцара Садовскаго, около 8 часовъ вечера, когда онъ входилъ, чтобы подать

самоваръ, Палемъ и Довнаръ еще ссорились. Онъ грозилъ ей, что «уйдетъ къ матери», а она его не пускала. Въ 12 часовъ ночи Вива, возвращаясь въ училище, на ходу обнадежилъ Садовскаго, сказавъ ему: «теперь все у нихъ спокойно, помирились, будутъ спать!»

Съ этой поры война можетъ считаться объявленною. Два враждебныхъ лагеря расположились не подалеку другъ отъ друга: одинъ на Подъяческой, другой—у Кокушкина моста. Трудно было-бы съ достовѣрностью предсказать исходъ борьбы, если бы не одно случайное обстоятельство, которое однако чрезвычайно осложило дѣло. Александръ Довнаръ довольно серьезно захворалъ, онъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Г-жа Палемъ позвала доктора Морица, къ которому случалось обращаться и раньше, и настаивала, чтобы больного лѣчили дома, обѣщая самый заботливый, самый аккуратный за нимъ уходъ. Но докторъ Морицъ совѣтовалъ положить его въ Александровскую больницу, такъ какъ въ квартирѣ не было даже ванны, а больница располагала всеми необходимыми удобствами. Скрѣпя сердце, Палемъ согласилась, но выговорила себѣ право «во всякое время» являться къ больному, дежурить подлѣ него. Считая ихъ «за мужа съ женою» и замѣчая «ласковое ихъ другъ къ другу отношеніе», докторъ охотно пообѣщалъ ей это. Въ больницу сама г-жа Палемъ доставила больного въ каретѣ. На первыхъ порахъ всѣ въ больницѣ такъ и называли ее «женою Довнара»; больной самъ сестрѣ милосердія, г-жѣ Михайловой, выдавалъ ее за жену. Между тѣмъ въ больницѣ стала навѣщать сына и мать. Однажды у постели больного одновременно сошлись г-жа Шмидтъ и г-жа Палемъ. Тотчасъ-же разыгралась бурная сцена, причемъ всѣ наконецъ узнали, что это «вовсе не жена». Кончилось тѣмъ, что Палемъ перестали пускать къ больному, такъ какъ на этомъ настаивала мать въ заботахъ о спокойствіи выздоравливающаго сына. Ольга Васильевна была въ от-

чаяніи. Уязвленная въ самое сердце, она металась, какъ обезумѣвшая. Тайкомъ она однажды пробралась въ больницу комнату Довнара, потомъ каждый день являлась въ контору больницы справляться о его здоровьи. Она смутно понимала, что ея Сашу насильственно берутъ отъ нея, что его отнимають. Она галлюцинировала. По временамъ ей чудилось, что эта болѣзнь и больница только притворство и предлогъ. Ей начинало казаться, что всѣ подкуплены матерью, и докторъ Морицъ, и сестра милосердія, всѣ, всѣ, до одного человѣка. Ей вездѣ мерещилась „интрига“ Милицера и матери, которые между собою познакомились, стакнулись и рѣшили самымъ коварнымъ образомъ покончить съ нею и съ ея отношеніями къ Александру. Въ концѣ сентября она является къ дѣлопроизводителю канцеляріи института инженеровъ путей сообщенія, г. Кухарскому, и горько жалуется на судьбу. Жалобы ея формулируются такъ: и она, и Александръ Довнаръ страстно любятъ другъ друга; онъ бы давно на ней женился, но какъ студентъ, не могъ сдѣлать этого, а теперь Милицеръ и мать его препятствуютъ этому браку и хотятъ ихъ разлучить навсегда. По самому существу жалобы едва-ли это «существо» не отвѣчало въ то время дѣйствительному положенію вещей. Еще въ больницѣ, какъ свидѣтельствуешь о томъ сестра милосердія, Довнаръ называлъ ее «Оличкой», успокаивалъ ее и вообще весьма нѣжно относился къ ней.

Г. Кухарскій внимательно ее выслушиваетъ, участливо киваетъ головой, обѣщаетъ ей «всякое содѣйствіе» и обнадеживаетъ, что поговоритъ съ Довнаромъ, когда тотъ явится въ институтъ. Разказъ г-жи Палемъ производитъ на него впечатлѣніе, и онъ выноситъ изъ свиданія съ ней одно твердое убѣжденіе, которое остается и понынѣ при немъ, что она «страстно и безумно любила Александра Довнара».

Тѣмъ временемъ Довнаръ выходитъ изъ больницы и

попадаетъ къ матери на Подъяческую. Тщетно Ольга Васильевна въ назначенный день ѣдетъ за нимъ въ каретѣ въ больницу. Горе и отчаяніе ея не знаютъ границъ и предѣловъ. Она падаетъ духомъ, не спитъ ночи напролетъ, мечется, плачетъ, молится Богу, чтобы онъ сдѣлалъ «чудо» — вернулъ ей ея Сашу, — это удостовѣряютъ свидѣтели Садовскіе. Между тѣмъ судьба стережетъ ее и готовитъ новый ударъ. Переселившись на Подъяческую, Александра Михайловна Шмидтъ сразу попадаетъ въ хорошую компанію. Въ «семейныхъ меблированныхъ комнатахъ» она знакомится съ нѣкоторыми весьма приличными жильцами. Мало-по-малу они заинтересовываются ея дѣлами и ея заботами и узнаютъ объ «интриганткѣ» и «авантюристкѣ», эксплуатирующей ея сына студента, словомъ узнаютъ о «нѣкоей особѣ», г-жѣ Палемъ. Всѣ наперерывъ соболѣзнуютъ и подаютъ совѣты несчастной матери. Господа эти все истые Петербуржцы, и совѣты ихъ самые тонкіе, деликатные, столичные. Всего можно достигнуть безъ лишней огласки, стоитъ только подать умѣючи соответственное прошеніе. На такихъ, какъ Палемъ (какая-то Симферопольская мѣщанка), всегда управа найдется, очень съ нею стануть церемониться. И вотъ тутъ же на Подъяческой сочиняется и подписывается г-жею Шмидтъ весьма характерное прошеніе на имя г. С.-Петербургскаго Градоначальника, въ которомъ, не щадя, разумѣется, красокъ, расписываются на четырехъ страницахъ всѣ доблести «нѣкоей особы Палемъ». Прошеніе это подается 8-го октября, когда Довнаръ лежалъ еще въ больницѣ, а Палемъ, ничего не подозрѣвавшая, все еще проживала на общей ихъ квартирѣ въ ожиданіи, что возлюбленный ея къ ней вернется. Разумѣется идутъ справки, но затѣмъ резолюція слѣдуетъ быстро. Въ виду того что самъ Александръ Довнаръ совершеннолѣтній и ни о чемъ подобномъ самъ не ходатайствуетъ, г-жѣ Шмидтъ въ просимомъ отказываютъ. При этомъ на поляхъ прошенія

остается слѣдъ благородной мысли читавшаго это прошеніе: „туть ничѣмъ этимъ помочь нельзя“. Но вотъ новый, уже болѣе тяжкій ударъ. Самъ Александръ Довнаръ, очевидно еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, мало-душно подпавшій этическимъ воззрѣніямъ Подъяческой улицы, подаетъ 18 ноября аналогичное прошеніе. Дѣло принимаетъ болѣе серьезный для г-жи Палемъ оборотъ. Въ виду благопріятныхъ отзывовъ, полученныхъ отъ полиціи одесскаго градоначальства относительно ея нравственности, рѣчь не идетъ объ ея высылкѣ изъ столицы пока, но въ виду настоятельныхъ требованій г-на Довнара резолюція приблизительно слѣдуетъ такая: выселить г-жу Палемъ изъ квартиры Довнара (квартира дѣйствительно была на его имя) и раздѣлить ихъ имущество, какъ на томъ настаиваетъ проситель. Господа присяжные засѣдатели, свидѣтель Туцевичъ, полицейскій офицеръ, былъ командированъ для приведенія въ исполненіе этого распоряженія. Вы, безъ сомнѣнія помните его рассказъ. Признаюсь, я выслушалъ его съ глубокимъ внутреннимъ содраганіемъ, хотя самъ рассказъ былъ весьма сдержанъ и коротокъ и носилъ на себѣ оболочку весьма полированной официальнойности. Подчиниться надо было, иначе грозила высылка изъ Петербурга. Съ 10 часовъ утра до 8-ми вечера происходилъ „дѣлежъ“ имущества и «разъѣздъ» двухъ любовниковъ на глазахъ полицейскаго офицера. Г-жа Палемъ то «помогала» Довнару укладывать его вещи, то металась и плакала, то говорила ему дерзости и укоряла его, взваливая всю вину на мать. Студентъ Довнаръ держалъ себя въ это время очень корректно, а главное «очень прилично». Онъ уступалъ ей нѣкоторыя вещи, на которыхъ была ея вышивка, но тутъ-же подъ сурдину, оправдываясь въ глазахъ полицейскаго офицера, говорилъ неправду. Такъ онъ увѣрялъ г-нъ Туцевича, что она „раззоряла его“, что онъ «проживалъ съ нею по 5 тысячъ въ годъ». Вы знаете что это ложь. Въ ко-

нечномъ результатѣ и послѣ его (какъ онъ самъ удосто-
вѣряетъ это въ письмахъ къ матери) дорого стоившей
ему судебно-полицейской жизни“ въ 1893—94 года, воз-
никшей по поводу его „дѣлъ съ г-жою Палемъ“ у него
все еще изъ 15 тысячъ осталось 9500 рублей. Къ осени
же 1893 года, когда только что началась эта его „су-
дебно-полицейская жизнь“ у него было 14 тысячъ. Вспом-
ните при этомъ показаніе г-на Будковскаго относительно
билета въ 5 тысячъ рублей, принадлежавшаго Довнару,
но хранившагося у Палемъ. Какъ только между ними
начались первые нелады, она тотчасъ, по собственному
своему почину, возвратила его ему. Это было задолго до
подачи прошенія къ градоначальнику, какъ только пріѣ-
хала въ Петербургъ его мать. Г-нъ Туцевичъ свидѣтель-
ствуетъ намъ, что распоряженіе относительно г-жи Па-
лемъ было приведено имъ въ исполненіе въ такомъ видѣ.
Изъ квартиры она была удалена въ тотъ же день, но
вещи, и его и ея, пока остались. Его имуществомъ за-
полнены были „парадные“ комнаты; ей отведена была
кухня. Ключъ отъ парадной двери Довнаръ взялъ съ
собою, ей дали ключъ отъ кухни. По свидѣтельству г-на
Туцевича она выходила изъ квартиры взволнованная,
потрясенная. Я думаю! Изъ насиженнаго гнѣзда, свитаго
ею съ такимъ стараніемъ, съ такою заботою, изъ квар-
тиры, гдѣ каждый уголъ былъ ей дорогъ и милъ, гдѣ на
стѣнѣ каждый гвоздь былъ вбитъ ея собственною ру-
кою,—ее выбрасывали прямо на улицу, какъ не выбра-
сываютъ и послѣднюю негодную тварь. Будь она даже
та „продажная женщина“, о которой говорить здѣсь
больше не рѣшаются, развѣ такъ разстаются, развѣ та-
кимъ способомъ «отдѣлываются» даже и отъ продажной
женщины. А вѣдь съ этою женщиною, какъ ни какъ, онъ
прожилъ четыре года и, по собственному сознанію гг.
обвинителей, эта женщина была ему вѣрна. Съ собакою,
которая четыре года покорно лижетъ вашу руку, не раз-

стаются такъ, какъ разстался Довнаръ съ Палемъ. Вѣдь онъ жилъ у матери, онъ вырвался изъ ея «тенеть» изъ ея „сѣтей“. Чего же еще ему было нужно? Зачѣмъ же понадобилось выбрасывать ее на улицу изъ квартиры, которая при томъ наполовину была ея собственною. И потомъ—этотъ „раздѣлъ“. Поистинѣ что-то ужасное. Или нравственное чутье можетъ до такой степени притупиться, вовсе исчезнуть, атрофироваться. Разъ ты считаешь ее только любовницей, отъ которой пришла пора отдѣлаться, такъ оставь-же ей хоть тотъ жалкій скарбъ, который за эти годы сожителства самъ натакалъ въ ея нору. Нѣтъ, спорятъ изъ-за каждой вещи: кѣмъ куплена? Одинъ изъ благородныхъ жильцовъ съ Подъяческой, г-нъ Тихоцкій, сопровождаетъ на другой день г. Довнара „по парадной“ въ запертую на ключъ квартиру. Вещи осматриваются, оцѣниваются, ихъ насчитываютъ на 500 рублей. Часть перевозятъ. Не говорите мнѣ послѣ этого, что Палемъ была „неровня“ кому-то, что она не смѣла въ сущности даже и „мечтать“ о замужествѣ и о такомъ мужѣ, какъ Довнаръ. Неправда. Такъ можно дѣлиться только съ равной. Даже ваши мелочные, грошовые счета вы сами съ нею сводили, какъ сводятъ ихъ только равный съ равнымъ. Все время вы стояли съ нею на равной ногѣ, ни на одну секунду вы не были выше.

Послѣ всего случившагося, положеніе Палемъ оказалось совершенно критическимъ. Выбитая изъ колен, выброшенная изъ насиженнаго угла, безъ друзей, безъ знакомыхъ, нравственно истерзанная, она кидалась ко всѣмъ, къ первому встрѣчному, кто только не отказывался ее слушать: «помогите, защитите, научите, что мнѣ дѣлать!» И ее охотно многіе слушали. Этимъ многимъ, оцѣнивая все, что случилось, всю совокупность обстоятельствъ, все фатальное сѣйленіе позднѣйшихъ случайностей, я бы невольно не безъ ироніи теперь сказалъ: «что и жалеть, коли не чѣмъ помочь»: и при этомъ невольно бы

вспомнилъ мудрое изреченіе, положенное резолюціею на первомъ прошеніи г-жи Шмидтъ: «этимъ тутъ помочь нельзя». Но ее слушали и жалѣли. Да надо же правду сказать, и не пожалѣть было нельзя. А вы, быть можетъ, вспомните ту характеристику, которую я сдѣлалъ раньше относительно нѣкоторыхъ особенностей психическаго склада характера подсудимой: «пожалѣйте ее изъ вѣжливости, изъ приличія только, она заплачетъ настоящими горячими слезами». Такъ и случилось. Лучше бы ужъ она встрѣтила вездѣ сразу суровый и непреклонный отпоръ. По крайней мѣрѣ разомъ одинъ конецъ всѣмъ ее мученіямъ. Переболѣло бы, потосковало бы сердце, да можетъ быть и очнулось: кого—любила? Кому отдала лучшіе годы жизни? На кого возлагала всѣ надежды? Кому вѣрила, на кого молилась... Мало-ли такихъ «разбитыхъ сердець» носить въ себѣ люди, мало-ли «несбывшихся надеждъ» разсѣяно по бѣлу свѣту. И ничего, жизнь идетъ своимъ чередомъ. Не всѣ же кончаютъ самоубійствомъ, не всѣ же попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Такъ могло случиться и съ Палемъ. Къ сожалѣнію, «случилось» иначе.

Мы должны отмѣтить теперь послѣдовательно тѣ усилія, которыя были направлены къ тому, чтобы поддержать ее, защитить, отстоять ея интересы. По странному, противорѣчивому несовершенству условій нашей жизни, по моему глубокому убѣжденію, всѣ эти условія имѣли для нея совершенно обратное и скорѣе всего пагубное значеніе. Послѣ того административнаго способа, какимъ врасплохъ напали на Палемъ, съ ея стороны было вполне естественно негодовать, возмущаться, жаловаться, искать защиты. Во всѣхъ своихъ жалобахъ она однако всюду выгораживаетъ самого Александра Довнара. Она видитъ въ немъ только безхарактернаго и малодушнаго человѣка, который подпалъ всецѣло вліянію матери и Милицера. Въ подтвержденіе своихъ словъ она показываетъ письма своего Саши, и изъ нихъ дѣйствительно нельзя не убѣ-

даться, что онъ адресовалъ ихъ ей, какъ своей женѣ, что онъ любилъ ее горячо и страстно. Она желала-бы только возмездія для Милицера и матери Довнара, такъ какъ они дѣйствительно глубоко, кровно оскорбили ее. По иниціативѣ г. Кухарскаго все институтское начальство заинтересовывается личностью и поступками Довнара. Естественно возникаетъ даже вопросъ: можетъ-ли быть терпимъ въ средѣ студентовъ молодой человѣкъ съ подобной нравственной физиономіей? Самъ директоръ института, почтенный г. Герсевановъ, въ нѣсколько пріемовъ долго и внимательно выслушиваетъ г-жу Палемъ, призываетъ выслушать ее и нѣсколькихъ профессоровъ и, наконецъ, снабжаетъ ее своей визитною карточкой, на которой рекомендуетъ «защиту ея интересовъ» своему родственнику, извѣстному, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ адвокату и опытному юристу, присяжному повѣренному С. А. Андреевскому. Всѣ находятъ ее «обиженною», всѣ готовы принять ея сторону, но не знаютъ только, какъ за это дѣло взяться. Даже юристъ въ затрудненіи, хотя принципиально онъ находитъ, что тутъ можно было-бы поднять судебное дѣло. Онъ даже направляетъ г-жу Палемъ къ прокурору. Въ концѣ концовъ изъ всего этого ровно ничего существеннаго для нея не выходитъ, но никто не отказываетъ ей въ «нравственной поддержкѣ», въ словѣ участія и сожалѣнія. Всѣ эти господа находятъ теперь, что это ихъ участіе, эти ихъ разговоры, эти ихъ академическія выворачиванія вопроса на разные лады были лишь успокоительными рецептами, въ пропискѣ которыхъ не откажетъ ни одинъ докторъ самой трудной и безнадежной больной. Въ ихъ глазахъ для болѣзни, гдѣ единственный цѣлитель — время, въ этихъ участливыхъ рецептахъ не было ничего вреднаго, ничего кромѣ aqua destillata, въ достаточной мѣрѣ разсыропленной. Къ сожалѣнію, я никакъ не могу согласиться съ этимъ. Зная теперь складъ ума и характера г-жи Палемъ,

не понимающей никакихъ словъ, сказанныхъ такъ себѣ, для видимости, на вѣтеръ, все принимающей за самую чистую монету, это былъ разсыропленный ядъ, который она медленно глотала. Конечно, предвидѣть этого было невозможно. Но вы встаньте только въ положеніе тяжко оскорбленной женщины, которой сочувствуютъ такія лица, какъ гг. Герсевановъ, Андреевскій, Кухарскій и еще многіе другіе. Могла-ли она сомнѣваться, что идетъ прямой дорогой. Не лучше-ли было-бы, еслибы безъ всякой сентиментальности ей разомъ открыли глаза на грязную прозу жизни. Ей могли приблизительно сказать такъ: симферопольская мѣщанка Ольга Палемъ, ты мечтаешь о недостижимомъ. Разъ тебя толкнули по наклонной плоскости внизъ, катись безмолвно до самой глубины пропасти.

Мало-ли такихъ, какъ ты? Не цѣпляйся по-пусту за выдающіяся на твоемъ пути препятствія, не рви своихъ ногтей, не кровавь своихъ рукъ, мы безсильны помочь тебѣ. Это было-бы жестоко, но это была-бы правда. Но они тоже люди, и имъ захотѣлось пожалѣть ее. Это была большая ошибка. Несовершенства жизни требуютъ холодныхъ сердець.

„Недоразумѣнія“ г-жи Палемъ съ Александромъ Довнаромъ, вѣроятно благодаря отсутствію въ то время г-жи Шмидтъ, которая успѣла вернуться въ Одессу, завершились въ стѣнахъ канцеляріи Института въ концѣ ноября 1893 года слѣдующей странною, чтобы не выразиться иначе, формулою. Послѣ очень продолжительнаго личнаго объясненія между собою въ присутствіи г. Кухарскаго, Довнаръ и Палемъ пришли къ „миролюбивому соглашенію“. Довнаръ заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы сожителствовать по прежнему съ Ольгою Васильевной Палемъ, почему обязывается ее „не бросать“, она-же въ свою очередь обязуется не требовать отъ него насильственнаго брака „и не подавать ни-

куда жалобъ“. Въ этомъ смыслѣ съ той и съ другой стороны были выданы даже „подписки“, тутъ-же въ присутствіи дѣлопроизводителя канцеляріи. Разберитесь во всемъ этомъ, если можете, г.г. присяжные засѣдатели, я рѣшительно безсиленъ помочь вамъ. Я только констатирую фактъ. Можно было заранѣе предсказать, что это явится наименѣе удачнымъ паліативомъ для подобной во всякомъ случаѣ очень обострившейся и очень осложнившейся болѣзни. Время показало это. Но пока «любовная пара» прямо изъ стѣнъ институтской канцеляріи дружно направляется въ поиски за квартирой. На этотъ разъ имѣется однако въ виду нанять двѣ меблированныя комнаты, хотя и въ одномъ общемъ корридорѣ, хотя по возможности и рядомъ, но съ двумя самостоятельными входами. Такое расположеніе двухъ смежныхъ комнатъ, съ промежуточною дверью между ними, которая могла бы при надобности открываться и соединять воедино обѣ половины помѣщенія, находятъ на Фантанкѣ въ меблированныхъ комнатахъ нѣкоего г. Сарасѣка. Этотъ почтенный квартиро-хозяинъ, весьма дорожающій добрымъ реноме своихъ меблированныхъ комнатъ, весьма обстоятельно доложилъ намъ все, чему былъ свидѣтелемъ. Пришли они зимою въ концѣ 1893 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ. Каждый нанялъ комнату для себя и каждый за нее сталъ платить отдѣльно. Комната Довнара была въ одно окно и стоила ему 16 руб. въ мѣсяцъ, комната г-жи Палемъ—въ 2 окна, стоила ей 28 руб. Промежуточныя двери часто открывались и такимъ образомъ составлялось одно общее помѣщеніе. Какой-то товарищъ Довнара (очевидно г. Миллицеръ) не разъ желалъ проникнуть къ Довнару, но г-жа Палемъ рѣшительно воспротивилась этимъ свиданіямъ. Кончилось тѣмъ, что по настояніямъ Ольга Васильевна этого господина перестали вовсе принимать, и онъ переговаривался съ Довнаромъ записками, которыя заносилъ самъ. Ссоры между расположившимися въ столь тѣсномъ

сосѣдствѣ любовниками случались и нерѣдко. Довнаръ обыкновенно не поднималъ голоса, но Ольга Васильевна, при подобныхъ обстоятельствахъ не стѣняясь, шумѣла на всю квартиру. Нерѣдко она жаловалась однако, что Довнаръ ее бьетъ и щиплетъ втихомолку. Чтобы возбудить ревность «Саши», котораго она, по наблюденію г. Саросѣка, все таки очень любила, она выходила иногда на площадку лѣстницы и кокетничала, громко разговаривая, съ сосѣдними жильцами, молодыми людьми. Какъ аккуратному квартирохозяину, г. Саросѣку такіе беспорядки вообще не нравились, но онъ отчасти все-таки жалѣлъ Ольгу Васильевну. Видимо она была несчастлива, часто плакала и очень убивалась о томъ, что Довнаръ на ней никогда не женится, хотя раньше хотѣлъ жениться и даже обѣщалъ ей это. Зная, что г-жа Палемъ имѣетъ нѣкоторыя «свои средства», г. Саросѣкъ пытался отвлечь ее отъ Довнара, говоря, что она еще молода и даже самъ вызывался найти ей жениха. Ольга Васильевна однако слышать не хотѣла. Она твердила свое: если Довнаръ не будетъ ей принадлежать, ей никого не нужно..., она покончить съ собою.

Передъ самымъ рождествомъ произошла бурная сцена. Довнаръ порѣшилъ выбраться. Несмотря на ея просьбы, моленія, заклятія, оставивъ ее въ истерическомъ припадкѣ, онъ уѣхалъ. Князь Тумановъ, товарищъ Довнара, жившій въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ, принялся ее отхаживать. Пришлось поднять на ноги всю квартиру, посылать за докторомъ и въ аптеку. Призванный врачъ г. Твирбутъ констатировалъ глубокое разстройство нервовъ, прописалъ абсолютный покой, велѣлъ класть холодные компрессы на голову и т. п. Всю ночь съ нею провозились. Тутъ-то намъ и приходится отмѣтить одну подробность въ высокой мѣрѣ характерную. Однимъ штрихомъ она рисуетъ въ свою очередь двойственность отношеній самого Довнара къ Палемъ. Среди

ночи вдругъ раздается звонокъ. На звонокъ выходитъ дежурившій у больной князь Тумановъ. Онъ просто остолбенѣлъ отъ удивленія: передъ нимъ Довнаръ, только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ выѣхавшій отсюда такъ рѣшительно со всѣмъ своимъ багажемъ. Что такое? Что случилось? Услыхавъ отъ князя Туманова, что докторъ запретилъ впускать теперь кого либо къ Ольгѣ Васильевнѣ, Довнаръ безмолвно стоитъ нѣкоторое время. Наконецъ онъ проситъ князя Туманова «передать ей вотъ это». Что такое? Мѣшокъ съ апельсинами «по случаю наступающаго праздника». Князь Тумановъ только руками развелъ. Такъ какъ г-жа Палемъ ночь провела очень дурно, и припадки съ нею возобновлялись, то онъ не рѣшился тогда же рассказать ей о приходѣ Довнара. Только на другое утро онъ передалъ ей пакетъ съ апельсинами и сказалъ, что это принесъ Довнаръ. Она не повѣрила и расплакалась. Она была убѣждена, что князь Тумановъ самъ купилъ апельсины и рассказываетъ ей небылицы, чтобы чѣмъ-нибудь ее развлечь. Въ тотъ же день опять заходитъ Довнаръ. Какъ только Палемъ увидала его, такъ утверждаетъ свидѣтель, — она «ужасно обрадовалась» и «ментально выздоровѣла». Когда онъ ушелъ, ей стало опять худо. Такъ совершилось ихъ второе довольно болѣзненное разставанье, по поводу котораго, кипя своимъ честнымъ, молодымъ и благороднымъ негодованіемъ, князь Тумановъ не находитъ достаточно словъ, чтобы всецѣло осудить Довнара и встать на защиту Ольги Васильевны. Меблированныя комнаты г. Саросѣка, разъ въ нихъ не было ея «Саши», ментально опостылили ей, и она поспѣшила выбраться. На Рождествѣ Довнаръ ѣздилъ въ Одессу и Палемъ издали слѣдила за нимъ. Въ его отсутствіе она совершенно падаетъ духомъ и впадаетъ въ какое-то глубоко-мрачное религіозное настроеніе. Нѣтъ той часовни, въ которой-бы она не побывала, нѣтъ того чудотворнаго образа, которому-бы она не помолилась. Мысль

о Довнарѣ, исключительно о Довнарѣ, ни о чемъ больше, преслѣдуетъ ее, мучить, терзаетъ. Нервная система ея начинаетъ приобрѣтать рѣшительно какую-то сверхчувственную виртуозность. Она руководится инстинктами, предчувствіями, и они не обманываютъ ея. Вы, вѣроятно, припомните эпизодъ, произведшій здѣсь такую сенсацію. О немъ рассказывалъ намъ Милицеръ. Возвращаясь изъ Одессы, полный всевозможныхъ совѣтовъ и предостереженій своихъ домашнихъ по адресу «негодной интригантки», Довнаръ, опасаясь, чтобы Палемъ его не вздумала встрѣтить на Варшавскомъ вокзалѣ, пересаживается на станціи Александровской въ поѣздъ Царскосельской желѣзной дороги. Первая, кого онъ встрѣтилъ на платформѣ Царскосельскаго вокзала, — была Ольга Васильевна Палемъ. Но увы! теперь уже Александръ Довнаръ былъ слишкомъ подъ влияніемъ домашнихъ толковъ и розысковъ относительно «нравственности» г-жи Палемъ. Его успѣли слишкомъ враждебно къ ней настроить. Забывъ и о своей «подпискѣ», данной институтскому начальству, въ которой онъ обязывался «не бросать» ее, имѣя притомъ въ карманѣ рекомендательное письмо къ нѣкому всесильному одесскому адвокату, проживающему большую часть времени въ Петербургѣ, а про запасъ еще и фотографическую карточку г-жи Палемъ, добытую имъ, какъ намъ уже извѣстно, совмѣстно съ г. Матеранскимъ въ извѣстномъ притонѣ, онъ повидимому твердо порѣшилъ на этотъ разъ раздѣлаться съ нею окончательно.

Свиданіе было сухо и не обѣщало впереди ничего радостнаго, хотя къ чести Довнара слѣдуетъ отмѣтить, что онъ всетаки не счелъ возможнымъ послѣдовать во всей точности находчивому совѣту своей матери преподанному ему въ одномъ изъ писемъ ея, относящихся именно къ этому времени: «если на улицѣ встрѣтишь эту интригантку, отвернись, какъ будто ты ее вовсе не знаешь». Было легче написать это, чѣмъ сдѣлать. И Довнаръ

со своимъ практическимъ складомъ ума отлично понималъ это.

Г-жа Палемъ тѣмъ временемъ опять наняла себѣ меблированную комнату и поселилась у г-жи Николаевой. Вы видѣли ее здѣсь въ качествѣ свидѣтельницы. Она намъ подробно рассказала о томъ, что творилось съ Ольгою Васильвеною подъ ея гостепріимнымъ кровомъ. Всю свою бѣду Палемъ въ какой-то упорной наивности продолжала приписывать исключительно матери Довнара, г-жѣ Шмидтъ. Она не щадила черныхъ красокъ для обрисовки ея нравственной фізіономіи, не стѣснялась въ словахъ для ея характеристики. Александра Довнара она напротивъ всячески выгораживала. Ночи проводила она безъ сна и молилась безъ конца. Ее не покидали надежды, что рано или поздно ея Саша вернется къ ней. На г-жу Николаеву, особу по ея собственному признанію, крайне нервную и очень сердобольную, одинъ видъ душевныхъ мукъ, переживаемыхъ несчастною Палемъ, производилъ удручающее впечатлѣніе. Она сама едва не заболѣла. Къ этому времени относится одно привходящее обстоятельство, которое я опять таки вынужденъ поставить, въ качествѣ противорѣчивой житейской неожиданности, въ нѣкоторую связь съ «несовершенствами жизни». Г-жа Палемъ поѣхала въ Кронштадтъ. Въ ея тяжеломъ, жаждавшемъ религіознаго успокоенія настроеніи это было такъ понятно, такъ естественно. Смятеніе духа, казалось-бы, искало авторитетнаго пастырскаго слова утѣшенія, жаждало молитвы, требовало высшаго, чуждаго земныхъ тревогъ, участія и соболѣзнованія. Можно было ожидать, что она возвратится оттуда если и не совершенно воскресшая духомъ по слову высшей благодати, то во всякомъ случаѣ нѣсколько умиротворенная, духовно просвѣщенная и успокоенная. Въ рукахъ ея можно было ожидать всего, чего угодно: образка, просфоры, молитвы... только не того рекомендательнаго письма къ г. министру путей сообщенія, съ которымъ она

вернулась въ Петербургъ. И начались опять ея хоженія по канцеляріямъ и приѣмнымъ. Ея выслушивали, ей соболѣзновали, даже обнадеживали. Одно время возникла была мысль: все ея дѣло, какъ «дѣло чести», отдать на судъ не формальный, судъ товарищей студента Александра Довнара. Кто знаетъ, можетъ быть, это и былъ бы наилучшій исходъ. Вѣдь существуютъ-же проклятые вопросы, которые могутъ рѣшаться только на полѣ чести. Судъ равныхъ, судъ товарищей такъ или иначе сказалъ-бы свое рѣшающее слово и быть можетъ нравственно успокоилъ-бы ту или другую сторону. Но и на этотъ разъ до извѣстной степени пожалуй утопическія, но во всякомъ случаѣ благородныя и добрыя намѣренія разбились о прозу жизни. Одесскій адвокатъ, проживающій въ Петербургѣ, взявшій подъ свое покровительство интересы Довнара, принялъ своевременно свои мѣры. Черезъ своего знакомаго, свидѣтеля г. Бухорина, дѣло было соотвѣтственнымъ образомъ «передоложено» и интересы г-жи Палемъ и корпоративной чести товарищеской среды были оставлены въ сторонѣ. Дѣло получило исходъ прямо противоположный первоначально намѣченному, не выходя притомъ изъ сферы негласныхъ, канцелярскихъ отписокъ. Какъ торжествующе писала потомъ Александра Михайловна Шмидтъ сыну, отгнѣняя въ письмѣ заслуги рекомендованнаго ею адвоката, «ей (т. е. Палемъ) вездѣ было отказано». Но этимъ не кончились сложныя злоключенія г-жи Палемъ и «судебно-полицейскій» азартъ самого Довнара, руководимый предусмотрительною тактикой не явившагося сюда на судъ, хотя и вызывавшагося въ качествѣ свидѣтеля адвоката, къ тому времени еще не остылъ, 12 февраля 1894 г. черезъ агента сыскной полиціи, г. Красова, давшего намъ здѣсь свои показанія, у г-жи Палемъ отобрали письма, ея собственныя письма, писанныя ей Александромъ Довнаромъ, и нѣсколько писемъ къ ней его матери г-жи Шмидтъ. Предоставляю вамъ судить, гг. присяжные, о значеніи по-

добнаго шага. Если мои письма «ровно ничего не доказываютъ», если мое дѣло правое, если я чистъ и правъ, то пусть ихъ читають хоть на площади. Чѣмъ больше людей ихъ прочтеть разомъ, тѣмъ быстрѣй разойдется молва о моей правотѣ. Казалось бы такъ. Стало быть письма что-нибудь доказывали. Г. Красовъ на что ужъ, кажется, человѣкъ по своей профессіи притерпѣвшійся, а и тому было немножко жутко исполнять порученіе. Ужъ очень плакала, ужъ очепь убивалась Ольга Васильвна, она цѣловала письма Довнара и, рыдая, говорила: «и это она (намекая на мать) у меня отнимаетъ!»

«Живой обмѣнъ мыслей по поводу побѣды столь блистательно и столь рѣшительно одержанной надъ беззащитной женщиною, возникшій тотчасъ въ перепискѣ между сыномъ и матерью, вамъ навѣрное, гг. присяжные засѣдатели, памятенъ: «судебно-полицейскія» усилія, о которыхъ столь демонстративно Довнаръ писалъ г-жѣ Шмидтъ, наконецъ окончились. Возникалъ еще только вопросъ, нельзя ли повліять и на г-на Кандинскаго, чтобы онъ, съ своей стороны, «поменьше давалъ денегъ Палемъ», въ расчетъ, что при такихъ условіяхъ она вынуждена будетъ «сойтись» съ кѣмъ-нибудь, т. е., по просту, идти на содержаніе. Съ точки зрѣнія матери, обмѣнивающейся на счетъ этого задушевными своими мыслями съ сыномъ, для окончательнаго «исхода дѣла», по миѣнію г-жи Шмидтъ, это было-бы самое полезное. Шли впрочемъ и болѣе благодушныя, подъ конецъ лишь пѣсколько обострившіеся переговоры матери съ сыномъ о томъ, не поднести ли столь успѣшно дѣйствующему адвокату, сверхъ положеннаго ему вознагражденія, еще какой-либо „приличный» подарокъ или хотя-бы «сотню дорогихъ сигаръ». Практическія соображенія г-жи Александры Шмидтъ однако и здѣсь взяли верхъ. Она находила, что во первыхъ «Палемъ всетаки не выслали изъ Петербурга» и что такимъ образомъ высшій результатъ ходатайства все-же долженъ почитаться

неосуществленнымъ; во-вторыхъ, что уплаченнаго деньгами гонорара, по ея мнѣнію, вполне достаточно и что, наконецъ, въ третьихъ, она (въ качествѣ тонкаго знатока людскихъ слабостей) знаетъ отлично, что «эти господа» (т. е. адвокаты), любятъ иногда разыгрывать изъ себя *grands seigneurs* и щегольнуть великодушіемъ, защищая дѣло «изъ одной только чести»... Адвокатъ, который вышеуказаннымъ образомъ защищалъ дѣло Александра Довнара, по благородному убѣжденію его матушки, главнымъ образомъ «изъ чести», поквитался за то и подаркомъ и сигарами. При немъ за то пусть остается слава. Г. Кандинскій, тотъ разумѣется, не внялъ внушеніямъ г-жи Шмидтъ, онъ дѣйствительно къ чести его не только не отвернулся отъ г-жи Палемъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, но наоборотъ успокаивалъ ее, какъ умѣлъ, совѣтовалъ «бросить все», оставить Петербургъ и возвратиться въ Одессу. Въ концѣ февраля г-жа Палемъ побывала въ Одессѣ. Кандинскій ахнулъ, увидѣвъ ее. Она была на себя непохожа. Желтое лицо, съ провалившимися лихорадочно-блестящими глазами, возбуждало и ужасъ, и сожалѣніе. Она состарилась за одну зиму на нѣсколько лѣтъ. Другого разговора, какъ о монастырѣ и о самоубійствѣ, у нея не было. Тщетно Кандинскій пытался отвлечь ея мысли, заставить ее чѣмъ-нибудь интересоваться, она ничего не слушала, ничего не понимала. Пробывъ нѣсколько дней въ Одессѣ, она безумно стосковалась и помчалась опять въ Петербургъ. Тутъ и начинается послѣдній актъ печальной драмы, гг. присяжные засѣдатели. Вамъ уже недолго дарить меня вниманіемъ. Долженъ-ли я перечислять отзывы всѣхъ врачей, прошедшихъ передъ нами, называть свидѣтелей г. Постернацкаго, Морица, Зельгейма, Творбута и др., чтобы имѣть право сказать, что въ то время въ лицѣ подсудимой Палемъ мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ нервно-больной. Самъ г. экспертъ Рукovichъ, полицейскій врачъ, вызван-

ный обвинительною властью, не смѣетъ отрицать этого. На основаніи всего прошлаго подсудимой онъ, напротивъ, самъ константируетъ у нея наличность истеріи и особаго несомнѣнно-болѣзненнаго невротеническаго состоянія. Въ качествѣ эксперта, дающаго здѣсь свое «научное» заключеніе, онъ лишь провозглашаетъ абсолютную разграниченность двухъ самостоятельныхъ сферъ, нервной и психической, дѣятельности человѣка. Онъ выражается весьма категорично, утверждая, что константированныя имъ нервныя болѣзни у г-жи Палемъ (невротенія и истерія) не имѣютъ *ничего общаго* съ психическою дѣятельностью субъекта вообще. Не слишкомъ-ли категорично, не слишкомъ-ли самоувѣренно сказано? Судъ отказалъ мнѣ въ вызовѣ болѣе авторитетныхъ специалистовъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, находя, что вопросъ исчерпанъ и исчерпанъ отрицательно, въ смыслѣ отсутствія какого-либо болѣзненнаго психоза у подсудимой. Пусть такъ. Да позволено мнѣ будетъ однако не согласиться съ заключеніемъ г. Руковича въ той его части, гдѣ онъ возводитъ глухую стѣну между болѣзненностью нервною и психическою. Не надо быть медикомъ, чтобы понимать, что живой организмъ не складная машина, которую можно развинтить по частямъ. Нельзя снять голову, достать сердце, выложить нервы и сказать, что это и есть живой организмъ. Всякому понятно, что если мозгъ воспринимаетъ ощущенія и раздраженія нервами и если нервы больны, то и раздраженія и ощущенія не могутъ предаваться по такимъ проводникамъ правильно. Здѣсь свѣтитъ электричество, конечно, не тѣ проволоки, которыя идутъ по стѣнамъ, но попробуйте ихъ надрѣзать, — мы останемся въ потемкамъ. Я вовсе не хочу сказать этимъ, что подсудимая сумасшедшая или безумная. Совсѣмъ нѣтъ. Я только утверждаю, что, задолго до катастрофы, нервная ея болѣзненность константирована несомнѣнно. Оцѣнивая всѣ ея поступки, всѣ ея душевныя движенія, упускать этого изъ виду невозможно. Упади

всѣ событія, о которыхъ я велъ рѣчь, на здоровую почву, на организмъ жизнѣдѣтельный, нормальный, легко страхи- вающій съ себя всѣ гнетущія, тяжелыя ощущенія, картина навѣрное получилась бы совершенно иная. Но мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ болѣзненно-нервнымъ, измотавшимъ послѣдніе остатки своихъ душевныхъ силъ. Такою вы ее и берете, отправляясь за поисками того, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, на почвѣ юридическихъ фикцій и построений. Г. прокуроръ утверждаетъ, что тутъ—самое грозное убійство, убійство съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, убійство—месть. Но вѣдь месть злорадствуетъ, месть торжествуетъ, въ этомъ ея пища. А вѣдь секунду вслѣдъ затѣмъ она спѣшитъ убить себя, самую себя отдать въ пищу червямъ.

Какая месть! Когда было злорадствовать, когда торже- ствовать? И вѣдь не просто месть, а «преднамѣренная», «заранѣе обдуманная». Что-же спрашивается тутъ «обду- мано»? Еще говорятъ: заманила его подъ „вымышлен- нымъ предлогомъ“. Хорошъ «вымышленный» предлогъ... Постель смята, вся ночь проведена вмѣстѣ, на стѣнѣ— эмарховская кружка. Спрашивается, для чего-бы понадо- билась эта послѣдняя прозаическая предосторожность, если бы „заранѣе“ было рѣшено умереть и убить. Нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели, съ этимъ обвиненіемъ въ пред- намѣренномъ убійствѣ, вамъ ровно дѣлать нечего, отъ него отступился даже г. представитель гражданскаго иска, повѣренный матери убитаго. Далѣе слѣдуетъ также умы- шленное, также намѣренное, но лишь возникшее по вне- запному умыслу убійство на почвѣ нормального, здороваго (физиологическаго, а не патологическаго) аффекта, то, что нашимъ закономъ именуется «въ запальчивости и раздра- женіи». Это также преступленіе тяжкое и съ нимъ счи- таться надо. Человѣкъ, совершившій его сознательно, вполне отвѣтственъ за свои дѣйствія. Подсудимая утвер- ждаетъ, что она *не хотѣла убить* Довнара, намѣренія

покуситься на его жизнь не было, она стрѣляла, не помня себя, и, только увидѣвъ, что онъ убитъ, рѣшилась покончить съ собою.

Съ 10 часовъ вечера 16 мая до 4 часовъ слѣдующаго дня, они остались вдвоемъ, съ глазу на глазъ. Свидѣтелемъ между ними былъ только одинъ Богъ. Какое-же право мы имѣемъ безусловно отвергать ея объясненіе. Если дѣло было именно такъ, какъ она объясняетъ, — она не убійца, она несчастная, мы надъ нею рыдать должны, какъ рыдала съ нею въ мѣстѣ запертая въ камерѣ арестантка Гордина, которой она не разъ говорила: «подумай, какая я несчастная и какой на мнѣ грѣхъ; я не хотѣла, а рука моя убила человѣка и человѣка любимаго»!...

Такъ докажете-же, что она убійца, что она *хотѣла* этого убійства. А револьверъ, возразятъ мнѣ, револьверъ, который она приобрѣла заранѣе, а нѣкоторыя ея выраженія и слова, сказанныя до и послѣ убійства? А фраза, знаменательная фраза, произнесенная ею въ присутствіи прибывшаго въ гостинницу пристава: „рано или поздно *это* должно было случиться“. Случилось, стало быть это и было именно то, чего она хотѣла.

Придется опять вернуться къ кропотливому анализу фактовъ, опять серьезно и добросовѣстно вдуматься въ обстановку, въ которой совершилась двойная бѣда: убійство и покушеніе на самоубійство.

Мы знаемъ, что съ марта (послѣ своей Одесской поѣздки) подсудимая поселилась въ одномъ изъ номеровъ люднаго Пале-Рояля. Въ этомъ каменномъ мѣшкѣ въ комнатѣ пятаго этажа она поселилась настоящею отшельницей. При ней, въ качествѣ прислуги, стиравшая ей бѣлье Анна Власова помѣстила свою 14-лѣтнюю дочь Софью Власову. Дѣвочка жила въ одной комнатѣ съ „барышней“, и отъ нея мы знаемъ подробно, какъ проводила свое время Палемъ, каковы были ея думы и заботы. Она много

молилась, часто плакала, иногда работала, читала, гадала на картахъ. Каждый день около часа дня она ѣздила въ Казанскій соборъ и брала дѣвочку съ собою. Тамъ опускалась на колѣни и подолгу не поднимала головы. Дома въ ея обстановкѣ на первомъ планѣ были чтимые ею образа и фотографическій портретъ отца Іоанна Кронштадскаго съ собственноручною его надписью. Рядомъ съ этимъ при ней всегда былъ револьверъ. По показанію г-жи Будковской, которая принимала въ ней нѣкоторое участіе, недѣли за двѣ до убійства, Палемъ была у нея, заходила на нѣсколько минутъ. Свидѣтельница замѣтила очень тревожное и мрачное ея настроеніе. Она попробовала было заговорить съ нею о Довнарѣ, старалась ее успокоить, говоря, что ужъ изъ одного самолюбія покинутая женщина должна бы побороть себя или хоть сдѣлать видъ, что переноситъ разлуку равнодушно; но Палемъ расплакалась, перебила ее тономъ, въ которомъ г-жа Будковская почувствовала предвѣстіе какого нибудь ужаснаго несчастья, сказала ей: прощайте, не поминайте меня лихомъ. Помолитесь обо „мнѣ“! Г-жа Будковская тогда-же поняла, что Ольгу Васильевну преслѣдуетъ идея о самоубійствѣ, и что она борется съ нею. Кажущаяся двойственность въ настроеніи молодой женщины не должна смущать насъ. Съ одной стороны—молитва, съ другой—револьверъ. Лишь съ перваго взгляда это можетъ сказаться несомвѣстнымъ. Когда человѣкъ уже весь во власти глубокаго упадка духа, когда онъ изнемогаетъ подъ бременемъ своихъ мучительныхъ сомнѣній, и вѣра и отчаніе одинаково близки, одинаково доступны ему. Весь вопросъ, что пересилить, въ чьей останется онъ власти. Вы знаете, что револьверъ она первоначально приобрѣла еще въ Одессѣ. Это былъ дрянной, грошовый бульдогъ, купленный ею за 14 рублей. За эту цѣну нельзя имѣть порядочнаго револьвера.

Недѣли за двѣ до 17 мая, она обмѣняла его въ магазинѣ Лежена на небольшой, вполне исправный револьверъ систе-

мы Смитъ Вессонъ. Можно твердо рѣшиться на самоубійство, и сознательно идти на него, но искалѣчить себя, только поранивъ, благодаря случайностямъ дряннаго оружія, согласится не всякій. Этого и боялась Палемъ. Она слышала и отъ Довнара, что ея револьверъ — бульдогъ никуда не годится. На эту тему разговоръ подсудимая, по ея словамъ, вела съ убитымъ въ послѣдній разъ не долѣе, какъ недѣли за три до происшествія. Намъ, знающимъ всѣ подробности дѣла, и это, приводимое ею, обстоятельство не можетъ представиться невѣроятнымъ, оно намъ не кажется даже страннымъ. Достоверно извѣстно, что въ этотъ послѣдній періодъ ихъ отношеній, они дѣйствительно встрѣчались, видѣлись, не говоря уже о томъ, что они очень часто переписывались. Благодаря показаніямъ студента Панова, письмамъ, найденнымъ по обыску въ комнатахъ Довнара и Палемъ, а также нѣкоторымъ письмамъ этой послѣдней, отобранными также по обыску у г. Кандинскаго, мы можемъ съ достаточно жизненными подробностями возстановить передъ собою картину тѣхъ отношеній, которыя установились между Палемъ и Довнаромъ на протяженіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ и существовали вплоть до 16 мая. Довнаръ поселился въ Демидовомъ пер., въ квартирѣ г. Аничкова. По показанію послѣдняго, здѣсь г-жа Палемъ никогда не видѣлась съ Довнаромъ. Но письма получались и по почтѣ и черезъ посыльнаго, и онъ отвѣчалъ на нихъ. По показанію дѣвочки Саши Власовой, разъ или два Ольга Васильевна ѣздила въ Демидовъ переулокъ вмѣстѣ съ нею. Она заходила въ квартиру г. Аничкова съ запиской, послѣ чего какой-то молодой господинъ выходилъ къ г-жѣ Палемъ. Они о чемъ-то тихо разговаривали, какъ-бы условливались, и г-жа Палемъ возвращалась назадъ. Студентъ Пановъ, стоявшій въ то время особенно близко къ Довнару, положительнo удостовѣряетъ, что въ то время они видѣлись и даже сходились отъ времени до времени на «сви-

данія». Зная всю предыдущую ихъ трагикомедію, Пановъ дивался и спрашивалъ Довнара, какъ могло «это» продолжаться, когда Палемъ всего мѣсяць назадъ подавала столь оскорбительную для его, Довнара, чести жалобу самому министру путей сообщенія. Довнаръ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, причемъ однако замѣтилъ: «Мало-ли что, да она это такъ, отъ *отчаянія* подавала». Въ высшей степени цѣнная фраза покойнаго, едва-ли не разомъ озаряющая всю глубину той ея несомнѣнной привязанности, въ которую до конца вѣрилъ и не могъ не вѣрить самъ Довнаръ. На письменномъ столѣ убитаго было найдено множество ея писемъ за послѣднее время. Надъ этими не всегда выдержанными въ смыслѣ стилиа и орфографіи посланіями пытались поглумиться, подчеркивая ихъ малограмотность. Для меня-же именно эта ихъ малограмотность и цѣнна. Virtuозность стилиста можетъ иногда замаскировать ложь, скрасить и невыгодную правду, ну а ужъ здѣсь все наголо. Если бы даже хотѣла, не съумѣла-бы. И что-же: прозвучало-ли при чтеніи этихъ писемъ хотя-бы одна фальшивая нота, слышалась-ли въ нихъ замаскированная злоба, чуялась-ли худо скрытая жажда мести? Ничего похожего. Отъ начала и до конца письма эти: берущая за сердце тоска по любимомъ человѣкѣ. Звучать они просто, задушевно, какъ можетъ звучать только искреннее чувство. Онъ занятъ экзаменами, она заботится тѣмъ временемъ о передѣлкѣ его пальто, шлетъ ему перышки отъ ея «птичекъ» на счастье и не тревожить его призывами на свиданье. Пановъ говорилъ намъ, что недѣли за двѣ, за три до убійства они ѣздили вмѣстѣ на острова. Она заложила для этого нѣкоторыя свои вещи, и вотъ въ ея письмѣ попадаетъ такая фраза: «Милый, я такъ счастлива, я такъ много *дышала тобою* вчера!.. Онъ ей нуженъ, какъ воздухъ. Мы имѣемъ указаніе, что не только она ему, но и онъ ей назначалъ иногда свиданія. Разъ его письмо не ^устало ея дома, она съ дѣвоч-

кой Сашей ѣздила въ баню. И вотъ на другой же день она шлетъ ему полное отчаянiя посланiе, въ которомъ не находитъ словъ, чтобы выразить всю свою обиду за то, что не пришла на его зовъ.

Въ то-же время, по единогласному отзыву всей прислуги Пале-Рояля, она все это время ведетъ совершенно монастырскiй образъ жизни. Ни одинъ мужчина не переступаетъ порога ея комнаты. Она не ночуетъ дома только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этому событiю втеченiя дня предшествуетъ форсированная гоньба двухъ посылныхъ, занимающихъ свои посты у Демидова переулка и на углу Пушкинской и Кузнечнаго. Еще за три дня до убiйства такое экстраординарное происшествiе имѣло мѣсто.

А револьверъ?—спрашиваете вы. При такихъ свиданiяхъ—причемъ-же револьверъ? Да, во все это время онъ былъ неизмѣнно съ нею. Отчасти ей нельзя было бросать его въ номеръ, такъ какъ тамъ оставалась дѣвочка, отчасти она намѣренно, если хотите, сознательно «носила» съ нимъ. Въ томъ ея душевномъ состоянiи, о которомъ мы уже говорили достаточно, это былъ ея вѣрный другъ, вѣрное прибѣжище, къ которому можно всегда во всякую минуту прибѣгнуть, разъ станетъ ужъ очень невыносимо. Въ концѣ поста она говѣла и для причастiя заказала себѣ бѣлое платье. Изъ намековъ въ письмѣ къ Каининскому можно заключить, что она глядѣла на это бѣлое, разложенное передъ ней красиво сшитое платье «словно подвѣчное» для ея «несчастной свадьбы» и думала, что оно станетъ погребальнымъ саваномъ. Мысль о самоубiйствѣ ея не покидала, скажу больше—она преслѣдовала ее.

И насколько мы можемъ судить по намекамъ свидѣтеля Панова, покойный Довнаръ зналъ объ этой ея «игрѣ» съ револьверомъ и даже не разъ говорилъ съ нимъ по этому поводу. Сама г-жа Палемъ положительно удостовѣряетъ,

что для Довнара не было тайной, что она хочет застрѣлиться. Вѣрилъ-ли онъ ей безусловно или нѣтъ, не берусь рѣшить, не только все-же слѣпота его въ значительной мѣрѣ непонятна. Онъ словно дразнилъ ее, подбодрялъ ее: «гдѣ тебѣ, не застрѣлишься—комедія!» Не допускаю, не хочу допустить и на секунду мысли, чтобы при этомъ гдѣнибудь, даже въ самомъ зломъ и самомъ потаенномъ изгибѣ его души шевелилось злорадное ожиданіе: «а чего добраго застрѣлится, съ нея станеть... тѣмъ лучше, раздѣлаюсь на всегда!» Это было-бы слишкомъ ужасно. Но я васъ спрашиваю: что такое съ его стороны эти свиданія, всѣ эти уступки послѣ всего, что было? Вѣдь разоитись окончательно онъ повидимому давно рѣшилъ. Послѣ экзаменовъ, которые кончались въ маѣ, опять предстоялъ отъѣздъ. Предстояло разстаться, рѣшено было и раньше порвать разъ и навсегда. Вѣдь не мальчикъ онъ былъ, ему шель 26-й годъ. Студентомъ-медикомъ ему было отвратительно и жутко копаться во внутренностяхъ мертваго человѣка. Какъ же не щадилъ онъ живаго? Какъ могъ онъ не понимать, что живое мясо, ужъ если его рѣзать, надо рѣзать разомъ, а не пилить его, не мучить, не истязать. Вѣдь передъ нимъ было живое существо... Вѣдь Палемъ на ногахъ уже шатало, достаточно было дуновения, чтобы ее свалить, а онъ твердилъ ей все свое: «игра!» Или можетъ быть моя догадка невѣрна, и я клевету на покойнаго? Я былъ-бы радъ. Можетъ быть въ глубинѣ его сердца, напротивъ, шевелилось иногда раскаяніе и обида на самого себя за все зло, которое онъ причинилъ этой несомнѣнно его любившей женщинѣ. Можетъ быть, не смѣя самому себѣ въ томъ признаться, онъ все еще любилъ ее и втайнѣ проклиналъ себя за то, что такъ малодушно, такъ позорно поддался въ отношеніи къ ней чужому руководству и чужому вліянію. Какъ знать! Есть одна фраза, брошенная имъ однажды Панову, надъ которою хотѣлось-бы приза-

думаться. Зная экзальтированный характер Палемъ и то, что она вѣчно носить съ собою револьверъ, Пановъ какъ-то предостерегъ Довнара. Онъ совѣтовалъ ему не ходить на подобныя свиданія, говоря, что она легко можетъ застрѣлить его. Вотъ что онъ отвѣчалъ на это Панову: «я былъ бы радъ, если бы это случилось, только разомъ, безъ страданій». Съ этого свиданія онъ вернулся благополучно, но слова его оказались пророческими: онъ умеръ разомъ и безъ страданій.

Теперь и разсудите какъ-же «это» случилось въ злополучное 17 мая. Какъ случилось? Ставьте рядомъ все, что угодно: намѣренность, случайность, неосторожность—результатъ будетъ одинъ, а мы только и знаемъ, что результатъ. Догадки—и то, что говорилъ вамъ прокуроръ, и то, что сказалъ вамъ гражданскій истецъ, и то, что я могу вамъ сказать—одинъ результатъ ясенъ—«доигрались».—«Рано или поздно *это* должно было случиться!» говоритъ вамъ женщина черезъ силу зажимая собственную кровоточащую рану у самого сердца, а вы ей въ отвѣтъ:—убійца!

Но за то, когда та-же самая женщина на больничной койкѣ, впервые прійдя въ себя, единственно близкому и вѣрному ей человѣку Кандинскому откровенно пишетъ: „Саша *убитъ случайно*. Хотѣла только себя!»—ей не вѣрять. Разсудите. Вы видите, какое трудное это дѣло. Захотите-ли вы обрушить на голову этой несчастной всю тяжесть, всю вину за случившееся,—это ваше дѣло, дѣло вашей совѣсти, но позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ уйти изъ этой залы съ увѣренностью, что я исполнилъ свой долгъ.

VIII.

Ровно въ 9 часовъ окончилъ защитникъ свою рѣчь, съ тремя небольшими перерывами.

Обвинитель и защитникъ обмѣнялись возраженіями.

Предсѣдатель (къ подсудимой). Последнее слово принадлежитъ вамъ. Что еще имѣете сказать въ свое оправданіе?

Палемъ (подумавъ, спокойнымъ голосомъ):—Я не виновна!.. Больше ничего не могу сказать.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей постановлены были судомъ слѣдующіе вопросы:

1) Виновна - ли подсудимая симферопольская мѣщанка Ольга Васильевна Палемъ въ томъ, что, задумавъ заранѣе лишить жизни студента Александра Довнара, купила револьверъ съ патронами, съ заряженными пулями, пригласила Довнара для свиданія въ гостинницу «Европа», взяла съ собою револьверъ съ патронами и въ номерѣ гостинницы 17-го мая выстрѣлила въ него, Довнара, изъ револьвера въ голову сзади, на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ, въ то время, когда Довнаръ повернулся къ ней спиною, и этимъ выстрѣломъ тогда-же на мѣстѣ лишила его жизни, причинивъ смертельное поврежденіе головы?

2) Если подсудимая Палемъ не виновна по первому вопросу, то не виновна-ли она въ томъ, что 17-го мая 1894 г., въ номерѣ гостинницы «Европа», по набережной рѣки Фонтанки въ Петербургѣ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, но однако, не случайно, въ состояніи запальчивости и раздраженія отъ нанесеннаго ей Довнаромъ оскорбленія, съ цѣлью лишенія его жизни, выстрѣлила Довнару въ голову и этимъ выстрѣломъ тогда-же на мѣстѣ лишила его жизни, причинивъ ему смертельное поврежденіе головы?

Защита проситъ поставить еще вопросъ о томъ, не находилась-ли подсудимая при совершеніи преступленія въ припадкѣ умоизступленія или безпамятства, согласно 754 ст. у. у. с. и согласно признакамъ, предусмотрѣннымъ 96 ст. улож. о нак.?

Нѣкоторые присяжные засѣдатели присоединились къ этому ходатайству.

Окружный судъ послѣ долгаго совѣщанія отказалъ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса, на томъ основаніи, что выдѣленіе вопроса о невмѣняемости требуетъ предварительнаго освидѣтельствованія въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ 355 ст. у. у. с., чего въ данномъ случаѣ исполнено не было.

Въ 2 часа ночи, присяжные засѣдатели, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, признали подсудимую невиновной въ возведенномъ на нее обвиненіи.

По выслушаніи приговора, встрѣченнаго публикою шумными рукоплесканіями, съ Ольгою Палемъ сдѣлался истерическій припадокъ.

Въ Сенатѣ.

На состоявшейся оправдательный приговоръ по дѣлу Палемъ въ уголовный Кассационный департаментъ сената поступили протестъ товарища прокурора петербургскаго окружнаго суда и жалоба повѣреннаго гражданской истицы, прис. пов. П. Е. Рейбота. 21 марта 1895 года сенатъ, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго, сената *Розина*, занялся разсмотрѣніемъ этихъ жалобъ. Докладываль дѣло сенаторъ *Н. С. Таганцевъ*, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ сената *А. Θ. Кони*.

Въ протестѣ на приговоръ суда прежде всего указывается на нарушенія 762 ст. уг. суд. Изъ дѣла видно, что послѣ оглашенія предсѣдателемъ проектированныхъ вопросовъ защитникъ подсудимой ходатайствовалъ о постановкѣ вопроса о томъ, не совершила-ли Палемъ преступнаго дѣянія въ припадкѣ умоизступленія, и къ этой просьбѣ защитника присоединились четыре присяжныхъ засѣдателя. На это предсѣдатель заявилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что такъ какъ по дѣлу во время предварительнаго слѣдствія не было произведено спеціальнаго изслѣдованія состоянія умственныхъ способностей Ольги Палемъ по 353—355 ст. у. у. с., то въ настоящемъ положеніи дѣла вопросъ по 96 ст. улож. о наказ. не можетъ

быть поставленъ. Хотя такимъ заявленіемъ предсѣдателя, сдѣланнымъ отъ имени суда, ходатайство защиты и присяжныхъ засѣдателей устранялись, тѣмъ не менѣе, предсѣдатель предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ удалиться для совѣщанія о томъ, настаиваютъ-ли они на постановкѣ вопроса объ умоизступленіи Палемъ. Такое общее совѣщаніе присяжныхъ послѣдовало въ нарушение 762 ст. у. у. с., по которой право дѣлать замѣчанія на проектъ вопросовъ принадлежитъ каждому присяжному засѣдателю въ отдѣльности и потому не можетъ быть поглощено мнѣніемъ большинства. Между тѣмъ, такое поглощеніе въ данномъ случаѣ несомнѣнно послѣдовало, такъ какъ послѣ общаго совѣщанія старшина объявилъ, что присяжные отказываются отъ постановки третьяго вопроса.

Но этотъ отказъ на словахъ, получившійся путемъ неправильнаго примѣненія 762 ст. у. у. с., не означалъ еще собою отказа нѣкоторыхъ присяжныхъ отъ ихъ мнѣнія, которое выразилось въ ихъ заявленіи о томъ, что они присоединяются къ защитнику по вопросу объ умоизступленіи. Если эти присяжные уступили давленію большинства, отказавшись отъ постановки своего вопроса, то при этомъ они и въ заключительномъ словѣ предсѣдателя не получили никакого разъясненія о томъ, какъ-же имъ слѣдуетъ поступить съ возникшимъ у нихъ сомнѣніемъ въ психической ненормальности обвиняемой. Поэтому при постановкѣ вердикта, четверемъ присяжнымъ засѣдателямъ оставалось лишь присоединиться къ голосамъ за оправданіе и такимъ образомъ легко могло образоваться не согласное съ убѣжденіемъ совѣсти присяжныхъ и съ требованіемъ 804 и 666 ст. у. у. с. раздѣленіе ихъ голосовъ, давшихъ перевѣсъ въ сторону оправдательнаго вердикта. Такой вердиктъ является, при указанныхъ судопроизводственныхъ условіяхъ, логическимъ послѣдствіемъ непредоставленія су-

домъ присяжнымъ засѣдателямъ законнаго исхода для возникшаго среди нихъ сомнѣнія въ нормальности умственныхъ способностей обвиняемой.

Нарушена также 549 ст. у. уч. суд., такъ какъ судъ обязанъ былъ послѣ заявленія присяжныхъ обсудить вопросъ по существу, т. е., направить ли дѣло для изслѣдованія состоянія умственныхъ способностей Палемъ или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что на судѣ допрашивался свидѣтель Зельгеймъ и экспертъ Руковичъ и др. о состояніи умственныхъ способностей Палемъ.

Нарушена также и ст. 619, уч. суд., такъ какъ судъ, выслушавъ ходатайство присяжныхъ о постановкѣ третьяго вопроса долженъ былъ спросить заключенія тов. прок. именно по этому ходатайству, а вмѣсто того судъ тотчасъ удалился для совѣщанія. Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи суда въ залу засѣданія и прежде объявленія его опредѣленія, товарищъ прокурора просилъ судъ выслушать его заключенія, но предсѣдатель отказалъ въ этомъ, заявивъ, что опредѣленіе суда уже постановлено. Въ этомъ отказѣ и заключается нарушение 619 ст. у. у. с., ибо частное опредѣленіе суда не приравнивается къ состоявшемуся и подписанному приговору и могло быть измѣнено по соображенію съ доводами заключенія товарища прокурора, которое судъ обязанъ былъ выслушать и обсудить какъ отнестись къ вопросу о порядкѣ производства дѣла.

Кромѣ того въ заключительномъ словѣ предсѣдательствующаго прокурорскій протестъ усматриваетъ существенное нарушение 1 п. 812 ст. уст. уч. суд. А именно, два вопроса, поставленные на разрѣшеніе присяжныхъ, имѣли своимъ предметомъ сознательное причиненіе О. Палемъ Довнару, съ намѣреніемъ его убить, тѣлесныя поврежденія, отъ которыхъ онъ умеръ. Такое содержаніе вопросовъ обязывало предсѣдательствовавшего, въ виду 812 ст. у. у. с., разъяснить присяжнымъ ихъ права да-

вать ограничительные отвѣты о виновности и отвергать намѣреніе на лишеніе жизни въ томъ случаѣ, если присяжные признають это доказаннымъ. Палемъ выстрѣлила въ Довнара хотя и сознательно, но не съ цѣлью его убить. Изъ удостовѣренныхъ судомъ замѣчаній товарища прокурора на протоколъ судебного засѣданія, однако, видно, что предсѣдатель въ своей рѣчи не коснулся возможности такого ограничительнаго отвѣта, чрезъ что присяжные засѣдатели, если-бы они признавали Палемъ виновною въ причиненіи Довнару раны, послѣдствіемъ которой была его смерть, безъ намѣренія лишить его жизни, не оставалось иного выхода, какъ, слѣдуя разъясненію предсѣдателя, отвѣтить отрицательно на оба вопроса, предложенные ихъ разрѣшенію. Между тѣмъ, по обстоятельствамъ дѣла и, въ виду объясненія самой Палемъ, которая отрицала только свое намѣреніе убить Довнара и заявила, что для нея случайной была лишь смерть Довнара, а не направленный ею въ него выстрѣлъ, у присяжныхъ засѣдателей дѣйствительно могло сложиться убѣжденіе въ виновности, опредѣленной въ 1484 ст. улож. о наказ., но для выраженія этого убѣжденія присяжнымъ не было разъясняемо установленнаго закономъ способа.

Гражданскій истецъ съ своей жалобѣ указываетъ также, что предсѣдателемъ не было разъяснено, что присяжные имѣють право давать ограничительные отвѣты. Такое разъясненіе особенно необходимо было въ дѣлѣ Палемъ, ибо она сама, какъ удостовѣрялось прочитаннымъ на судѣ ея письмомъ къ Кандинскому, писанному уже послѣ совершенія преступленія, говоритъ: «Саша убить совершенно случайно, такъ какъ я хотѣла только себя и то не убить, а только поранить, чтобы у него явилось раскаяніе и угрызеніе совѣсти, для того, чтобы онъ на мнѣ женился... къ несчастью, въ это утро онъ слишкомъ сильно вызывалъ во мнѣ ревность

и не щадя меня оскорблялъ, какъ только могъ. Я не помню себя отъ самага сильнаго оскорбленія, выхватила револьверъ... была-ли цѣль убить, или поугатъ его—не помню, помню только, что я выстрѣлила, онъ упалъ».

Въ дѣлѣ видно нарушеніе и 540 ст. уст., такъ какъ послѣ заявленія присяжными ходатайства о постановкѣ особаго вопроса по признакамъ 96 ст. улож., судъ обязанъ былъ, въ виду рѣшенія сената по дѣлу Сергѣева (Кас. рѣш. за 1862 г. № 20), остановить разсмотрѣніе дѣла и о ясно выраженномъ мнѣніи четверыхъ присяжныхъ засѣдателей о томъ, что преступленіе совершено Палемъ въ состояніи болѣзненнаго умоизступленія,—представить судебной палатѣ.

Заявленіе защиты и присяжныхъ о необходимости обсудить вопросъ о вмѣняемости прямо вытекалъ изъ допущеннаго судомъ въ засѣданіи допроса доктора Рукевича, какъ значится въ протоколѣ засѣданія, дававшего заключеніе — «о психическомъ состояніи подсудимой». Разъ означенный вопросъ былъ предметомъ судебного слѣдствія, вопросъ о вмѣняемости подлежалъ обсужденію присяжныхъ засѣдателей и если для этого требовалось соблюденіе порядка, установленнаго 353—355 ст. у. у. с., то и надлежало соблюсти этотъ порядокъ путемъ представленія дѣла въ судебную палату, а отнюдь не вліять на убѣжденіе присяжныхъ черезъ разъясненіе имъ тяжелыхъ для Палемъ послѣдствій ихъ требованія, клонившихся, очевидно, въ пользу подсудимой.

Въ виду опредѣленія судебной палаты о преданіи Палемъ суду безъ освидѣтельствованія его въ состояніи умственныхъ способностей и согласно 549 ст. у. у. с. иного способа дѣйствій суда и не могло послѣдовать, по приводимыми кассаторомъ въ своей жалобѣ выписками изъ слѣдственнаго производства онъ доказываетъ,

что судебная палата упустила изъ виду цѣлый рядъ данныхъ, указывающихъ на необходимость подвергнуть Палемъ освидѣтельствуванію въ порядкѣ 353 и слѣд. ст. у. у. с., тѣмъ болѣе, что на точномъ основаніи 355 ст. въ случаяхъ, въ сей статьѣ указанныхъ, для обязательнаго освидѣтельствуванія подсудимой достаточно наличности обстоятельства — «дающаго поводъ предполагать, что обвиняемый учинилъ преступное дѣяніе въ припадкѣ болѣзни, или совершеннаго безпамятства». Что Палемъ была въ болѣзненномъ состояніи, гражданскій истецъ въ своей жалобѣ подтверждаетъ свидѣтельскими показаніями и письмами обвиняемой.

Свидѣтельствованіе Палемъ посредствомъ наблюденія надъ нею психіатровъ и заключеніе врачей-спеціалистовъ по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ давало-бы, пишетъ гражданскій истецъ, возможность и право оспаривать возбужденное защитникомъ и возникшее у нѣкоторыхъ присяжныхъ засѣдателей сомнѣніе о невмѣняемости ея. Основывать-же свои возраженія на основаніи одного убѣжденія и весьма категорическаго, но мало мотивированнаго заключенія полицейскаго врача-хирура, представляется противозаконнымъ. Оставляя безъ разсмотрѣнія этотъ вопросъ при утвержденіи обвинительнаго акта, судебная палата нарушила 531, 534 и 353—356 ст. у. у. с. На основаніи этихъ же статей при предварительномъ производствѣ слѣдовало подвергнуть изслѣдованію психическое состояніе подсудимой.

Наконецъ кассаторъ видитъ нарушеніе при предварительномъ слѣдствіи и ст. 358 и 449 уст., такъ какъ слѣдователь дѣлалъ обыски, выемки и пріобрѣтилъ къ дѣлу многія письма и др. документы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу.

Кассаторы просятъ, по изложеннымъ соображеніямъ, отмѣнить не только приговоръ суда, но и самое опредѣленіе палаты, какъ преждевременное.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго *Н. П. Карабчевскаго*.

„Господа Сенаторы! Ольгѣ Палемъ законные представители общественной совѣсти—присяжные засѣдатели, вынесли оправдательный вердиктъ. Оправдательные приговоры присяжныхъ засѣдателей, согласно постановленіямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ кодексовъ, почитаются безусловно, скажу больше,—священно-неприкосновенными. Французскій уголовный процессъ вовсе не знаетъ кассаций оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, настолько, съ одной стороны велико довѣріе къ голосу общественной совѣсти, настолько, съ другой, личность оправданнаго гуманно защищена отъ новыхъ домогательствъ прокурорской власти. Если даже прокуроръ находитъ, что при постановленіи приговора были допущены тѣ или другія нарушенія, онъ можетъ жаловаться кассационному судилищу, но жалоба эта, по своимъ послѣдствіямъ, не касаясь вовсе личности разъ оправданнаго, имѣетъ характеръ чисто академическій. Это называется кассациею *во имя закона*, въ интересахъ будущихъ дѣлъ подобной же категоріи, когда имѣется въ виду истолковать процессуальное нарушеніе въ интересахъ устраненія подобнаго же нарушенія впредь. Нашъ уголовный процессъ къ сожалѣнію не ограждаетъ столь неприступною крѣпостью личность, которую уже однажды сограждане, по долгу присяги и совѣсти, признали невиновною, и не знаетъ вовсе рѣшеній верховнаго кассационнаго судилища исключительно въ интересахъ и во имя закона. Тѣмъ не менѣе, согласно взгляду лучшихъ комментаторовъ нашихъ процессуальныхъ законовъ, каковы покойный профессоръ Чебышовъ-Дмитріевъ и сенаторъ Буцковскій, и нашъ уставъ уголовного судопроизводства какъ бы сознательно выдвигаетъ оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей на высшую по сравненію со всѣми другими

судебными приговорами процессуальную ступень. Онъ намѣренно окружаетъ его ореоломъ нѣкотораго торжественнаго сіянія, въ надеждѣ, что его благотворное вѣяніе тотчасъ же всеми будетъ должнымъ образомъ почувствовано и воспринято. Такой взглядъ названныхъ комментаторовъ, раздѣляемый мною, они основываютъ на сопоставленіи велѣній, какъ бы съ перваго взгляда противорѣчивыхъ ст. 819, 771 и 958 уст. угол. суд. Все эти статьи говорятъ о порядкѣ объявленія резолюцій и приговоровъ, основанныхъ на вердиктахъ присяжныхъ засѣдателей. И среди нихъ ст. 819, словно почетный стягъ, высоко поднимаетъ (чтобы видно было всемъ вокругъ) *оправдательный* вердиктъ присяжныхъ засѣдателей. По всякому иному ихъ вердикту судъ въ вправѣ удалиться для совѣщанія, онъ спрашиваетъ заключенія прокурора, мнѣнія сторонъ; по силѣ 818 ст. уст. уг. суд., судъ, своимъ единогласнымъ рѣшеніемъ, можетъ даже вовсе отвергнуть ихъ вердиктъ, если признаетъ, что ими осужденъ невинный. Но по оправдательному рѣшенію присяжныхъ засѣдателей законъ не допускаетъ ни колебаній, ни разсужденій, ни совѣщаній. Согласно 819 ст. тотчасъ же по провозглашеніи присяжными вердикта, оправдывающаго подсудимаго, предсѣдатель, не справляясь ни съ чьимъ мнѣніемъ, даже съ мнѣніемъ своихъ естественныхъ совѣтниковъ-членовъ того-же присутствія, обязанъ *немедленно* собственною своею единоличною властію объявить оправданнаго *свободнымъ отъ суда*, а если онъ былъ въ предварительномъ заключеніи, то и отъ содержанія подъ стражей. Комментаторы полагаютъ, что законодатель сдѣлалъ это «и для того, чтобы показать *неизмѣнность* подобнаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей». Въ этомъ взглядѣ есть свой глубокій нравственный смыслъ, который сознается, пока къ сожалѣнію, лишь въ болѣе культурныхъ обществахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли даже

мысленно допустить такую власть или такое лицо, которое, не дѣйствуя внѣ закона, могло бы аннулировать, уничтожить значеніе оправдательнаго приговора присяжныхъ засѣдателей? Нѣтъ. Обвинительный приговоръ можетъ быть аннулированъ прощеніемъ потерпѣвшаго, если дѣло производилось въ порядкѣ частнаго обвиненія, милостью верховной власти — во всѣхъ другихъ случаяхъ. Онъ можетъ быть сведенъ «на нѣтъ» въ порядкѣ примѣненія судомъ наказанія. Но оправдательный приговоръ—это своего рода святыня, которая не терпитъ никакого посторонняго, произвольнаго прикосновенія. И нашъ процессуальный законъ охраняетъ его въ этомъ отношеніи, независимо отъ того, нравится ли онъ кому или не нравится по существу. Оправдательный приговоръ присяжныхъ можетъ быть отмѣненъ *только въ кассационномъ порядкѣ*, но онъ не можетъ быть ни измѣненъ, ни опороченъ, ни аннулированъ. Для этого не существуетъ власти. Кассация приговора совсѣмъ иное дѣло. Здѣсь велѣнія закона ясны, опредѣлены, категоричны.

Серьезные кассационные поводы должны быть на лицо, нарушенія формъ или матеріальнаго закона, подобно библейскимъ пророческимъ камнямъ, должны, такъ сказать, — вопіять о себѣ сами, такъ какъ, согласно 912 ст. уст. уг. суд., только «существенныя» нарушенія формъ или закона могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для отмѣны приговора въ кассационномъ порядкѣ. Всякая иная отмѣна приговора была бы произволомъ, а стало быть была бы незаконна. При какихъ же условіяхъ возможна кассация вами, гг. сенаторы, приговора, и представляются ли эти условія на лицо въ настоящемъ дѣлѣ?

Чтобы всесторонне освѣтить тѣ указанія кассаторовъ, совокупность которыхъ такъ или иначе формулируется ими въ видѣ отдѣльныхъ нарушеній или кассационныхъ

поводовъ, намъ въ самыхъ общихъ чертахъ прійдется коснуться главныхъ стадій нашего уголовного процесса и особливо положенія «сторонъ» въ томъ его кассационномъ фазисѣ, который въ настоящее время передъ вами. Извѣстно, что въ предѣлахъ предварительнаго слѣдствія и вплоть до открытія публичнаго судебного засѣданія, процессъ нашъ протекаетъ въ формѣ негласнаго и односторонняго, такъ называемаго «инквизиціоннаго», производства. Обвиняемый, лишенный защиты, къ тому-же сплошь и рядомъ лишенный свободы, — скорѣе вещь, объектъ для изслѣдованія и для экспериментовъ слѣдственной и прокурорской власти, нежели лицо со всеми атрибутами личности, съ правами самозащиты и самооправданія. Правильнымъ или неправильнымъ подвергается онъ манипуляціямъ, дѣлаютъ ли надъ нимъ то, что нужно по закону или то, что по закону вовсе не нужно, соблюдены ли гарантіи, предписанныя закономъ, — все это для него сплошь и рядомъ остается непроницаемой загадкой вплоть до того момента, когда онъ наконецъ увидитъ «свѣтъ Божій» въ публичномъ засѣданіи, увидитъ своихъ судей и своего защитника. Во весь этотъ иной разъ весьма длинный и во всякомъ случаѣ «темный» періодъ процесса, роль представителя прокурорскаго надзора рѣзко обозначена, и отнюдь не какъ «стороны» въ процессѣ, но исключительно, какъ «представителя власти».

Онъ наблюдаетъ за производствомъ слѣдствія, часто даже направляетъ его и нерѣдко просто на просто ведетъ на помочахъ судебного слѣдователя. Онъ — власть, власть односторонняя, непререкаемая и грозная. Съ открытіемъ судебного засѣданія картина разомъ мѣняется. Стоитъ припомнить только содержаніе 630, 145, 740, 860 и многихъ другихъ статей нашего устава уголовного, чтобы прійти къ заключенію, что роль прокурора и всей судебной процедуры тотчасъ-же видоизмѣняется. Душные

своды инквизиціонной процедуры рушатся сами собою, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла невидимой благодѣтельной феи,—разомъ наступаетъ свѣтъ, гласность и «всевозможныя» средства оправданія для подсудимаго. Призракъ отвлеченной власти въ лицѣ прокурора если не исчезаетъ вовсе, то во всякомъ случаѣ весьма затуманивается, и на его мѣсто выступаетъ живая фигура «стороны» въ процессѣ, фигура «обвинителя» со всеми атрибутами индивидуальной личности, съ своею сокровенною личною «совѣстью», о которой упоминаетъ между прочимъ ст. 740 уст. уг. суд., такъ какъ прокуроръ—гласитъ законъ—долженъ заявить суду «по совѣсти», если не находитъ основаній къ обвиненію. Тотчасъ-же, въ качествѣ другой «стороны», столь-же равноправной (630 ст. уст. угол. суд.) выступаетъ защитникъ и самъ подсудимый, уже не въ видѣ «матеріала для изслѣдованія», а въ качествѣ живого элемента въ процессѣ, въ качествѣ полноправной личности. Такъ наступаетъ та стадія процесса, которая, въ противоположность предварительнымъ одностороннимъ манипуляціямъ слѣдователя и давленіямъ прокурорской власти, является уже равноправною и откровенною борьбою, равноправнымъ «состязаніемъ сторонъ», какъ выражается самъ законъ. Процессъ перестаетъ быть инквизиціоннымъ, онъ именуется отнынѣ «обвинительнымъ». Все, что было до опредѣленія судебной палаты о преданіи суду, весь результатъ предварительнаго слѣдствія, какъ-бы вбирается въ себя этимъ актомъ обвинительной камеры. Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній своихъ правительствующій сенатъ категорически призналъ, что жалобы на дефекты предварительнаго слѣдствія разрѣшаются окончательно судебною палатою.

По силѣ 912 ст. уст. уг. суд. только нарушенія предѣловъ власти подвѣдомственныхъ сенату судебныхъ мѣстъ во всякомъ случаѣ подлежатъ исправленію. Со

стороны кассационнаго сената во всѣхъ остальныхъ случаяхъ не только предѣлы его вмѣшательства, но и предѣлы его компетенціи строго намѣчены обязательными ограниченіями, предписанными закономъ. Кассационный сенатъ — инстанція кассационная, а не ревизирующая. Въ предѣлахъ провѣрки соблюденія процессуальныхъ формъ, въ особенности эта касационная функція сената строго проведена и до конца выдержана въ нашемъ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

Всѣ указанія кассаторовъ по настоящему дѣлу сводятся къ нарушеніямъ процессуальнымъ, которыя должны быть «существенны» для того, чтобы влечь за собою кассацию. Но и этого мало; сверхъ того эти указанія должны исходить отъ «сторонъ» и ни отъ кого болѣе, а по силѣ 909 ст. уст. угол. суд. только сторона, дѣйствительно обиженная, дѣйствительно стѣсненная въ условіяхъ состязательной борьбы, въ правѣ разсчитывать на кассацию и притомъ лишь въ предѣлахъ возстановленія ея нарушенныхъ правъ, а не правъ противника, и лишь такихъ ея правъ, на осуществленіи которыхъ ей тѣмъ не менѣе было отказано. Нарушеніе, которое могло, напримѣръ, стѣснять лишь защиту, не можетъ вовсе служить поводомъ кассациі ни для прокурора, ни для гражданскаго истца. Цѣлымъ рядомъ рѣшеній правительствующаго сената (⁶⁸/₄₈₉, ⁷⁴/₅₀₃ и мног. друг.) признано, что отказъ въ удовлетвореніи какого-либо ходатайства защиты можетъ послужить поводомъ кассациі лишь въ ея интересахъ, а не въ интересахъ противниковъ. Въ этой законѣрной равноправности сторонъ—весь духъ, вся суть состязательнаго процесса, иначе мы опять вернемся къ мрачнымъ формамъ инквизиціоннаго процесса, гдѣ вмѣсто опредѣленныхъ правъ и обязанностей сторонъ, служащихъ единственно-законнымъ рычагомъ для направленія дѣла, явится новая сила, сила посторонняго усмотрѣнія, воздѣйствія случайнаго, отъ которыхъ ни

оборониться, ни защититься равнымъ оружіемъ невозможно. Наши судебные уставы не знаютъ произвольной формы кассациі. Въ основѣ кассационнаго производства равнымъ образомъ лежитъ строго состязательное начало закономѣрной и откровенной борьбы, причемъ ваше присутствіе, въ качествѣ верховнаго судилища, только безпристрастно рѣшаетъ: кого-же въ борьбѣ стѣнили, чьи права урѣзали, кому связали руки и сказали: борись? Если подобное нарушеніе имѣло мѣсто,—поводъ кассациі на лицо; внѣ этого, внѣ осязательности повода, нарушающаго равноправность сторонъ въ процессѣ, не можетъ быть и кассациі. При этомъ, само собою разумѣется, было-бы странно говорить о стѣсненіи права стороны, цитируя «нарушенія», вовсе ея не коснувшіяся и ни въ чемъ не препятствовавшія ей идти своею разъ избранною дорогою къ опредѣленной, намѣченной своимъ собственнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, цѣли. Въ подобномъ случаѣ велѣніе 909 ст. уст. угол. суд. должно-бы было выйти у васъ свое полное примѣненіе. Но и этого мало; такъ какъ инициатива кассационнаго производства всецѣло предоставлена по закону «сторонамъ» въ процессѣ, то лишь въ предѣлахъ жалобы или протеста каждой такой стороны вы въ правѣ обещуждать кассационныя нарушенія. Г. товарищъ прокурора требуетъ въ своемъ протестѣ только отмѣны приговора суда; господинъ же повѣренный гражданской истицы идетъ далѣе, требуя отмѣны самаго опредѣленія судебной палаты о преданіи подсудимой суду.

Если вы удовлетворите послѣднее ходатайство, приурочивъ его и къ интересамъ прокурорской власти, вы поступите, на мой взглядъ, неправильно. Такой порядокъ, какъ противорѣчащій закону, поколебаль бы главные устои уголовного судопроизводства, посягнулъ бы на самую архитектуру судебного построенія, выведеннаго знаменитыми судебными уставами 20 ноября 1864 г.

Всѣ эти соображенія общаго характера необходимо имѣть въ виду при анализѣ тѣхъ «нарушеній», на личность которыхъ ссылается съ одной стороны г. товарищъ прокурора въ своемъ кассационномъ протестѣ, съ другой—гражданскій истецъ въ своей жалобѣ.

Прежде всего они сходятся на одномъ общемъ указаніи. Для выраженія убѣжденія въ виновности Ольги Палемъ по 1484 ст. ул. о нак., пишетъ въ своемъ протестѣ г. товарищъ прокурора — г. предсѣдателемъ не было разъяснено установленнаго закономъ способа. Вручая присяжнымъ вопросный листъ, — поясняетъ г. повѣренный гражданской истицы, — онъ не разъяснилъ имъ ихъ права дать на каждый изъ вопросовъ ограничительный отвѣтъ и между прочимъ отвергнуть умыселъ на убійство. Сдѣлай онъ это, получилось бы виновность подсудимой въ нанесеніи раны, причемъ смерть явилась бы лишь случайнымъ результатамъ. Въ этомъ оба кассатора усматриваютъ серьезное нарушение 812 ст. уст. уг. суд. Протоколомъ удостовѣрено однако соблюденіе г. предсѣдателемъ ст. 801—805 уст. угол. суд., удостовѣрено, что общія понятія о правѣ давать ограничительные отвѣты преподаны присяжнымъ. По поводу перваго вопроса имъ, на примѣръ, было разъяснено, что если они отвергнуть предумышленіе и найдутъ, что Палемъ совершила просто умышленное убійство, то должны будутъ путемъ ограничительнаго отвѣта отбросить введенный въ вопросъ признакъ «заранѣе обдуманно». Кажется ясно. И такъ предсѣдатель не только объяснилъ присяжнымъ ихъ общее право давать органичительные отвѣты путемъ исключенія отдѣльныхъ словъ въ редакціи вопросовъ, но на живомъ примѣрѣ показалъ и технику подобнаго рода органичительнымъ отвѣтомъ. Поводъ, стало быть, сводится къ указанію на отсутствіе еще какого-то спеціальнаго поясненія, т. е. по просту на отсутствіе наведенія присяжныхъ на мысль о воз-

возможности, путемъ ограничительнаго отвѣта, установить виновность въ болѣе легкомъ, чѣмъ убійство, преступленіи, именно въ преступленіи, предусмотренномъ 1484 ст. улож. о нак. Вчитайтесь, гг. сенаторы, въ самый текстъ вопросовъ, и вы вѣроятно согласитесь со мною, что подобная попытка г. предсѣдателя была-бы по меньшей мѣрѣ бесплодна и по большой мѣрѣ — незаконна и совершенно неумѣстна. Для наличности преступленія, предусмотрѣннаго 1484 ст., необходимо, чтобы въ вопросѣ заключалось специальное намѣреніе на нанесеніе раны. Это установлено твердо Сенатомъ въ рѣшеніяхъ его 1871 года № 165 по дѣлу Черткова, 71 г. № 930 по дѣлу Тищенко, 74 г. № 401 по дѣлу Андрева и многихъ другихъ.

Теперь попробуемъ поступить по рецепту кассаторовъ, выдѣляя изъ вопроса признаки путемъ ограничительнаго отвѣта. Отбросимъ намѣреніе на убійство, — не останется никакого намѣренія, специально требуемаго для нанесенія именно раны. Можно будетъ толковать отвѣтъ, какъ неосторожное, случайное и всякое иное нанесеніе раны, но во всякомъ случаѣ, изъ отвѣта не выйдетъ того, чего требуетъ 1484 ст. уложенія. Если минуя выраженіе «съ цѣлью лишенія жизни» (что въ вопросѣ отождествлено съ понятіемъ о «намѣреніи»), остановиться затѣмъ лишь на самомъ способѣ дѣйствія, опять таки никакъ не втиснешь содержаніе вопроса въ рамки желаемой кассаторами статьи закона. Останется «выстрѣлила въ него изъ револьвера въ голову». Если къ такому голому описанію факта приурочить предполагаемое намѣреніе, то опять естественно всплываетъ намѣреніе на убійство, а отнюдь не намѣреніе нанести исключительно рану, такъ какъ, если стрѣляютъ на близкомъ разстояніи и притомъ въ *голову* и если при этомъ подразумеваютъ намѣренность именно такого способа дѣйствія, то можно говорить только объ убійствѣ или покушеніи

на это преступленіе, но отнюдь не о самобытномъ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1484 ст. Такимъ образомъ и путемъ ограниченія вопроса присяжные могли прійти лишь къ двумъ положеніямъ: «да» или «нѣтъ». Они избрали послѣднее, признавъ очевидно, что тотъ психологическій моментъ, который обусловилъ собою смертельный выстрѣлъ въ Довнара, исключалъ преступную намѣренность Палемъ и долженъ быть всецѣло отнесенъ на счетъ простого случая или неосторожности. Можно было-бы пожалуй еще выкроить особый вопросъ по признакамъ 1484 ст., формулируя его приблизительно такъ: виновна-ли въ томъ, что стрѣляла съ намѣреніемъ поранить, но случайно попала въ голову, отъ чего произошла смерть и т. д. Но все это можно было именно только «выкроить».

Ни стороны, ни судъ, ни присяжные не находили, чтобы этотъ вопросъ вытекалъ изъ обстоятельствъ дѣла. Но если-бы даже онъ и «вытекалъ», то это давало-бы лишь право г. товарищу прокурора и г. повѣренному гражданской истицы просить на основаніи 751 и 752 ст. уст. угол. суд. о постановкѣ именно подобнаго дополнительнаго вопроса. Ни о чемъ подобномъ гг. кассаторы не ходатайствовали. Почему же они теперь жалуются? Предполагаютъ, что въ отвѣтъ г-жи Палемъ — «я вовсе не хотѣла убить Довнара» — само собою заключено сознание ея въ преступленіи по признакамъ 1484 ст. улож. о нак., — но это чудовищная натяжка. Въ письмѣ къ г. Кандинскому, которое въ подтвержденіе своей мысли цитируетъ въ жалобѣ повѣренный гражданской истицы, заключается какъ разъ обратное утвержденіе: «Саша убить совершенно случайно» — вотъ что утверждаетъ г. Палемъ. Гдѣ-же основаніе влгать въ эти слова «намѣреніе», а вѣдь именно намѣреніе-то совершенно необходимо для обвиненія кого-либо по 1484 ст. улож. Очевидно говорится,

что самый выстрѣлъ случаенъ, почему обвиняемая, не обинуясь, всѣ естественныя послѣдствія такого выстрѣла называетъ также «случайными». Признавай она намѣренность выстрѣла, едва-ли ей даже пришло-бы въ голову относить смерть Довнара на счетъ простой «случайности». Юристы только и притомъ, какъ мы видимъ, запоздало могутъ додуматься до такого хитраго и противоестественнаго комбинированія причины со слѣдствіемъ. Такимъ образомъ приписываемое г. предсѣдателю нарушеніе 812 ст. уст. уг. суд., вовсе не имѣло мѣста. Оно было-бы на лицо, но лишь въ одномъ случаѣ: если бы г. предсѣдатель вздумалъ усвоить себѣ юридическія воззрѣнія гг. кассаторовъ и поступить согласно ихъ, къ счастью лишь нынѣ предлагаемому, рецепту.

Вторымъ кассационнымъ поводомъ выдвигается тотъ эпизодъ, который собственно и можетъ быть названъ «условіями, при которыхъ завершилось дѣло Палемъ». Эпизодъ, отнынѣ знаменательный, самъ по себѣ однако весьма заурядный и ничтожный. Сущность его такова. При постановкѣ вопросовъ защита заявила свое скромное ходатайство о дополненіи вопроснаго листа третьимъ вопросомъ, вопросомъ о вѣнненіи по признакамъ 96 ст. ул. о нак. Она находила, что, по силѣ 763 ст. уст. угол. суд., ей принадлежитъ право возбудить вопросъ: не совершила-ли свое дѣяніе Палемъ въ состояніи болѣзненнаго умоизступленія? Суду, разсматривающему дѣло по существу, принадлежитъ исключительно право рѣшать окончательно «вытекаетъ-ли подобный вопросъ изъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла или не вытекаетъ. Въ сотнѣ рѣшеній сената выражено, что вопросы по существу дѣла вовсе не подлежатъ повѣркѣ со стороны кассационной инстанціи. Казалось-бы дѣло ясно. Судъ, согласно выраженному мнѣнію теперешнихъ кассаторовъ, въ то время обвинителей, рѣшилъ и при-

томъ «окончательно», что такой вопросъ «не вытекаетъ» изъ обстоятельствъ дѣла и *въ ходатайствѣ защиты отказалъ*. Спрашивается: на что-же могутъ претендовать господа жалобщики? Невѣроятно и между тѣмъ именно такъ: на то, что судъ, *ихъ же послушалъ*, ихъ-же удовлетворилъ, поступивъ во всемъ согласно съ ихъ требованіемъ. Но на *это*—развѣ можно жаловаться? Ст. 909 уст. угол. суд. безусловно это возвращаетъ. Жаловаться въ кассационномъ порядкѣ,—да и въ апелляционномъ и во всякомъ другомъ,—можетъ лишь тотъ, кого въ чемъ-либо не удовлетворили, кого стѣснили. Иначе причемъ-же равноправность, гдѣ-же составительный процессъ? Каждая «сторона» въ процессѣ должна прежде всего знать твердо, чего она хочетъ, чего требуетъ, къ чему стремится. Иначе возможно-ли съ нею вообще «состязаться»? Какъ бороться внѣ правилъ и условій честной и откровенной борьбы? Въдь это будетъ уже не борьба, а скорѣе одностороннее нападеніе на того, кому предварительно свяжутъ еще руки. Ст. 763, дозволяющая защитѣ просить о постановкѣ вопроса объ обстоятельствахъ, исключаящихъ вмѣненіе, есть привилегія защиты. Теперь эту привилегію превращаютъ для нея въ *privilegium odiosum!* Сами протестовали, сами возражали, сами отняли у насъ эту процессуальную льготу, а теперь намъ-же хотятъ поставить ее на счетъ. Это не состязаніе, это не равноправность сторонъ! Выворачивайте, какъ угодно, тотъ процессуальный эпизодъ, о которомъ идетъ рѣчь, изъ него ни прокуроръ, ни гражданскій истецъ (въ томъ насъ категорически удостовѣряетъ 909 ст. уст. угол. суд.) не въ правѣ извлечь для себя никакого кассационнаго повода. Но именно изъ этого эпизода, какъ изъ рога изобилія, посыпались всѣ «поводы». Г. товарищъ прокурора ссылается на нарушеніе 762, 549 и 804 ст. уст. угол. суд., а г. повѣренный гражданской

истицы забирается еще глубже въ дебри казуистики и требует не только отмѣны приговора окружнаго суда, но и самаго преданія суду, указывая на нарушенія 353—355 и 531 ст. уст. угол. суд.

Посмотримъ-же, чего и на какихъ основаніяхъ въ правѣ домогаться передъ вами гг. кассаторы?

Они указываютъ на то, что, когда предсѣдатель, во исполненіе 762 ст. уст. угол. суд., предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ высказаться, не имѣютъ-ли они съ своей стороны какихъ-либо возраженій противъ редакціи вопросовъ, то нѣкоторые изъ присяжныхъ (заявило о томъ двое) какъ-бы присоединились къ ходатайству защиты о постановкѣ дополнительнаго вопроса. Тогда, ранѣе чѣмъ постановить свое опредѣленіе по поводу ходатайства защиты, судъ поручилъ г. предсѣдателю разъяснить присяжнымъ значеніе подлежащихъ статей закона, на которые сослался защитникъ. Были разъяснены такимъ образомъ 96 ст. улож. о нак., 353 и 355 ст. уст. угол. суд. Противу правильности преподанныхъ г. предсѣдателемъ разъясненій никто не спорить. Послѣ этого, т. е. именно послѣ того, когда присяжные дали себѣ ясный отчетъ въ томъ, въ чемъ заключалось ходатайство защиты, предсѣдатель вручилъ имъ самый проектъ вопросовъ и, строго держась текста 762 ст., пригласилъ ихъ «обдумать» проектъ вопросовъ и заявить, желаютъ-ли они его дополненія. Послѣ пятиминутнаго обсужденія, присяжные единогласно заявили, что возраженій не имѣютъ и дополнять вопросы добавленіемъ вопроса, о которомъ заявляла защита, съ своей стороны не находятъ нужнымъ. Послѣ этого судъ удалился для совѣщанія и вынесъ опредѣленіе, которымъ отказалъ защитѣ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса, какъ не вытекающаго изъ обстоятельствъ дѣла, и съ тѣмъ вмѣстѣ утвердилъ уже извѣстный проектъ вопросовъ. Спрашивается, гдѣ-же

и въ чемъ нарушенія? Въ разъясненіи присяжнымъ законовъ и ихъ правъ? Въ приглашеніи «обдумать»? Надѣюсь, что все это лишь вяція гарантіи правильнаго отправленія правосудія, а ужъ конечно не нарушенія. Не торопить-же предсѣдателю присяжныхъ, не играть-же съ ними въ темную. Говорятъ, что отказавшись отъ постановки вопроса о невмѣненіи по болѣзни подсудимой, присяжные затѣмъ именно своимъ отвѣтомъ «невиновна» и сказали, что она больна психически. Гг. сенаторы, просмотрите списокъ присяжныхъ засѣдателей рѣшавшихъ дѣло, вы имѣете передъ собою безусловно интеллигентныхъ людей. Что за самоувѣренная прозорливость, что за искусственное превращеніе присяжныхъ тотчасъ-же въ «малыхъ ребятъ», какъ только они скажутъ свое, а не то, что мы хотимъ имъ навязать. Всякое судебное опредѣленіе мы обязаны истолковывать логично, пока это возможно. А въ данномъ случаѣ логика и послѣдовательность въ мышленіи присяжныхъ—на лицо. Не находя достаточныхъ основаній признавать наличность «психической болѣзни», они вовсе отказываются отъ постановки подобнаго вопроса, но, разъ они вопроса сознательно не ставятъ, нелогично умозаключать, что именно на него-то они и отвѣчаютъ. Защита вѣдь не на этомъ и строила все оправданіе Палемъ, она ссылалась на случайность самаго выстрѣла, лишившаго Довнара жизни. Если я возбудилъ вопросъ о психическомъ состояніи Палемъ, то лишь попутно, быть можетъ отъ излишней мнительности, изъ нежеланія рѣшить этотъ вопросъ самолично, такъ какъ на все, могущее отразиться на судьбѣ обвиняемой, защитникъ обязанъ своевременно обратить вниманіе суда. И это мое ходатайство имѣло именно такой смыслъ: «я сомнѣваюсь, здорова-ли? не выдѣлить-ли объ этомъ вопросъ?» На это обвинители мнѣ возражаютъ: «пустяки, совершенно здорова, вопроса даже быть не мо-

жетъ!»! И судъ и присяжные соглашаются съ ихъ мнѣніемъ. Присяжные «не желаютъ» дополнительнаго вопроса, а судъ въ силу дискреціонно предоставленной ему въ томъ власти, мнѣ «отказываетъ». Теперь я спрашиваю, какова-же роль кассаторовъ, настаивающихъ теперь на этомъ «нарушеніи?» Тамъ, гдѣ было «существо» дѣла, гдѣ каждый «по совѣсти» долженъ былъ высказать свое мнѣніе и убѣжденіе о подсудимой и о ея винѣ, гг. обвинители стѣною шли, устраняя самый вопросъ о психической болѣзни, не допуская о ней даже и мысли, и доказывая полную и безусловную виновность Палемъ въ убійствѣ. Теперь-же, когда «существа», нѣтъ, но за то нужно, во что-бы то ни стало, «кассация», — вспоминаютъ, что «она быть можетъ и сумасшедшая». А какъ-же эту «быть можетъ, — сумасшедшую» вы съ легкимъ сердцемъ, безъ дальнихъ справокъ предлагали отправить на каторгу. Вѣдь, — шутка сказать, — на что вы шли!

Нѣтъ, гг. сенаторы, уступить этотъ «поводъ» въ пользу кассаторовъ невозможно, невозможно столько-же по основаніямъ нравственнымъ сколько и юридическимъ.

Изъ круга того-же эпизода г. товарищъ прокурора извлекъ для себя еще одно «нарушеніе», а именно нарушение 619 ст. уст. уг. суд.

Передъ тѣмъ какъ присяжные засѣдатели удалились обдумать проэктъ вопросовъ, ему, г. товарищу прокурора, не было разрѣшено г. предсѣдателемъ дать свое «заключеніе» въ качествѣ «блюстителя закона». По справкѣ съ закономъ оказывается однако, что въ тотъ моментъ процесса, о которомъ идетъ рѣчь, г. прокуроръ былъ вовсе не «блюстителемъ закона», а «стороною въ дѣлѣ». Онъ возражалъ по существу и высказалъ свое мнѣніе, давать-же «заключеніе» права ни имѣлъ. Блюсти законы въ тотъ моментъ лежало исключительно на обязанности суда. 619 ст. у. у. суд.,

разъясненная рѣшеніями правительствующаго сената ($\frac{68}{88}$, $\frac{68}{489}$ и $\frac{74}{305}$), прямо *запрещаетъ* прокурору давать свои «заключенія» относительно постановки вопросовъ; она требуетъ отъ него лишь «мнѣнія», какъ отъ «стороны». Въ этомъ глубокой смыслъ и глубокая разница. «Блюстителю закона» на его «заключеніе» защитникъ *возражать не въ правѣ*; противопоставлять же заявленіямъ и мнѣніямъ обвинителя свои возраженія и мнѣнія онъ не только можетъ, но и долженъ. И такъ противное, т. е. допущеніе г. товарища прокурора къ дачѣ своего «заключенія», явилось бы нарушеніемъ закона. Это нарушеніе благополучно и своевременно устранено г. предѣдателемъ.

Наконецъ протестъ г. товарища прокурора указываетъ на 549 ст. Открылись на судѣ «новыя обстоятельства» о психически-болѣзненномъ состояніи Палемъ, почему судъ обязанъ былъ процессъ пріостановить и все дѣло представить въ судебную палату, отъ которой бы и зависѣло все дальнѣйшее его направленіе. Какія-же это «новыя» обстоятельства? Просьба защиты о постановкѣ вопроса? Одно голословное заявленіе защиты, отвергнутое судомъ, какъ это разъяснено уже сенатомъ (76 г. № 48 по дѣлу Челова), никоимъ образомъ не есть «обстоятельство», требующее представленія дѣла въ палату. Самъ судъ рѣшаетъ, основательно-ли подобное заявленіе защиты или нѣтъ. Притомъ мое указаніе на возможность психической болѣзни у Палемъ, если и признать его за «обстоятельство», все-же обстоятельство отнюдь «не новое». Еще во время приготовительныхъ къ суду дѣйствій я подавалъ прошеніе о вызовѣ трехъ экспертовъ-психіатровъ, но судъ мнѣ въ этомъ отказалъ. Наконецъ, что обстоятельства, могущія дать поводъ подозрѣвать въ Палемъ психически-больную не новы, — лучшимъ доказательствомъ служить кассационная жалоба гражданскаго истца, ко-

торый, сдѣлавъ выписки изъ двѣнадцати свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, именно въ виду того, что эти обстоятельства «не новыя», онъ ходатайствуетъ съ своей стороны объ отмѣнѣ самаго преданія суду въ виду нарушенія судебною палатою ст. 531, 353 и 355 уст. угол. суд. Такимъ образомъ сами обвинители никакъ не столкуются, что-же для нихъ «ново» и что «не ново». Но всѣ эти ихъ искреннія или только кажущіяся недоразумѣнія для насъ все-таки безразличны. Пока сенатъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ кассационной инстанціи (а законы именно такъ гласятъ), ревизовать дѣло, вторгаться въ его существо, рѣшать, что въ дѣлѣ ново и что старо,— онъ вовсе не въ правѣ. Это безповоротно представлено инстанціямъ, рѣшающимъ дѣло по существу, т. е. окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ. Положеніе это подкрѣпляется и рѣшеніями самого правительствующаго сената (^{67/471}, ^{70/319}, ^{71/1762}), который призналъ, что судить о значеніи того фактическаго матеріала, который имъ не провѣряется и всесторонне не изслѣдуется, по меньшей мѣрѣ невозможно. Такимъ образомъ и этотъ послѣдній «кассационный поводъ», пріурочиваемый къ эпизоду о постановкѣ вопросовъ представляется, съ законной точки зрѣнія, призрачнымъ.

Остается затѣмъ еще указаніе гражданскаго истца на то, что судебная палата нарушила 531 ст. уст. угол. суд., не исключивъ изъ дѣла «излишній» матеріалъ. Этотъ излишекъ, по мнѣнію кассатора, сбиль съ толку присяжныхъ, затемнилъ дѣло, развлекъ ихъ вниманіе. Признаюсь, всѣ подобныя ламентации я нахожу и непослѣдовательными и глубоко-неискренними. Что нибудь одно: или присяжные — судьи, которымъ мы вѣримъ и которыхъ ничто не собьетъ съ толку, разъ имъ присущи нравственное чутье и совѣсть; или ихъ участіе въ дѣлахъ насъ только тяготитъ и стѣ-

снять. Упражненіе въ искусствѣ брать ихъ подѣ свою опеку, въ качествѣ малолѣтнихъ, едва-ли отвѣчаетъ и назначенію и достоинству этого авторитетнаго института. Судъ только и дорогъ правосудною независимостью и самостоятельностью своихъ сужденій. Если изъ суда нужно дѣлать нѣчто опекаемое и ведомое на помочахъ, то не все-ли намъ равно, будутъ-ли присяжные, или ихъ вовсе не будетъ. Разъ этотъ институтъ все еще не вышелъ изъ подѣ опеки, все еще признается «экзотическимъ» растеніемъ, все еще требуетъ «ревизіи» своихъ рѣшеній, тщетно устанавливать границы того, что для него можетъ быть полезно и что вредно. Опекать судью — это все равно, что судить вмѣсто него. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ: судили, кажется, люди интеллигентные, добросовѣстные, съ величайшимъ вниманіемъ проникались своею задачею, «по крайнему разумѣнію, по чистой совѣсти» разрѣшили дѣло, какъ клялись передъ Богомъ. Оказывается — нехорошо, все на смарку, не годится. Заново подсудимую лишимъ защитника, отмѣнимъ преданіе суду, посадимъ ее снова въ тюрьму (не бѣда, что сами подозрѣваемъ въ ней больную), съизнова начнемъ слѣдственные манипуляціи и все это во имя того, что въ дѣлѣ будто-бы слишкомъ много *лишняго*, черезъ чуръ многое раскрылось для присяжныхъ.

Но хотя бы вспомнили то, что вся грамотная Россія читала «дѣло Палемъ» и укрыть въ ея дѣлѣ для суда общественной совѣсти ничего не прійдется и впредь. И самый поводъ кассациі оказывается такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ безпредметнымъ. Но и съ формальной стороны онъ неправиленъ. То, что признается нынѣ «излишнимъ», оглашалось и читалось по требованію самихъ-же обвинителей. Тогда они еще рассчитывали доказать виновность Палемъ «въ заранѣе обдуманномъ убійствѣ изъ мести» — и доказательства требовались

довольно сложныя. Чѣмъ же однако повинна Палемъ, что доказательства эти неожиданно стали въ ея защиту? Только съ этого момента кассаторы стали находить, что они «излишни».

Господа сенаторы! Я кончаю свои объясненія. Или я ослѣпъ и ничего не вижу, или мой выводъ неотразимо правиленъ: въ дѣлѣ абсолютно отсутствуютъ поводы для кассациі приговора. Пойти по стопамъ кассаторовъ значило-бы врѣзаться въ самое существо дѣла, пренебрегая всѣми законными предѣлами кассационнаго производства. Заранѣе прошу Васъ, г. первоприсутствующій, разрѣшить мнѣ воспользоваться правомъ послѣдняго слова. Я чутко и съ напряженнымъ вниманіемъ стану прислушиваться къ тѣмъ разъясненіямъ, которыя будутъ намъ здѣсь преподаны въ заключеніи г. представителя закона. Быть можетъ послѣ этого я уловлю наконецъ все, сокрытое для меня пока, значеніе указываемыхъ намъ поводовъ. Передъ глазами моими неожиданно для меня самого быть можетъ откроются новыя юридическія «перспективы», и вообще широкіе горизонты. Но пока я лишь испытываю нетерпѣливое волненіе отъ опасенія: исчерпана-ли мною вся задача? Одна мысль, что я, быть можетъ, сказалъ не все, что слѣдуетъ сказать по этому дѣлу, способна повергнуть меня въ отчаяніе. У Митермайера, извѣстнаго нѣмецкаго юриста, въ его «Руководствѣ къ судебной защитѣ» есть между прочимъ указаніе на то, что защитительныя рѣчи адвоката, кромѣ всякихъ иныхъ видовыхъ подраздѣленій, могутъ еще подраздѣляться на торжественныя (*sollenis*) и обыкновенныя (*minus sollenis*). Признаюсь, вплоть до сегодняшняго дня я считалъ, что всѣ эти клички и подраздѣленія—не болѣе, какъ хитроумныя выдумки ученаго нѣмца по страсти къ педантизму и номенклатурѣ. Когда защищаешь свободу, честь, вообще интересы живого человѣка, казалось

мнѣ, защита всегда дѣло одинаково важное, одинаково серьезное, одинаково торжественное. Въ эту минуту я чувствую, что ошибался. Теперь я совершенно увѣренъ, что бываютъ защиты именно «торжественныя», когда всѣ безъ остатка силы радъ-бы былъ отдать, ради достиженія именно «торжества» правосудія. Задача необыкновенно тяжелая выпала мнѣ сегодня на долю. Я поднимаю свой голосъ, слабый голосъ, въ защиту не только интересовъ той несчастной, которой грозятъ новыя бѣды, но и въ защиту независимости и неприкосновенности другого болѣе могучаго голоса,—голоса общественной совѣсти».

Заключеніе оберъ-прокурора сенатора *А. О. Кони*.

„Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей по дѣлу, подлежащему нынѣ разсмотрѣнію правительствующаго сената, вызвало крайнія и противорѣчивыя мнѣнія, страстная поспѣшность которыхъ, во всякомъ случаѣ, превосходитъ ихъ основательность и обдуманность. Съ одной стороны, это рѣшеніе представляется образцомъ правосуднаго урока изъ области личной нравственности, направленного на защиту тягостнаго положенія женщины,—съ другой стороны, въ немъ усматривается яркое доказательство непригодности суда присяжныхъ, не дающаго своими приговорами удовлетворенія возмущенному преступленіемъ чувству. Но не въ такихъ мнѣніяхъ и не въ неумѣстныхъ рукоплесканіяхъ, встрѣтившихъ провозглашеніе этого рѣшенія, содержится истинная оцѣнка его правильности. Она должна исходить изъ вопроса о томъ—состоялся-ли приговоръ присяжныхъ въ такихъ условіяхъ, которыя, по закону, даютъ ему силу судебного рѣшенія? Если эти условія не соблюдены,—если присяжнымъ не была дана возможность свободно выразить всѣ оттѣнки своего внутренняго убѣжденія по дѣлу,—или они не были ознакомлены съ полнотою

своихъ правъ по отвѣту на вопросы о виновности, или если они были призваны высказаться въ области имъ не подлежащей, или-же, наконецъ, обсуждали дѣло, сущность котораго затемнена усиленнымъ нагроможденіемъ излишнихъ и чуждыхъ разсматриваемому преступленію подробностей,—то о значеніи ихъ приговора и о степени его правильности говорить *преждевременно*, ибо при такой обстановкѣ—есть *отвѣтъ* присяжныхъ, но *приговора*—нѣтъ.

Обращаясь къ дѣлу объ убійствѣ Ольгою Палемъ студента Довнара — надлежитъ признать, что такія условія соблюдены не были и что состоявшійся о ней приговоръ не можетъ имѣть силы судебного рѣшенія. На судѣ, правильно устроенномъ, каждое обвиненіе въ убійствѣ подлежитъ обсужденію не только съ точки зрѣнія совершившагося преступнаго событія, но и потому, что хотѣлъ совершить виновный въ этомъ событіи, какъ и когда возникла въ немъ и окрѣпла преступная воля и явилась-ли она проявленіемъ свободнаго самоопредѣленія, а не результатомъ болѣзненно помраченнаго сознанія. Поэтому, призывая присяжныхъ для отвѣта на вопросъ о виновности, законъ заботится о томъ, чтобы въ случаѣ возникновенія при разсмотрѣніи и разрѣшеніи дѣла одного или нѣкоторыхъ изъ этихъ коренныхъ вопросовъ, имъ была предоставлена возможность подвергнуть ихъ своему обсужденію. Этой возможности присяжнымъ застѣдателямъ въ дѣлѣ Палемъ предоставлено не было и имъ не было указано на полноту ихъ правъ въ этомъ отношеніи.

Подсудимая была предана суду по обвиненію въ убійствѣ студента Довнара по заранѣе обдуманному намѣренію, для чего она пригласила его на свиданіе, т. е. по обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ, по признакамъ 1454 ст. улож. Судъ постановилъ дополнительный вопросъ объ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, пре-

дусмотрѣнномъ 2-ю ч. 1455 ст. улож. Оба вопроса, различаясь видомъ умысла, сходны, однако, въ одномъ—въ цѣли лишить жизни жертву преступленія. Но подсудимая, какъ видно изъ протокола суда, заключенія его на замѣчанія сторонъ и изъ обвинительнаго акта, виновною себя въ производствѣ выстрѣла въ Довнара съ цѣлью лишить его жизни не признавала, а заявляла, что стрѣляла по направленію къ Довнару съ цѣлью его напугать и что такимъ образомъ смерть его произошла случайно. Поэтому и на основаніи 801 и 812 ст. у. у. с. присяжнымъ должно было быть разъяснено, что они имѣютъ право дать на каждый изъ постановленныхъ вопросовъ ограничительный отвѣтъ, именно по отношенію къ умыслу Палемъ лишить Довнара жизни. Этимъ имъ давалась бы возможность, въ случаѣ признанія ими объясненій подсудимой справедливыми,—признать ее виновною въ нанесеніи, безъ умысла на убійство, смертельнаго поврежденія Довнару. Безъ указанія-же на право дать такой ограничительный отвѣтъ, присяжные были замкнуты въ предѣлахъ вопросовъ, центромъ тяжести которыхъ была цѣль лишить жизни—и если они почему-либо отрицали эту цѣль, то были поставлены въ безвыходное положеніе — или признать Палемъ виновною свыше содѣяннаго, или — оправдать ее, не имѣя возможности осудить за то, въ чемъ она, по убѣжденію ихъ, виновна. Между тѣмъ, объясненіе подсудимымъ своей вины, провѣряемое личнымъ впечатлѣніемъ присяжныхъ и развертывающееся передъ ними картиною обстоятельствъ дѣла, имѣетъ на судѣ, по внутреннему убѣжденію, не стѣсняемому формальными доказательствами, весьма важное значеніе. Не даромъ судебные уставы, въ противоположность отжившимъ судебнымъ порядкамъ, поставили однимъ изъ главныхъ условій уголовного разбирательства право, а по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ, даже обязанность подсудимаго присутствовать на судѣ,—не даромъ и не бесплодно ему присвоено всегда

и во всемъ касающемся предъявленнаго къ нему обвиненія — послѣднее слово. Въ виду этого и кассационная практика всегда придавала особое значеніе разъясненію присяжнымъ права ихъ давать ограничительные отвѣты и изъ рѣшеній 1876 г., № 48, и въ особенности 1880 г., № 41, по дѣлу Игумновой вытекаетъ, что умолчаніе объ этомъ правѣ только тогда не составляетъ нарушенія, когда по содержанію вопроса не существуетъ возможности ограничительнаго отвѣта. Поэтому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нарушеніемъ и притомъ въ виду особой важности въ процессѣ постановки вопросовъ и разъясненія способовъ отвѣта на нихъ—съ нарушеніемъ существеннымъ.

Этому нарушенію по отношенію къ содержанію отвѣта присяжныхъ на вопросы—соотвѣтствуетъ и другое, столь же, если даже не болѣе важное, нарушеніе по отношенію къ содержанію вопросовъ или, точнѣе, къ объему того, что предоставлено было обсужденію присяжныхъ. Возможность осужденія невиновнаго всегда волнуетъ посторонняго наблюдателя. Она всегда должна тревожить совѣсть судьи, вызывая въ немъ сознательную и иногда очень трудную борьбу между возникающими сомнѣніями и слагающеюся увѣренностью. Но сомнѣніе въ виновности при наличности преступнаго событія можетъ быть различное. Оно можетъ направляться на совершеніе того преступленія, въ которомъ обвиняють подсудимаго,—оно можетъ направляться на его духовную природу, на его вмѣняемость. Бездоказательное, лишенное всякаго основанія осужденіе должно также болѣзненно отразиться на душѣ всякаго, въ комъ не замерло чувство справедливости и человѣколюбія,—какъ и осужденіе человѣка съ померкшимъ или изступленнымъ разсудкомъ, переставшимъ освѣщать ему его пути и дѣянія. И то, и другое осужденія суть своего рода общественныя несчастія. Поэтому если у судей или присяжныхъ возникаетъ сомнѣніе въ

томъ, не находились-ли душевныя силы подсудимаго при содѣянїи имъ преступнаго дѣла въ болѣзненномъ состоянїи, исключаящемъ возможность вмѣненїя, — и если это сомнѣнїе не мимолетно и неуловимо, а выражено точно и опредѣленно, оно должно найти себѣ возможный способъ разрѣшенїя въ постановляемыхъ судомъ вопросахъ, а не висѣть на воздухѣ между словами «да виновенъ», и «нѣтъ, не виновенъ».

По дѣлу Палемъ такое сомнѣнїе у присяжныхъ возникло, когда защита ходатайствовала о постановкѣ дополнительнаго вопроса по 96 ст. ул. о нак. о томъ, не совершила-ли подсудимая преступленїе въ припадкѣ умоизступленїя. Къ этому ходатайству присоединились четыре присяжныхъ засѣдателя, несмотря на выслушанное ими заключенїя лица прокурорскаго надзора объ оставленїи домогательства защиты безъ удовлетворенїя. Это было, по существу своему, заявленїе одной трети присяжныхъ о томъ, что имъ представляется сомнительнымъ, чтобы подсудимая стрѣляла въ Довнара, сознавая смыслъ своихъ дѣйствїй и имѣя возможность управлять ими. Разрѣшенїе этого сомнѣнїя въ ту или другую сторону представлялось чрезвычайно важнымъ въ интересахъ истиннаго правосудїя. Оставлять это сомнѣнїе не только безъ надлежащаго разъясненїя, но и безъ предоставленїя ему законнаго способа выразиться при обсужденїи виновности подсудимой значило и по вопросу о вмѣняемости ставить присяжныхъ въ такое-же безвыходное положенїе, какъ и по вопросу о составѣ преступленїя. Когда присяжному засѣдателю, сомнѣвающемуся въ здоровомъ разсудкѣ подсудимаго при совершенїи его дѣянїя предоставляется на выборъ лишь обвиненїе или оправданїе, едва-ли возможно сомнѣваться въ его выборѣ. Относясь совѣстливо къ своимъ обязанностямъ и памятуя, что отъ его слова очень часто зависитъ вся судьба челоувѣка, имъ судимаго, — присяжный засѣдатель, конечно, скажетъ это слово за оправ-

даніе—и скажетъ его не только въ силу глубокаго правила *in dubio mitius*, но и изъ чувства нравственнаго самосохраненія. Судъ не принялъ, однако, мѣръ къ разъясненію и дальнѣйшему разрѣшенію сомнѣнія, на которое такъ ясно указывала внушительная для всякаго голо-сованія треть присяжныхъ. Судъ устранилъ это сомнѣніе, признавъ достаточнымъ преподать присяжнымъ засѣдателямъ описаніе порядка освидѣтельствованія сумасшедшихъ и умоизступленныхъ по 353—355 ст. уст. угол. суд. и указать имъ, что при предварительномъ слѣдствіи не обнаружено обстоятельствъ, вызывающихъ предположеніе о болѣзненномъ состояніи подсудимой, предусмотрѣнномъ 96 ст. улож. о наказ. Такое устраненіе подлежитъ признать вполне неправильнымъ и стѣсняющимъ свободу сужденія присяжныхъ засѣдателей. Оно, — во первыхъ, — *не умле-сообразно по своему приему*. Приглашая присяжныхъ обдумать свое ходатайство въ совѣщательной комнатѣ, послѣдствіемъ чего былъ отказъ ихъ отъ этого ходатайства, судъ ставилъ себя въ возможность услышать подтвержденіе этого ходатайства. Но онъ зналъ, что и на это подтвержденіе, хотя бы даже оно исходило отъ всѣхъ присяжныхъ, безусловно необходимо отвѣтить отказомъ, ибо твердыя и не подлежащія никакому колебанію указанія сената, идущія еще съ 1867 по 1892 годъ, начиная съ дѣла Протопопова и кончая дѣломъ Сергѣева, воспретили постановку вопросовъ о невмѣненіи безъ предварительнаго соблюденія порядка освидѣтельствованія по 353—355 ст. у. у. с. Къ чему-же было это бесплодное совѣщаніе присяжныхъ. Въ судебномъ дѣлѣ все излишнее и напрасное— является вреднымъ тормазомъ для правильнаго исхода. Во вторыхъ, это устраненіе является нарушеніемъ *правильнаго теченія дѣла на судъ*. Совѣщаніе большинства присяжныхъ о томъ, слѣдуетъ-ли ставить не могущій быть поставленнымъ вопросъ о причинахъ невмѣненія, вытекающихъ изъ сомнѣнія, возникшаго у меньшинства— есть

совѣщаніе по существу дѣла; есть предрѣшеніе отвѣта на вопросъ объ отвѣтственности подсудимаго, при которомъ необходимо обсудить все обстоятельства дѣла въ ихъ совокупности. Отказъ присяжныхъ отъ своего ходатайства въ данномъ случаѣ есть выраженіе подчиненія меньшинства мнѣнію большинства, которое можетъ быть результатомъ нежелательнаго для правосудія компромисса въ узкихъ предѣлахъ уже поставленныхъ вопросовъ. Но законъ требуетъ, чтобы рѣшительное совѣщаніе присяжныхъ по существу предъявленнаго предъ ними обвиненія происходило не только послѣ утвержденія судомъ вопросовъ, но и послѣ руководящаго напутствія предсѣдателя, разъясняющаго смыслъ, значеніе и способы разрѣшенія этихъ вопросовъ и преподающаго основаніе для сужденія о силѣ доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Принимая во вниманіе, что окончательное совѣщаніе присяжныхъ продолжалось, какъ видно изъ протокола, 35 минутъ, а процедура обсужденія ходатайства о постановкѣ вопроса по 96 ст. улож. судомъ и присяжными заняла 2 часа и 10 минутъ, нельзя не признать, что совѣщаніе присяжныхъ, занявшее, надо думать, не малую часть этого времени, было, именно, тѣмъ преждевременнымъ обсужденіемъ имѣющихъ послѣдовать отвѣтовъ, которое существенно нарушаетъ законную хронологію судебного разсмотрѣнія дѣла. Въ третьихъ—это устраненіе представляетъ собою *смѣшеніе области суда и присяжныхъ*. По силѣ 762 ст. у. у. с. каждый изъ присяжныхъ имѣетъ право дѣлать замѣчанія относительно дополненія или исправленія поставленныхъ судомъ вопросовъ, но отъ суда зависитъ признавать ихъ уважительными или нѣтъ. Это дискреціонное право суда, за исключеніемъ лишь случаевъ отказа въ постановкѣ вопросовъ о причинахъ, исключających вѣроятность, когда основательность такого отказа подлежитъ, согласно рѣшенію 1869 г. № 536 и 1871 г. № 1,401 провѣркѣ правительствующаго сената. Отказъ

суда, несомнѣнно, долженъ основываться на соображеніи обстоятельствъ, выясненныхъ на судебномъ слѣдствіи—и если удовлетвореніе ходатайства присяжныхъ стоитъ въ зависимости отъ разрѣшенія вопросовъ судопроизводственныхныхъ, то вопросы эти долженъ разрѣшить судъ, одинъ судъ, который исключительно призванъ къ этому. Возлагать на присяжныхъ разрѣшеніе процессуальныхъ вопросовъ—значить выводить ихъ изъ принадлежащей имъ области вѣдѣнія. Между тѣмъ, судъ по настоящему дѣлу, предпославъ совѣщанію присяжныхъ о постановкѣ вопроса по 96 ст. улож. изложеніе порядка освидѣтельствованія душевно-больныхъ, установленнаго 353 — 355 ст. у. у. с., предоставилъ имъ рѣшить, слѣдуетъ-ли имъ настаивать на своемъ ходатайствѣ въ виду невыполненія этого порядка при предварительномъ слѣдствіи, т. е. рѣшить вопросъ процессуальный, сводящійся къ тому, возможно-ли судить о душевномъ состояніи Палемъ безъ исполненія цѣлаго сложнаго судопроизводственнаго обряда. Съ другой стороны, не предпринявъ никакихъ дѣйствій къ разъясненію присяжнымъ, возникшаго по дѣлу въ средѣ ихъ сомнѣнія и поставивъ ихъ въ такое положеніе, что они пришли къ необходимости отказаться отъ ходатайства по поводу этого сомнѣнія, судъ тѣмъ самымъ принялъ на себя окончательное разрѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ по существу дѣла, постановка котораго на основаніи 763 ст. безусловно обязательна, если только въ судебномъ слѣдствіи онъ возникалъ и притомъ существуетъ законный способъ для собранія надлежащихъ и всесторонне провѣренныхъ для разрѣшенія его матеріаловъ. Оба эти послѣднія условія по дѣлу Палемъ существовали.

Вопросъ о болѣзненномъ душевномъ состояніи на судебномъ слѣдствіи возникалъ. Судъ въ своемъ постановленіи по поводу постановки вопросовъ утверждаетъ, что на судебномъ слѣдствіи не обнаружено обстоятельствъ,

указывающихъ на совершение подсудимую преступленія въ припадкѣ болѣзни, доходящей до умоизступленія, — но это утвержденіе не можетъ быть признано правильнымъ. Судебные уставы вовсе не требуютъ для возбужденія вопроса объ умоизступленіи подсудимаго обстоятельство, *указывающихъ* на таковое, т. е. доказательствъ; —напротивъ ст. 355¹ примѣнимая согласно ст. 356 и примѣч. къ ст. 353 у. у. с. и рѣшеніе сената за 1892 г. № 20 по дѣлу Сергѣева къ возникновенію вопроса объ умоизступленіи не только при предварительномъ, но и на судебномъ слѣдствіи указываетъ лишь на «открытіе обстоятельствъ, дающихъ поводъ предполагать, что преступное дѣяніе учинено въ припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленіе или совершенное безумствѣ». Поэтому нужны лишь своего рода косвенныя улики нарушеннаго равновѣсія душевныхъ силъ, а не доказательства такого болѣзненнаго состоянія. И такіе «поводы предполагать» во время судебного слѣдствія по дѣлу возникали въ извѣстномъ изобиліи. Прежде всего въ числѣ данныхъ, предложенныхъ на обсужденіе суда обвинительнымъ актомъ, на выводахъ котораго строится, согласно 751 ст. у. у. с., главный вопросъ о виновности, указано на возбужденное состояніе Палемъ, не только послѣ совершенія убійства, но и осенью 1893 г., выразившееся въ нанесеніи, съ крикомъ, ударовъ подсвѣчникомъ одновременно Довнару и себѣ и въ производствѣ въ больницѣ, гдѣ лежалъ въ тифѣ Довнаръ, сценъ, въ которыхъ она проявляла «страстный, отчаянный характеръ». Затѣмъ, подобныя-же данныя были изложены на судебномъ слѣдствіи. Было допрошено восемь лицъ и оглашены показанія трехъ лицъ, совокупность которыхъ рисуется отчетливую картину, которая даетъ основательный «поводъ предполагать», о которомъ говоритъ 355¹ ст. у. у. с. Показанія свидѣтелей не занесены, согласно закону, въ протоколъ судебного засѣданія, но содержаніе

того, что слышалъ отъ нихъ судъ и присяжные, опредѣляется 718 ст. у. у. с. и отсутствіе указаній на противорѣчіе въ показаніяхъ и на примѣненіе 722 ст. того-же устава прочтеніемъ прежняго показанія, указываетъ на то, что на судѣ свидѣтелями повторены всецѣло показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи. И такъ— вотъ эта картина. Въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ, до 14 лѣтъ, Палемъ является первною, крайне раздражительною дѣвочкою, причемъ приступы раздраженія сопровождаются обмороками, въ періодъ зрѣлости эта нервность продолжается и усиливается, ее сопровождаютъ иногда галлюцинаціи, истерика, крайній упадокъ силъ, приводящій ее на нѣсколько дней въ безпомощное состояніе;—на секретаря министра путей сообщенія она производитъ впечатлѣніе женщины больной психически;—когда чѣмъ-либо вызывается въ ней припадокъ гнѣва или раздраженія, она быстро приходитъ въ изступленное состояніе, —бросаетъ и швыряетъ все, что попадетъ подъ руку, хватается за ножъ, угрожая себѣ и другимъ, вся трясется и глядитъ безсмысленнымъ взглядомъ со страшно вращающимися бѣлками, — «смотришь, — говоритъ Кураева, —она уже лежитъ гдѣ попало, ее трясетъ, она стонетъ, зубами клопочетъ, лицо блѣдное»... Такова она до убійства Довнара. Но и послѣ убійства она отдается своимъ порывамъ, не взирая ни на что. По свидѣтельству помощницы начальника дома предварительнаго заключенія, она приходитъ иногда въ неистовство, рветъ на себѣ волосы, бьется головою объ стѣну, швыряетъ разными предметами и т. д. На судѣ читалась, наконецъ, ея переписка. Уже за два слишкомъ мѣсяца до убійства она жалуется на смертную тоску, давящую до боли горло и грудь, какъ будто обваренную кипяткомъ. Все это слышали присяжные засѣдатели и на все это должны были обратить, согласно принятой присягѣ, «всею силою своего разумнія».

Но не одни только приведенныя обстоятельства дѣла

развертывались предъ судомъ, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, безъ выводовъ и обобщеній, — они подвергались анализу, который, по смыслу своему, соотвѣтствовалъ возбужденію вопроса о свойствѣ вмѣняемости обвиняемой. Не только защитникъ былъ допущенъ допрашивать врача Руковича, вызваннаго въ качествѣ эксперта, о психическомъ состояніи подсудимой во время совершенія ею преступленія, причѣмъ послѣднимъ высказано, что Палемъ страдаетъ крайнею возбужденностью нервной системы и рѣзко выраженной неврастеніей, — но и Руковичъ, въ свою очередь, получилъ разрѣшеніе допрашивать доктора Зельгейма о душевномъ состояніи подсудимой вслѣдъ за убійствомъ Довнара. Изъ удостовѣренныхъ судомъ замѣчаній на протоколъ видно, что на требованіе научныхъ выраженій и на желаніе знать — было-ли психическое состояніе Палемъ, описываемые, Зельгеймомъ «психизомъ» или «неврозомъ», Зельгеймъ «ничтоже сумняшеса» отрѣзалъ Руковичу, что „всякое убійство есть психозъ“.

Въ виду этихъ данныхъ нельзя утверждать, чтобы вопросъ о душевной ненормальности вовсе не возникалъ и не былъ затронутъ на судебномъ слѣдствіи. Онъ возникалъ ясно и вразумительно, — и притомъ въ предѣлахъ, именно 96 ст. улож. и IV къ нему приложения, а также ст. 355¹ у. у. суд. Законъ говоритъ, именно, о припадкахъ болѣзни, доводящихъ до умоизступленія и безпамятства. Если на обязанности суда не могло лежать точное и окончательное опредѣленіе, есть-ли несомнѣнные и удостовѣренные на судѣ свидѣтелями истерическіе припадки Палемъ, названные Руковичемъ рѣзко выраженной неврастеніей, результаты той, именно, болѣзни, о которой говоритъ 96 ст. улож., — то еще менѣе судъ имѣлъ основанія принимать на себя окончательное разрѣшеніе такого спеціальнаго невропатологическаго вопроса и рѣшать, что рѣзкая неврастенія не можетъ быть болѣзною, приводящею въ умоизступленіе. Судъ безусловно долженъ обла-

дать полнотою юридическихъ свѣдѣній, но желательно, чтобы въ дѣйствіяхъ его сказывалось и знакомство съ сопредѣльными съ юриспруденціею знаніями, съ широкою областью судебной медицины, хотя-бы настолько, чтобы устанавливать границу, до которой идетъ усмотрѣніе судьи и за которою начинается разъясненіе специалиста, свѣдущаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія необходимо имѣть въ виду, что современное изслѣдованіе имѣетъ цѣнныя и подробныя указанія на „быстротечное помѣшательство на почвѣ неврастеніи“, такъ называемое, *figo morbosus*, — на „историческій невропсихозъ“ и на скоропереходящее душевное разстройство у историческихъ больныхъ, между прочимъ выражающееся въ меланхолическомъ порывѣ—*gaptus melancholicus hystericus*. Разъясненій специалиста не должны чуждаться или опасаться ни судья, ни обвинительная власть. Не имѣющее юридической обязательной силы, провѣряемое на судѣ указаніями здраваго смысла, житейскаго опыта и логикою фактовъ, сопоставляемое съ другими, мнѣніе это, почерпнутое притомъ изъ спеціальнаго наблюденія, никакой опасности для правосудія не представляетъ и если нѣсколько усложняетъ процессъ, то зато уменьшаетъ вѣроятность роковой ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда за устраненіемъ надлежащей экспертизы, каждому присяжному приходилось-бы дѣлаться психіатромъ „на свой счетъ и страхъ“ или прислушиваться къ случайнымъ мнѣніямъ какого-нибудь самозваннаго знатока. Если судья не соглашается съ объясненіями эксперта, если обвинитель спорить противъ нихъ—у всѣхъ слѣдящихъ за отправленіемъ правосудія остается сознаніе, что, все-таки, свѣдущій человѣкъ предсталъ предъ судью, что онъ могъ сказать ему и сторонамъ классическое „бей, но выслушай!“ и что житейская правда дѣла, къ которой всемѣрно долженъ стремиться судья, освѣщена со всѣхъ сторонъ. Эта правда учитъ насъ, что въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, стремящійся при раздраженіи или возбужде-

ни—растерзать, истребить, удовлетворить свою похоть и т. д. Когда человекъ владѣеть этимъ сидящимъ въ немъ звѣремъ — онъ нормаленъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и обществу; когда онъ сознательно даетъ звѣрю возобладать въ себѣ и не хочетъ съ нимъ бороться сознательно—тогда онъ больной. Призовите первого въ судьи, — покарайте второго, но не называйте, а лечите третьяго, — и если есть поводъ къ сомнѣнію, кто стоитъ передъ вами—второй или третій — призовите на помощь науку и не стѣсняйтесь потерей времени и труда. Изслѣдованіе истины—стоитъ этой потери.

Поводы къ возбужденію сомнѣнія возникли притомъ не внезапно, ибо еще во время приготовительныхъ къ суду распоряженій защита ходатайствовала о вызовѣ экспертовъ психіатровъ, — и еще въ первый день пятидневнаго засѣданія экспертъ Рукевичъ, допрошенный по предмету поврежденій, причиненныхъ выстрѣломъ, былъ, по ходатайству защиты и старшины присяжныхъ, оставленъ въ залѣ засѣданій, изъ чего видно, что уже тогда признавалось необходимымъ выслушать мнѣніе свѣдущаго по врачебной части лица и притомъ не о тѣлесныхъ поврежденіяхъ Довнара. Это сомнѣніе ясно выразилось въ ходатайствѣ присяжныхъ. Его нельзя было оставить не разрѣшеннымъ надлежащимъ, указаннымъ въ законѣ порядкомъ—или считать, что оно разъяснено кореннымъ образомъ и безповоротно двумя выслушанными присяжными діаметрально противоположными мнѣніями доктора Рукевича о томъ, что припадки рѣзко выраженной неврастени не имѣютъ ничего общаго съ психическими болѣзнями—и доктора Зельгейма, что всякое убійство—психозъ. Вотъ почему суду надлежало отнестись съ глубокимъ вниманіемъ къ ходатайству присяжныхъ и, вмѣсто безплодной процедуры совѣщанія о постановкѣ не могущаго быть поставленнымъ вопроса, обратиться къ законному исходу, указанному 549 ст. у. у. с. и рѣшеніемъ сената по д.

Сергѣева 1892 г. № 20, которымъ признаны правильными дѣйствія суда, усмотрѣвшаго въ заявленіи защитника и объясненіяхъ подсудимаго поводъ къ предположенію о страданіи послѣдняго болѣзною, приводящею въ умозступленіе и представившаго о томъ судебной палатѣ для разрѣшенія ею, не представляется-ли необходимымъ освидѣтельствованіе подсудимаго по 353—355 ст. у. у. с. Сомнѣніе присяжныхъ, выраженное согласно 762 ст. уст. угол. суд., конечно, имѣеть еще большій вѣсъ и значеніе, чѣмъ заявленіе стороны или слова подсудимаго—и составляетъ доказательство возникновеніе въ дѣлѣ новаго обстоятельства, не бывшаго въ виду или упущеннаго изъ виду обвинительною камерою, на разрѣшеніе которой и должно быть о томъ представлено на основаніи 549 ст. у. у. с. Это былъ единственный правильный исходъ изъ дѣла. Многодневный трудъ суда и присяжныхъ не могъ-бы при этомъ считаться потеряннымъ, ибо результатомъ его являлась необходимость освѣтить одну изъ важнѣйшихъ сторонъ дѣла, да и, наконецъ, что значить потеря труда предъ такимъ шагомъ, который обезпечиваетъ полученіе въ предѣлахъ человѣческой возможности, правосуднаго рѣшенія? Вслѣдствіе этихъ соображеній приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей надъ Палемъ не могутъ быть оставлены въ силѣ, за нарушеніемъ 762, 812 и 549 ст. у. у. с. Этимъ не исчерпывается, однако, кассационное разсмотрѣніе дѣла Палемъ.

Задача всесторонняго разсмотрѣнія дѣла не была-бы исчерпана, если бы ограничиться только что приведеннымъ выводомъ. Онъ не объемлетъ всѣхъ нарушеній, допущенныхъ по дѣлу. Рѣшеніе присяжныхъ не можетъ считаться состоявшимся въ нормальныхъ условіяхъ и тогда, когда сущность дѣла затемнена и усложнена нагроможденіемъ излишняго, но не относящагося къ изслѣдуемому преступленію матеріала и когда судебное разслѣдованіе далеко переходя за границы, опредѣляемые сущ-

ностью отношеній обвиняемаго къ преступному событію, — вторгается въ непредѣльную область житейскихъ обстоятельствъ разворачиваемыхъ не для выясненія судимаго преступленія, а по поводу этого преступленія. Чрезмѣрное расширеніе области судебного изслѣдованія, внося въ дѣло массу свѣдѣній, быть можетъ, иногда и очень занимательныхъ въ бытовомъ отношеніи, создаетъ предъ присяжными пеструю и не стройную картину, въ которой существенное перемѣшано со случайнымъ, нужное только съ интереснымъ, серьезное со щекочущимъ праздное или болѣзненное любопытство. Этимъ путемъ невольно и неизбежно создается «извращеніе уголовной» перспективы, благодаря которому на первый планъ вмѣсто печальнаго общественнаго явленія, называемаго преступленіемъ, выступаютъ сокровенныя подробности частной жизни людей, къ этому преступленію неприкосновенныхъ. При этомъ самый виновникъ всего дѣла постепенно окутывается туманомъ, отходитъ на задній планъ и ступевывается, уступая, незамѣтнымъ образомъ, свое мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ одному изъ тѣхъ отвлеченныхъ обвиняемыхъ, которые, подъ именемъ страсти, темперамента, увлеченія, общественной среды, бытовыхъ неустройствъ и т. под. даютъ удобный поводъ высказаться свойственной у насъ многимъ жестокой чувствительности, — жестокой къ пострадавшему или обиженному и чувствительной къ виновнику мрачнаго или злобнаго дѣянія.

Жалоба гражданскаго истца съ подробностью перечисляетъ не относящіяся, по его мнѣнію, къ дѣлу обстоятельства, изслѣдованіе которыхъ было допущено при производствѣ слѣдствія о Палемъ. Допущеніе судомъ ихъ разсмотрѣнія давало бы основаніе къ усмотрѣнію неправильности въ дѣйствіяхъ суда по охраненію задачи изслѣдованія, при признаніи, что судъ имѣлъ право и законные способы для полнаго устраненія такого разсмотрѣнія. Право это, однако, судъ имѣетъ согласно рѣшенію

1878 года по дѣлу Засуличъ лишь по отношенію къ письменнымъ доказательствамъ и свидѣтельскимъ показаніямъ, *впервые* предъявляемымъ или даваемымъ на судебномъ слѣдствіи. Но право это существенно ограничено относительно тѣхъ доказательствъ, которыя добыты предварительнымъ слѣдствіемъ, — были въ виду обвинительной камеры и подлежатъ на судѣ лишь провѣркѣ — по отношенію къ свидѣтелямъ на основ. 521, 538, 574, 718, 722 и 725 ст., а по отношенію къ вещественнымъ доказательствамъ и къ письменнымъ актамъ предварительнаго слѣдствія — на основ. 687 и 697 ст. у. у. с., въ силу коихъ протоколы осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и вымоковъ по требованію сторонъ безусловно подлежатъ прочтенію, а вещественныя доказательства подлежатъ осмотру и оглашенію. Точно также прочно установлена въ законѣ и въ кассационной практикѣ безусловная, подъ угрозой отмѣны рѣшенія, обязанность суда вызывать допрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей. Несомнѣнно, что въ силу 611 ст. у. у. с. и на основаніи рѣшенія сената 1887 г., № 11, по дѣлу Маслова, предсѣдатель имѣетъ право устранить изъ показанія свидѣтеля, допрашиваемаго на судѣ, рассказъ объ обстоятельствахъ, не идущихъ къ дѣлу, но примѣненіе этого можетъ быть связано съ практическими затрудненіями, которыя весьма смягчаютъ значеніе допущеннаго въ этомъ отношеніи бездѣйствія. Свидѣтель былъ вызванъ къ слѣдователю иногда издалека, — провелъ томительные часы въ ожиданіи вопроса, — по разспросѣ его слѣдователь призналъ, что то, о чемъ онъ можетъ свидѣтельствовать, относится къ дѣлу, — занесъ все это въ протоколъ, имъ подписанный, заявилъ ему, что все сказанное и записанное онъ долженъ подтвердить присягою... — но наступилъ день засѣданія по дѣлу и этому-же свидѣтелю, явившемуся по повѣсткѣ черезъ полицію, сдѣлавшему, быть можетъ, большой путь, оставившему свои

занятія или уволенному отъ нихъ начальствомъ, снова проведенному тревожные часы и даже дни въ ожиданіи допроса, — принявшему затѣмъ торжественно присягу, выслушавшему увѣщанія предсѣдателя и угрозы карою за лжесвидѣтельство, — приходится сказать — «идите, вы не нужны, извѣстное намъ, но не присяжнымъ, показаніе ваше къ дѣлу не относится». Но свидѣтель можетъ съ изумленіемъ, даже со справедливымъ негодованіемъ спросить себя, — «зачѣмъ же меня тревожили?» и принять затѣмъ все происшедшее къ свѣдѣнію уже и на тотъ случай, когда онъ со своимъ показаніемъ дѣйствительно будетъ относиться къ дѣлу. Да и не на одномъ свидѣтелѣ можетъ отразиться такое примѣненіе 611 ст. Рѣшители дѣла — присяжные засѣдатели — и у нихъ можетъ родиться всегда вредное для правосуднаго исхода дѣла подозрѣніе, что отъ нихъ что-то скрываютъ, о чемъ-то предъ ними стараются умолчать — и притомъ о такомъ, что, однако, уже было изслѣдовано самою-же судебною властью. Это «что-то», записанное тамъ, въ дѣлѣ, лежащемъ на судебномъ столѣ, о чемъ не позволяютъ говорить свидѣтелю, несмотря на отобранную присягу показывать правду, должно смущать совѣсть присяжныхъ и вести ихъ къ произвольнымъ догадкамъ, выражающимся въ произвольномъ рѣшеніи. Наконецъ, какъ это не рѣдко, къ сожалѣнію, случается — не относящіяся въ сущности къ дѣлу показанія даже внесены въ обвинительный актъ и уже выслушаны присяжными. Идя послѣдовательно, надо признать и обвинительный актъ въ подлежащихъ частяхъ не относящимся къ дѣлу. Но на это ни предсѣдатель, ни весь судъ права не имѣютъ, ибо обвинительный актъ утвержденъ судебною палатою, которая признала его соотвѣтствующимъ закону и одобрила списокъ вызываемыхъ по нему свидѣтелей. Поэтому центръ тяжести нарушенія, приводящаго къ извращенію уголовной перспективы, лежитъ не въ судебномъ слѣдствіи, а въ предварительномъ

слѣдствіи и въ дѣятельности лицъ и учрежденія, наблюдающаго за правильностью и законностью его производства. Отсюда вытекаетъ необходимость и по дѣлу Палемъ обратиться къ періоду, предшествовавшему преданію ея суду. Этимъ опредѣлится и то звено дѣла, на которомъ можетъ сосредоточиться отмѣна приговора.

По закону, изображенному въ 531 и 534 ст. у. у. с. судебная палата, въ качествѣ обвинительной камеры, выслушавъ словесный докладъ о поводѣ, по которому возникло дѣло, и о всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, причемъ обращается ея вниманіе на соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и прочитываются въ подлинникѣ существенные протоколы, постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду, лишь признавъ слѣдствіе достаточно полнымъ и произведеннымъ безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она должна обратить слѣдствіе къ дослѣдованію или законному направленію.

Такимъ образомъ на палатѣ лежитъ двѣ обязанности: оцѣнка слѣдствія по существу и надзоръ за законностью его производства. Оцѣнка полноты слѣдствія, по свойству всякаго преступленія, вообще, должна быть направлена на разрѣшеніе вопросовъ о томъ, есть ли основаніе считать событіе преступленія совершившимся?—есть ли основаніе къ обращенію заподозрѣннаго или привлеченнаго къ дѣлу обвиняемаго въ подсудимаго? и выяснены ли всѣ данныя его личности въ отношеніи общественномъ (права состоянія), судебномъ (судимость), физическомъ (возрастъ) и психическомъ (вмѣняемость)? Изъ послѣднихъ данныхъ самыя важныя, самыя чреватыя послѣдствіями для правосудія безъ сомнѣнія тѣ, которыя касаются психическаго состоянія обвиняемаго, ибо только сознательная воля обращаетъ противозаконное нарушеніе общественныхъ и личныхъ правъ въ преступленіе, а не въ несчастіе. Обращаясь къ разсмотрѣнію того, испол-

нена ли судебною палатою ст. 534 уст. угол. суд. въ подлежащемъ ей объемѣ, необходимо замѣтить, что хотя по общему, практически установившемуся правилу сенатъ въ кассационномъ порядкѣ не входитъ въ существо и способы производства предварительнаго слѣдствія, но изъ этого имъ же самимъ, въ интересахъ поддержанія судебного порядка, установленъ рядъ исключеній. Сенатъ, въ рядѣ рѣшеній, призналъ, что и нарушенія при предварительномъ слѣдствіи подлежатъ его обсужденію—а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ во-первыхъ, такого рода, что не могли быть исправлены на судѣ,—во-вторыхъ,—когда они могли имѣть вліяніе на рѣшенія присяжныхъ и въ третьихъ, когда они не могли быть своевременно обжалованы.

Къ этому послѣднему виду нарушеній необходимо съ полнымъ основаніемъ и послѣдовательно отнести и тѣ случаи, когда эти нарушенія не могли вообще быть фактически обжалованы, потому что обжалованію не подлежали или когда не смотря на очевидность ихъ, не было жалобщика, т. е. лица, которое считало бы нарушенными свои права. Такіе случаи касаются преимущественно свидѣтелей, права и спокойствіе которыхъ могутъ быть грубо нарушаемы напраснымъ призывомъ и требованіемъ не нужныхъ, а иногда и очень тягостныхъ разоблаченій. Свидѣтели, по смыслу 492 ст. у. у. с. могутъ жаловаться лишь на притѣсненія и взысканія, которымъ они подверглись при слѣдствіи. Рѣчь идетъ очевидно не о привлеченіи ихъ къ допросу, да притомъ слѣдственное производство не открыто свидѣтелю, какъ обвиняемому,—онъ не можетъ поэтому жаловаться уже въ силу того, что не знаетъ, почему его допрашиваютъ. Сюда же относится и случай, когда потерпѣвшаго нѣтъ, какъ напр. въ настоящемъ дѣлѣ,—въ живыхъ, или когда обвиняемый находится въ такомъ состояніи, что въ его померкшемъ сознаніи нѣтъ пониманія значенія ни производимыхъ

дѣйствій, ни своихъ интересовъ — и гдѣ обвинительная власть дѣйствуетъ односторонне. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прежде всего страдаетъ начало правосудія, которому можетъ прійтись, вслѣдствіе предвзятаго взгляда слѣдователя на дѣло, пережить оскорбительныя минуты, если въ его положеніе не войдетъ судебная палата—или, при ея бездѣйствіи, сенатъ. Рѣшеніе 1869 года за № 724 окончательно устанавливающее начало кассационнаго обжалованія опредѣленій судебныхъ палатъ о преданіи суду показываетъ, что сенатъ не считаетъ возможнымъ умыть руки относительно дѣятельности судебной палаты, да это было бы и невозможно, ибо, на основаніи рѣшенія 1867 г. № 204 судъ не вправѣ входить въ обсужденіе правильности и полноты слѣдствія, по которому состоялось опредѣленіе палаты,—а между тѣмъ судебное слѣдствіе по матеріалу своему есть повтореніе слѣдствія предварительнаго. Тамъ, гдѣ палата не выполнила своихъ обязанностей по 534 ст. уст. угол. суд. и гдѣ судъ обязанъ ей безусловно подчиняться, сенатъ долженъ войти въ оцѣнку ея дѣйствій и, слѣдовательно, въ разсмотрѣніе нарушеній и пробѣловъ слѣдствія, по коему она не предписала дослѣдованія, или не дала дѣлу законнаго направленія. Не сдѣлать этого при указаніяхъ кассационныхъ жалобъ, значило бы поставить во всѣхъ случаяхъ бездѣйствія палаты по 534 ст. у. у. с. уголовное дѣло въ такое положеніе, что сенатъ можетъ исправлять его, въ смыслѣ устраненія нарушеній, ограниченно и только сверху внизъ — до палаты,—а слѣдователь и прокуратура зато могутъ почти безнаказанно портить его снизу вверхъ, тоже до палаты. Не было ли бы это похоже на заявленіе опытнаго и авторитетнаго архитектора, что онъ можетъ ремонтировать и укрѣпить грозящее паденіемъ зданіе только отъ крыши до бель-этажа, а колеблющееся основаніе зданія долженъ оставить безъ прикосновенія?! Строго держась кассационной роли, сенатъ по возможности, чтобы

не сказать слишкомъ, воздерживался отъ разсмотрѣнія дѣйстви палаты по 534 ст. у. у. с. — но практика его въ этомъ отношеніи должна быть расширена. Этого требуютъ интересы правосудія — это вызывается и практическими требованіями судебного дѣла. Въ нашей слѣдственной части проявляются болѣзненные припадки, грозящіе обратиться въ хроническій недугъ. Эти припадки надо лѣчить мѣстными судебными средствами, — а при бездѣйствіи мѣстной судебно-врачебной инстанціи, нужно прибѣгнуть къ средствамъ кассаци и надзора. Въ слѣдствіи, производимомъ односторонне, безъ яснаго и твердо очерченнаго, основаннаго на смыслѣ и духѣ уголовного закона плана, утрачиваются дѣловые контуры, его анатомическое, преподанное судебными уставами извращаются, однѣ его части атрофируются, другія вздуваются и опухаютъ. Не полное съ одной стороны, и чрезмѣрно обремененное съ другой — оно всегда грозитъ недоумѣніями и осложненіями на судѣ, — а слѣдователь, между тѣмъ, безъ руководящей идеи о производимомъ имъ дѣлѣ стоитъ бесполезно предъ моремъ житейскихъ фактовъ и подбираетъ безъ разбора все, что оно приноситъ съ пескомъ и пломъ къ его ногамъ!

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ дѣствіямъ петербургской судебной палаты по дѣлу Палемъ и останавливаясь, прежде всего, на достаточной полнотѣ слѣдствія, нельзя не видѣть, что этой полноты въ дѣйствительности не существуетъ. На многочисленныя основанія, дававшія поводъ предполагать ненормальное психическое состояніе Палемъ, и требовавшія, именно въ интересахъ полноты слѣдствія, возбужденія на основаніи 355 ст. у. у. с. вопроса объ исполненіи слѣдователемъ обряда освидѣтельствованія, указаннаго въ ст. 353—355 того же устава — уже было указано. Но въ виду палаты были еще и другія данныя, не подлежащія провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи — и данныя въ своемъ родѣ краснорѣчивыя. Не

говоря уже о показаніи доктора Чацкина, у котораго, въ виду переходившей за обычные предѣлы у перво-больныхъ мнительности Палемъ, мелькало подозрѣніе о ненормальномъ ея психическомъ состояніи, — достаточно указать на самое первое показаніе Палемъ о томъ, что она не желаетъ ничего отвѣчать, ибо слишкомъ высоко себя ставитъ — въ связи съ безразсуднымъ заявленіемъ объ условіи, при которомъ она, пожалуй, «кое-что» расскажетъ — и на составленный слѣдователемъ 7-го сентября 1894 г., протоколъ о томъ, что вслѣдствіе отказа освободить Палемъ на поруки, она грозила убить себя, зашагала въ волненіи по камерѣ, зашаталась, упала въ судорогахъ и слезахъ, произнося безсвязныя слова «Саша»... «на могилу» и т. д. — и, затѣмъ, жалуясь на ознобъ и жаръ, стала рыдать. Этого мало. Слѣдователь предпринялъ даже нѣкоторые шаги, предписываемые 353 ст. у. у. с. Онъ собиралъ свѣдѣнія о томъ, не страдала ли чѣмъ либо обвиняемая, и допрашивалъ ея родителей; — онъ призвалъ и судебного врача, доктора Руковича, смѣшавъ при его допросѣ въ одно — экспертизу психическаго состоянія Палемъ съ экспертизою разстоянія, на которомъ былъ произведенъ выстрѣлъ. Но все это дѣлалось какъ-то нерѣшительно, ощупью — и не додѣлывалось. Такъ, напр., 353 ст. предписываетъ разспросить обвиняемую и освидѣтельствовать ее чрезъ судебного врача, но этого исполнено не было, а Руковичъ, какъ видно изъ протокола отъ 12-го сентября 1894 г., не свидѣтельствовалъ Палемъ, а былъ приглашенъ дать свое заключеніе на основаніи прочитанныхъ ему протоколовъ и свидѣтельскихъ показаній, какъ будто наука и практика допускаютъ возможность постановленія такого «заочнаго психіатрическаго приговора». На обязанности обвинительной камеры лежало принять мѣры къ разрѣшенію слѣдователемъ вопроса о вмѣненіи прямо и согласно съ указаніями закона, не оставляя эту важную область изслѣдованія затрону-

той со всѣхъ сторонъ и въ то же время не разъясненною указаннымъ въ уставѣ угол. суд. порядкомъ. Возвращеніе слѣдствія къ дослѣдованію и освидѣтельствуванію Палемъ по 353—355 ст. этого ус., въ случаѣ признанія ея подлежащею вмѣненію, дали бы возможность суду и присяжнымъ выслушать настоящихъ экспертовъ-психіатровъ и устранили бы, путемъ постановки вопроса по 96 ст. ул., неразрѣшимое столкновение сомнѣнія присяжныхъ съ формальнымъ требованіемъ судопроизводства. Излишне говорить, насколько выиграло бы отъ этого спокойное отправленіе правосудія.

Но если исполненіе первой части 354 ст. у. у. с. палатою не можетъ быть признано правильнымъ, то не менѣе правильно и обсужденіе ею слѣдствія съ точки зрѣнія его соответствія требованіямъ устава уголовного судопроизводства. Судебной палатѣ на основаніи 2 ч. 249 ст. у. у. с. у. принадлежитъ надзоръ за состоящими въ округѣ ея опредѣленными лицами, къ числу которыхъ относятся и судебные слѣдователи. Надзоръ этотъ, согласно рѣшеніямъ общаго собранія 1875 г. № 63 и 1880 г. № 25, касается всѣхъ нарушеній законнаго порядка, которыя палата усмотрѣла, обнаружила или о которыхъ инымъ образомъ освѣдомилась;—онъ производится въ силу 249 — ст. учр. суд. уст. и по дѣламъ, доходящимъ въ установленномъ порядкѣ до ея разрѣшенія. Поэтому, усмотрѣвъ при обсужденіи вопроса о преданіи суду нарушеніе законнаго порядка при производствѣ предварительнаго слѣдствія, обвинительная камера имѣетъ право возстановить этотъ порядокъ, отмѣнивъ тѣ дѣйствія и распоряженія слѣдователя, которыя идутъ въ разрѣзъ съ лежащею на немъ задачею и съ его обязанностями. Статья 250 учр. суд. уст. прямо указываетъ на то, что высшее судебное мѣсто, обнаружившее неправильное дѣйствіе подвѣдомственнаго ему лица, разъясняетъ ему, въ чемъ, именно, состоитъ неправильность или опущеніе

въ каждомъ данномъ случаѣ, отмѣняетъ постановленія и распоряженія, противныя законному порядку, и принимаетъ мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка. Именно, согласно съ этими своими правами должна дѣйствовать обвинительная камера, когда усмотрѣвъ нарушение существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, она согласно 534 ст. у. у. с. обращаетъ дѣло къ законному направленію. Практически говоря — это значитъ, что палата, найдя, что какое-либо слѣдственное дѣйствіе произведено безъ указанныхъ въ законѣ оснований или безъ соблюденія гарантій, или посредствомъ способовъ, не указанныхъ или и прямо воспрещенныхъ закономъ — отмѣняетъ это дѣйствіе и признаетъ его ничтожнымъ, вслѣдствіе чего и протоколь, въ который занесено это дѣйствіе, долженъ признаваться какъ-бы несуществующимъ, причемъ къ нему, конечно, не можетъ примѣняться и ст. 687 у. у. с. Пользованіе этимъ правомъ надзора, ставя обвинительную камеру на довлѣющую ей высоту, должно служить могущественнымъ средствомъ для внутренняго улучшенія слѣдственной части и для огражденія законныхъ правъ частныхъ лицъ, не могущихъ, какъ уже было указано, обжаловать слѣдственные дѣйствія. Предоставлять палатѣ разсматривать и отмѣнять только тѣ дѣйствія слѣдователя, которыя признаны правильными обжалованнымъ опредѣленіемъ окружнаго суда, значитъ умалять роль палаты, — какъ первой по времени и притомъ, единственной инстанціи, которая разсматриваетъ оконченное слѣдствіе во всей его совокупности. Обвинительная камера является фильтромъ, пройдя сквозь который, слѣдствіе должно представляться и полнымъ, и законнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Только въ такомъ видѣ оно не подѣйствуетъ на судебное слѣдствіе, подчасъ искажающимъ и разлагающимъ образомъ. По этому обвинительной камерѣ, соблюдающей 534 ст. у. у. с., надлежитъ обращать вниманіе не только на полноту слѣдствія, но

и на его содержаніе въ смыслѣ законности и отсутствія вредныхъ для дѣла излоществъ. Вопросъ о предѣлахъ изслѣдованія, вопросъ важный и трудный. Но эти предѣлы имѣютъ столь серьезное значеніе, что установленіе ихъ необходимо. Оно давно занимаетъ и у насъ умы лучшихъ юристовъ-практиковъ, пришедшихъ къ болѣе или менѣе однообразнымъ выводамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отправною точкою изслѣдованія должно быть событіе преступленія. Оно подлежитъ обслѣдованію вполнѣ и со всевозможною подробностью, ибо въ ней, въ этой подробности очень часто содержится и указаніе на внутреннюю сторону преступленія. Точно также долженъ быть изслѣдованъ и законный составъ преступленія. Здѣсь точность и даже мелочность изслѣдованія имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу. Но затѣмъ должны быть, сообразно свойству каждаго преступленія, установлены предѣлы, до которыхъ должно идти изслѣдованіе. Такъ не всѣ предшествовавшія преступленію событія, а лишь ближайшія къ нему и съ нимъ связанныя, могутъ имѣть значеніе для дѣла. Обстановка, въ которой совершено преступленіе или въ которой находились обвиняемый и жертва преступленія—а также движущій мотивъ дѣйствій обвиняемаго, — конечно, подлежитъ изслѣдованію, равно какъ и личность обвиняемаго. Но предѣлы этого изслѣдованія зависятъ отъ рода преступленія и отъ доказанности событія. Личность должна быть, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ выдающихся юристовъ, изслѣдована «по стольку, по скольку она вложилась въ фактъ преступленія». Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ, напримѣръ, объ отрицаемомъ обвиняемымъ событіи преступленія, какъ, напримѣръ, изнасилованіи, поджога застрахованнаго имущества, подлога завѣщанія и т. п., тамъ обвиненіе можетъ быть доказано или опровергнуто доказательствами, разъясняющими такія стороны личности и жизни обвиняемаго, въ которыхъ выразились тѣ его свойства, ко-

торыми вызваны движущія побужденія его судимаго дѣянія или, наоборотъ, съ которыми дѣянія стоятъ въ прямомъ противорѣчїи. Но идти далѣе этого—значить вторгаться въ такую область, которая суду не подлежитъ, да ему и не нужна для правильнаго исполненія его задачи. Онъ разсматриваетъ не жизнь обвиняемаго, а преступное дѣяніе—онъ осуждаетъ подсудимаго за это дѣяніе, а не за жизнь его. Иначе судебному изслѣдованію и, да позволено будетъ сказать, любопытству отдѣльныхъ судебныхъ дѣятелей не будетъ предѣла. Такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ нормальнымъ ни тогда, когда онъ направляется на обвиняемаго, ни тогда, когда подобныя изслѣдованія направляются на потерпѣвшаго, когда о немъ производится своего рода дознаніе чрезъ окольныхъ людей, причемъ его жизнь и личность раскапываются съ такою мелочною подробностью, какъ будто дѣло идетъ исключительно о рѣшенїи вопроса достоинъ-ли онъ былъ постигшей его участи, точно житейское поведеніе потерпѣвшаго можетъ изъять его изъ покровительства закона и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго — то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Такого взгляда, конечно, у судебной власти существовать не можетъ и не существуетъ, но поэтому и дѣйствія ея по собиранію доказательствъ не должны никому давать повода думать, что собранный ею матеріалъ можетъ послужить для проведенія въ жизнь такого превратнаго и противорѣчащаго условіямъ общежитія взгляда. Обращаясь къ исполненію судебною палатою второго требованія 534 ст. у. у. с. надо признать, что оно ею не исполнено, также какъ не исполнена и 537 ст. у. у. с., несомнѣнно обязывающая обвинительную камеру оцѣнивать обвинительный актъ не только по квалификаціи дѣянія, но и по его содержанію и способу изложенія. Изслѣдованіе неотносящихся къ дѣлу подробностей нашло себѣ выраженіе и въ обвинительномъ

актъ по дѣлу Палемъ: въ немъ послѣ изложенія событій преступленія, указано, что, по выраженію Ольги Палемъ, Довнаръ былъ человѣкъ безхарактерный, гаденькій и нахальный, онъ закладываетъ вещи, пользовался ея деньгами и присвоилъ себѣ часть мебели, купленной ею, на деньги полученные отъ Кандинскаго, а затѣмъ, подробно изложена провѣрка этого взгляда обвиняемой на убитаго ею Довнара, предпринятая на предварительномъ слѣдствіи, причемъ ея собственное прошлое рисуется на пространствѣ двадцати девяти слишкомъ лѣтъ, начиная съ того дня, когда у «симферопольскаго еврея Мордки и жены его Гени Палемъ родилась дочь Мена». На обязанности обвинительной камеры лежитъ опредѣлить, какія части обвинительнаго акта представляются излишними, вредящими ясности и цѣльности дѣла и поэтому несоотвѣтствующими цѣлямъ правосудія, и придать этому важному документу, формулирующему собою обвиненіе, и предстоящему судебному разсмотрѣнію дѣла серьезный и дѣловой характеръ. Это требованіе палатою не было исполнено. Не видно въ дѣлѣ и слѣдовъ разсмотрѣнія приемовъ и дѣйствій судебного слѣдователя съ точки зрѣнія ихъ законности и правильности. Правительствующій сенатъ не можетъ оцѣнивать дѣйствій обвинительной камеры, по разсмотрѣнію существа дѣла и результатовъ тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, но его долгъ, не нарушая своего кассационнаго характера и не входя въ существо дѣла, оцѣнить *характеръ дѣйствій слѣдователя* въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ созданы нарушенія, не могущія быть исправленными на судѣ или обжалованными. Такъ, ст. 265 уст. уголов. судопр. обязываетъ слѣдователя приводить въ извѣстность обстоятельства, оправдывающія обвиняемаго. Въ чемъ оправдывающія? Конечно, въ дѣяніи, а не въ поведеніи и образѣ жизни до совершенія преступленія. Но какое отношеніе къ этой статьѣ можетъ имѣть оглашеніе переписки и рядъ допросовъ о принятіи обвиняемой

православія за 15 лѣтъ до преступленія, объ отношеніи ея къ родителямъ за то-же время, о ихъ средствахъ, объ обстоятельствахъ ея крещенія и объ отношеніяхъ ея къ крестному отцу? Какое отношеніе къ обвиненію ея въ убійствѣ покинувшаго ея сожителя имѣеть допросъ ряда свидѣтелей о томъ, состояла-ли она въ разное время и задолго до совершенія преступленія съ ними или съ кѣмъ-либо другимъ въ интимныхъ отношеніяхъ? причемъ одному свидѣтелю предлагается вопросъ о томъ, желалъ ли онъ на ней жениться. Такъ ст. 266 у. у. с. обязываетъ слѣдователя собирать доказательства. Это, конечно, доказательства не безразличныхъ съ точки зрѣнія уголовной обстоятельство, а доказательства преступленія, согласно его законному составу. Но какое отношеніе можетъ имѣть къ этимъ доказательствамъ обширное изслѣдованіе о матеріальныхъ средствахъ потерпѣвшаго и обвиняемой, переписка о заложенныхъ въ частномъ ломбардѣ и въ обществѣ для храненія движимостей вещахъ, о хранящихся въ государственномъ банкѣ на текущемъ счету деньгахъ и о записяхъ пересылки денегъ въ 537 почтовыхъ книгахъ, задавшія, вѣроятно, не мало работы контрольнымъ палатамъ? Могутъ-ли быть причислены къ нимъ письма лицъ, нуждавшихся въ денежной помощи или покровительствѣ Палемъ? На основаніи ст. 371 у. у. с. вещественныя доказательства, могущія служить къ обнаруженію преступленія, приобщаются къ дѣлу съ подробнымъ описаніемъ ихъ въ протоколѣ, причемъ эти протоколы и самыя доказательства оглашаются и предъявляются на судѣ. Законъ и кассационная практика воспрещаютъ прочтеніе на судѣ актовъ полицейскаго дознанія, не подходящихъ подъ требованіе 687 ст. у. у. с. Но приобщеніе цѣлыхъ полицейскихъ производствъ, содержащихъ въ себѣ, при этомъ обстоятельства, касающіяся частной жизни совершенно постороннихъ лицъ, составляетъ обходъ этого закона, не говоря уже о вторженіи въ жизнь людей, къ дѣлу

никакого касательства не имѣющихъ. Поэтому, приобщая какое-либо дѣло къ слѣдственному производству, судебный слѣдователь обязанъ съ точностью указать и описать въ протоколѣ лишь то, что прямо относится къ изслѣдуемому преступленію и съ этой точки зрѣнія дѣло сыскаго отдѣленія, оглашенное на судѣ, могло подлежать приобщенію только въ опредѣленныхъ, прямо относящихся до преступленія Палемъ, частяхъ.

Ст. 357 у. у. с., относящаяся до изслѣдованія событія преступленія, дозволяетъ производить обыски и выемки лишь въ случаяхъ основательнаго подозрѣнія о сокрытіи обвиняемаго, или предмета преступленія, или вещественнаго доказательства, причемъ, конечно, выемки по отношенію къ письменнымъ доказательствамъ можно производить лишь тогда, когда хранитель отказывается ихъ выдать добровольно. Эти дѣйствія до такой степени вносятъ смуту въ жизнь частнаго человѣка и въ отношенія къ нему окружающихъ, что должны быть предпринимаемы съ особенной осторожностью. Но можно-ли считать требованіе 357 ст. соблюденнымъ, въ виду постановленія судебного слѣдователя о производствѣ въ Одессѣ у Кандинскаго обыска и выемки его переписки и торговыхъ книгъ, когда онъ еще не былъ допрошенъ, а, слѣдовательно, не могъ отрицать тѣхъ своихъ отношеній къ обвиняемой, подтвержденіемъ которыхъ могли служить эти книги и переписка, въ случаѣ заявленія отказа въ ихъ представленіи, отобраніе торговыхъ книгъ, несмотря на просьбу Кандинскаго объ оставленіи ихъ у него для веденія торговыхъ дѣлъ и отчетности, происшедшее 11-го іюня и заключившееся 31-го октября производствомъ бухгалтерской экспертизы этихъ книгъ для опредѣленія того, какія суммы выдавались на имя Палемъ и Довнара, представляетъ собою явное нарушеніе ст. 529 и 530 уст. тор., въ силу которыхъ эти книги составляютъ ненарушимую коммерческую тайну и только въ случаѣ несостоятельности,

по опредѣленію суда, отбираются у несостоятельнаго и разсматриваются къмъ слѣдуетъ. Излишне говорить, что подобная безцѣльная любознательность слѣдователя, нарушившая существенные интересы торговаго лица и могущая подорвать его кредитоспособность, составляет извѣстнаго рода угрозу для спокойнаго существованія лица непричастнаго совѣмъ къ преступленію. Такая незаконная любознательность, граничащая съ произволомъ, можетъ заставить общество обратиться къ справедливому извращенію старой русской поговорки «Не бойся суда, — говоритъ она, — а бойся судьи». Судебная реформа отучила бояться судей, а пріучила ихъ уважать. Но тамъ, гдѣ добросовѣстный судья не будетъ отдавать себѣ яснаго отчета въ цѣли и значеніи своихъ дѣйствій, тамъ само учрежденіе суда заставить общество говорить «не бойся судьи, а бойся суда».

Не касаясь дальнѣйшихъ указанныхъ гражданскимъ истцомъ усложненій и неправильныхъ приростовъ настоящаго слѣдствія, тянувшагося благодаря имъ, по ясному и неопровержимому событію, пять мѣсяцевъ, нельзя отрѣшиться отъ мысли, что эти приросты затемняли истинную сущность дѣла и что такую свою роль они могутъ выполнить и вновь, если судебною палатою не будутъ приняты мѣры къ устраненію ихъ при самомъ разсмотрѣніи слѣдствія. Поэтому отмѣны приговора было-бы недостаточно для возстановленія законнаго порядка въ этомъ дѣлѣ—отмѣна должна идти дальше и глубже и коснуться опредѣленія судебной палаты о преданіи суду, обязавъ судебную палату въ точности примѣнить къ дѣлу 534 и 537 ст. у. у. с. Такое рѣшеніе правительствующаго сената вызывается существенными нарушеніями, допущенными по настоящему дѣлу, и требуется интересами правильнаго отправленія правосудія, вообще. Это рѣшеніе должно настойчиво указать обвинительнымъ камерамъ ихъ обязанность быть на стражѣ правильнаго производства пред-

варительнаго слѣдствія и разрѣшить окончательно роковой судебный вопросъ: *et quis custodit custodes ipsos?*“

По всѣмъ этимъ соображеніямъ оберъ-прокуроръ полагалъ отмѣнить и самое опредѣленіе палаты о преданіи Палемъ суду за нарушеніемъ 534 ст. у. у. с. и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ порядкѣ преданія суду въ другой составъ той-же судебной палаты.

Послѣ рѣчи об. прок. Кони защитникъ Карабчевскій еще съ бѣльшею настойчивостью развивалъ свои соображенія, указывая на отсутствіе кассационныхъ нарушеній въ дѣлѣ О. Палемъ.

Правительствующій сенатъ, послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія, опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, приговоръ спб. окружнаго суда и опредѣленіе спб. судебной палаты о преданіи суду за нарушеніемъ 549 и 534 ст.-у. у. с. отмѣнить, передавъ дѣло въ спб. судебную палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія и дальнѣйшаго производства въ установленномъ закономъ порядкѣ.

РОМАНЪ КОЖЕВНИКА.

Феликсъ Бизуаръ, сынъ богатаго кожевника, изъ города Семюра, семь или восемь лѣтъ назадъ безумно влюбился въ модистку, жившую въ томъ же городѣ, Фелисату Матье, и началъ преслѣдовать ее пламенными посланіями. Она въ свою очередь заинтересовалась молодымъ человекомъ и, бросивъ въ Семюрѣ свое довольно выгодное дѣло, переѣхала съ нимъ въ Парижъ.

До 1888 года Феликсъ и Фелисата жили очень счастливо. Молодая женщина, работающая и вполне безупречная, если не считать ея связи съ Бизуаромъ, открыла въ Клиши модную мастерскую. Ея заказчицы знали ее подъ именемъ «мадамъ Бизуаръ», каковое имя она уполномочена была носить своимъ же любовникомъ. Въ 1889 году родилась у нихъ дѣвочка и сынъ кожевника изъ Семюра повидимому рѣшился жениться на Фелисатѣ.

Но родители его не одобрили этого брака, они мечтали найти для своего сына богатую невѣсту.

Скоро и самъ Феликсъ сталъ тяготиться своимъ поло-

женіемъ. Рожденіе второй дѣвочки не могло зажечь въ немъ потухшей любви. Внезапно онъ покинулъ свою возлюбленную и возвратился на родину.

Покинутая безъ всякихъ средствъ, Фелисата принуждена была отдать своего втораго ребенка на общественное воспитаніе въ пріютъ. Все же скудное ея имущество было продано съ аукціона на удовлетвореніе платежа за квартиру. Фелисата Матье возвратилась на родину въ Семюръ. Здѣсь напрасно старалась она пріобрѣсти прежнихъ заказчицъ. Буржуазія этого маленькаго городка не могла простить ей ея ошибки. Семюрскія дамы съ презрѣніемъ проходили мимо ея двери. Подавленная крайней нуждой, несчастная дѣвушка волей-неволей должна была обратиться въ судъ и потребовать отъ отца своихъ дѣтей, хотя бы меньшаго для нихъ содержанія и куска хлѣба.

Благодаря интересной защиты парижскимъ адвокатомъ Генрихомъ *Кулономъ* истицы и дижонскимъ адвокатомъ *Тисономъ* отвѣтчика, выплыла на свѣтъ объемистая переписка, содержащая въ себѣ всю исторію этой романтической любви.

Въ первое время Феликсъ Бизуаръ изливалъ свои чувства къ Фелисатѣ въ пламенныхъ стихахъ, безъ всякаго стѣсненія списывая ихъ у Мюссе и Виктора Гюго. Стихи эти семюрская модистка принимала съ энтузіазмомъ и гордилась любовью мнимаго поэта.

Иногда сынъ семюрскаго кожевника удостоивалъ ее и прозой, также откуда то списанной.

„Моя дорогая, ненаглядная Фелисата, я получилъ ваши два длинныя, но прекрасныя посланія. Неправда ли, вы шутя го-

ворите, что письмо ваше мнѣ можетъ показаться слишкомъ длиннымъ. О, отъ васъ, отъ тебя, моя дорогая Фелисата, никогда!

„Неужели мои письма показались бы тебѣ длинными!...

„Если это такъ, то я совѣтую тебѣ на твои маленькіе, но чудные и жгучіе глазки и на твой маленькій, прекрасный орлиный носикъ надѣть двѣ пары очковъ. Для того чтобы наказать тебя за твои мысли, я хочу написать тебѣ цѣлый журналъ“.

Влюбленные перебрались въ Парижъ. Будучи хорошей модисткой Фелисата открыла небольшую модную мастерскую, но для ея любовника настали тяжелые дни. Его семейство, узнавъ о его связи съ Фелисатой, прекратило выдачу ему денегъ и онъ напрасно искалъ себѣ заработка на сторонѣ. Но серьезно ли онъ искалъ работу? Едва ли? Вотъ что гласитъ нижеслѣдующее его письмо:

„Дорогая моя! Я страстно люблю тебя, но ты можешь возбудить во мнѣ даже ненависть, если ты будешь каждыи день продолжать одну и ту же старую пѣсню: „работай, работай!“ Нѣтъ, довольно, если бы я и нашелъ какое нибудь занятіе, я все таки не послѣдовалъ бы твоему совѣту“.

Несчастливая дѣвушка покоряется своей участи и добываетъ столько, сколько можетъ. Иногда даже, когда Феликсъ Визуаръ отлучается изъ дому, она посылаетъ ему по почтѣ небольшія денежные суммы.

Молодой человекъ очень старательно рассказываетъ ей мельчайшія подробности отправки денежныхъ пакетовъ.

„По полученіи этого письма ты отправишься сама или пошлешь кого либо на почту и скажешь почтовому чиновнику, дайте мнѣ почтовую росписку на девять франковъ, а ты вручишь ему десять сантимовъ. Вотъ и вся процедура. Только убѣдительно прошу тебя не говори, кому ты посылаешь эти деньги. Этого вовсе не нужно“.

Между тѣмъ родители Визуара дѣлаютъ невѣролтные усилія, чтобы отвлечь сына отъ этой связи. Они все еще

падѣются на выгодный бракъ, они умоляютъ его возвратиться въ Семюръ.

Фелисата Матье начинаетъ беспокоиться. Вотъ что она пишетъ своему любовнику:

„Мой вѣчно любимый!

„Я дрожу. Нѣтъ вы не можете искать счастья на сторонѣ. Неужели вы бросаете меня только потому, что я бѣдна и трудомъ добываю деньги.

„Дорогой мой, у меня нѣтъ никого близкаго, кромѣ васъ. Не предпочитайте богатство бѣдности“.

Послѣ многихъ лѣтъ борьбы родители одержали побѣду. Внезапно Феликсъ Бизуаръ покидаетъ свою любовницу, ознаменовавъ свой разрывъ съ ней нижеприводимымъ, угрожающимъ и грубымъ письмомъ:

„Милостивая государыня!

„Въ отвѣтъ на ваше малопамятное для меня письмо, я долженъ извѣстить васъ, что....

„Принимая во вниманіе всѣ оскорбленія, нанесенныя мнѣ вами лично и вашей семьей, съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Клиши, я не имѣю ровно никакого желанія поддерживать съ вами мои прежнія отношенія.

„Кромѣ того, меня ужасно удивило, что вы осмѣлились обратиться ко мнѣ, отказавшись предварительно выслать мнѣ военный мой отпускъ. Вашъ отказъ стоилъ мнѣ четырехъ дней ареста. Покорнѣйше прошу выслать мнѣ этотъ отпускъ.

„Въ противномъ случаѣ, знайте, что я заставляю васъ возвратить его мнѣ, а если его у васъ не найдется, то я буду преслѣдовать васъ за кражу этого отпуска и за незаконное носеніе моего имени.

„Совѣтую исполнить мое требованіе“.

„Бизуаръ“.

Несчастливая дѣвушка все еще не могла повѣрить, что Бизуаръ навсегда покинулъ ее. Она продолжаетъ тревожиться за него и посылаетъ ему почтительныя и нѣжныя письма. Онъ съ ироніей отвѣчаетъ ей:

„Будьте спокойны за мое здоровье, я вѣдь самъ хозяинъ предиріятія и не дотрогиваюсь болѣе къ кожамъ, изъ боязни запачкать руки.

„Я видѣлъ вчера моего пріятели Эрнеста въ первый разъ послѣ нашей разлуки. Онъ не понимаетъ, какъ могъ я тебя покинуть. Это странно“!

Апелляціонный Дижонскій судъ, въ который поступилъ искъ дѣвицы Матье, нашелъ предосудительнымъ поведеніе ея любовника и постановилъ рѣшеніе противъ него, на основаніи слѣдующихъ соображеній:

«Принимая во вниманіе, говоритъ судъ, что вопреки принятыхъ на себя обязательствъ, характеръ которыхъ въполнѣ выясняется въ почтительныхъ письмахъ отвѣтчика къ своимъ родителямъ, Бизуаръ возвратился въ Семюръ, оставивъ безъ всякихъ средствъ Фелисату Матье, которая готовилась въ второй разъ стать матерью.

«Ничто не даетъ повода думать, что къ этому рѣшенію его привела какая либо ошибка со стороны дѣвицы Матье.

«Повидимому, онъ дѣйствовалъ такъ вслѣдствіе настояній своей семьи и съ цѣлью избавиться отъ неприятныхъ послѣдствій, вступленія въ бракъ съ бѣдной дѣвушкой, имѣя въ виду другой выгодный бракъ.

„Денежное обязательство въ подобныхъ отношеніяхъ неизбѣжно для всякаго честнаго человѣка. Въ данномъ случаѣ это обязательство увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Фелисата Матье вовсе не была интересанкой, что она и доказала всѣмъ своимъ предшествующимъ поведеніемъ.

„Ошибка, хотя совершенная сообща, не освобождаетъ однакоже виновника этой ошибки быть приговореннымъ къ возмещенію убытковъ“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Нѣсколько словъ отъ составителя.

Отголоски печати (вмѣсто предисловія).

I.—Дѣло Ольги Палемъ

До суда.

Убийство Довнаръ и покушеніе на самоубійство Палемъ.—Знакомство Палемъ съ Довнаръ.—Отношенія Палемъ къ Кандинскому.—Совмѣстная жизнь.—Сцены ревности.—Г-жа Шмидтъ.—Думаль-ли Довнаръ жениться на Палемъ.—Жалобы Палемъ начальству Довнара.—Угрозы Палемъ.—Назначеніе свиданія на 16 мая.—Выводы обвинительнаго акта по обвиненію Палемъ въ заранѣ обдуманномъ убійствѣ. 1—11

На судѣ.

Засѣданіе 14 февраля 1895 и отсрочка.—Засѣданіе 15 февраля.—Удручающее впечатлѣніе отъ чтенія обвинительнаго акта.—Допросъ свидѣтелей 11—39

Послѣдній день предъ судебными преніями.—Чтеніе писемъ.—Показаніе эксперта Руковича. 39—47

Судебныя пренія: Рѣчь тов. прок. Вашилова. Рѣчь Рейбота, повѣр. г-жи Шмидтъ. 47—82

Рѣчь защитника, Н. П. Карабчевскаго. 52—130

Послѣднее слово подсудимой.—Постановка вопроса. Приговоръ присяжныхъ. 130—132

Въ Сенатѣ.

Протестъ товарища прокурора и жалоба повѣреннаго г-жи Шмидтъ.—Рѣчь Н. П. Карабчевскаго.—Заключеніе оберъ-прокурора А. О. Копи.—Опредѣленіе Сената. 133—188

II. Романъ Кожевника (Дѣло Феликса Визуара съ Фелисатой Матье) 189—193

Опечатка: на стр. 192 вмѣсто малопамятное слѣдуетъ; мало-понятное.

НОВЫЯ КНИГИ Л. О. СНЕГИРЕВА.

Руководство къ познанію законовъ. „Гражданскіе Законы“ въ трехъ книгахъ,—

1) О лицахъ, ихъ гражданскомъ состояніи, мѣстожителствѣ, бракѣ, родительской власти, узаконеніи и усыновленіи, опека и попечительствѣ. 2) Объ имуществѣ, его различныхъ видахъ, о собственности и правахъ на чужую вещь, 3) О Разныхъ способахъ приобрѣтенія имущества: о наследствѣ, дареніи, духовныхъ завѣщаніяхъ, о выкупѣ родовыхъ имуществъ, о договорахъ и обязательствахъ, о куплѣ-продажѣ, запродажѣ, поставкѣ, наймѣ имущественномъ и личномъ, подрядѣ съ частными лицами и казною, о договорахъ товарищества, о займѣ, отдачѣ на храненіе, договорѣ страхования, довѣренности, поручительствѣ, задаткѣ, закладѣ и залогѣ, давностномъ владѣніи, находкѣ, законахъ о векселяхъ и отвлеченной собственности (право автора и изобрѣтателя),—

ОБЩЕДОСТУПНО ИЗЛОЖЕННЫЕ И ОБЪЯСНЕННЫЕ

по дѣйствующему своду законовъ гражданскихъ, изданія 1887 г., теории права и разъясненій кассационной практики, съ приложеніемъ образцовъ на разные способы приобрѣтенія имущества и совершенія всякаго рода договоровъ.—**Цѣна 2 руб. М. 94 г. Изданіе Товарищества И. Сытинъ и К^о. въ Москвѣ.**

РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ ЗАКОНОВЪ, ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ.

1) Гражданскіе Законы вышеупомянутые въ 3 книгахъ. 2) Гражданскій процессъ, начиная съ судоустройства уголовного и гражданского. Судопроизводства: у Мироваго судьи, Земскаго начальника, Городскаго судьи, Уѣзднаго члена, въ Окружныхъ Судахъ, Судебныхъ Палатахъ и Кассационномъ Сенатѣ. Дѣла съ казною, брачныя и о законности рожденій. Третьейскій Судъ. Производство дѣлъ въ Коммерческихъ Судахъ и порядокъ принесенія жалобъ на Высочайшее Имя. 3) Уголовныя законы, начиная съ дѣленія наказаній и наказуемыхъ дѣяній и кончая преступленіями и проступками повѣренныхъ, управляющихъ, опекуновъ и попечителей, кратко изложенные. 4) Уголовный процессъ. Различіе уголовного и частнаго преслѣдованія. Предварительное производство. Разбирательство на судѣ, начиная съ волостнаго суда и кончая судомъ присяжныхъ засѣдателей. Порядокъ жалобъ и протестовъ. **Цѣна 3 руб. М. 94.**

Складъ и изданіе Товарищества И. Сытинъ и К^о. въ Москвѣ.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ СОКРАТА, рассказ. Ксенофонтъ и Платонъ. Геліасты.—Жизнь Сократа.—Борьба съ софистами. Юношества.—Ученіе о Божественномъ Провидѣніи.—Ученіе о нравственности, справедливости и правосудіи.—Ученіе Сократа о семьѣ.—Осужденіе.—Смерть. Съ 3 рис. **Цѣна 50 коп.**
М. 95 г. Изданіе книжнаго малазина Б. Тихомирова, въ Москвѣ.

СУДЕБНЫЯ ДРАМЫ

Библиотека УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ Л. Θ. Снегирева.

Въ занимательныхъ разказахъ составитель Судебныхъ Драмъ знакомитъ читателей съ замѣчательными и загадочными процессами и уголовными исторіями всѣхъ странъ, сопровождая ихъ иногда иллюстраціями. Здѣсь нѣтъ мѣста ни искусству, ни фантазіи, тутъ сама жизнь съ ея безконечными событіями, съ ея богатствомъ и бѣдностью, съ ея свѣтомъ и мракомъ. Здѣсь одна правда, дѣйствительность во всей своей подчасъ неприглядной наготѣ.

Судебныя драмы выходятъ въ неопредѣленные сроки, заключая въ каждомъ выпускѣ одинъ или нѣсколько процессовъ. На всякіе запросы къ составителю (Л. Θ. Снегиреву, Сергіевъ Посадъ М. г.) просимъ прилагать отвѣтныя марки. За отдѣльные выпуски можно присылать марки, или выписывать съ наложеннымъ платежомъ.

Первый томъ сборника, въ $\frac{1}{4}$ долю, заключающій 20-ть процессовъ, весь распроданъ.

Находятся въ продажѣ: По 30 к. выпускъ: 1) Убійство Фаульдеса. 2) Шайка Лемэра, 3) Грехъ Костоло и Позтическое сумасшествіе. 4) Осторожность въ приговорахъ и пр. 5) Жанъ Делаклонжъ. По 40 коп.: 1) Убійство хористки Бефани, съ полной рѣчью кн. Урусова, 2 изд. 2) Дуэль Пушкина, 2 изд.

Дѣло Бартенева и Шамбижа съ портр. Ц. 1 руб.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБ.